ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

2-3.1999

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 1999, № 2-3

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

К. Н. САНУКОВ (главный редактор)
Ю. В. Андуганов (зам. главного редактора)
В Е. Владыкин
Ю. А. Зеленеев (отв. секретарь)
А. Г. Иванов
М. Г. Иванова
А. Д. Каксин
В. К. Кельмаков
Г. М. Керт
Н. Д. Конаков
В. Г. Кудрявцев
Т. Л. Молотова
В. В Напольских
Т.Б. Никитина
А. Н. Ракин
В. В. Седов
В. С. Соловьев
Д. В. Цыганкин

Мнения, высказываемые в материалах журнала не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

©НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА "ФИННО-УГОРСКИЙ МИР И XXI ВЕК"

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ: НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПОИСКИ

ИСТОРИЯ

Алибеков С., Ермакова Е., Шафрин А. Новое в реставрации и консервации археологических предметов (по финно-угорским памятникам Среднего Поволжья)..... 5

Бахтин А. Некоторые проблемы средневековой истории марийцев..... 7

Большов С. Датировка абашевских памятников и их место в кругу культур эпохи бронзы севера Среднего Поволжья. 11

Букина О. Погребения с остатками трупосожжений в могильниках поволжских финнов в IV-XI вв. нашей эры..... 13

Васильева О. Власть и удмуртская интеллигенция (1920-1930-е годы)..... ... 16

Гареев И. Численность марийского населения Оренбургской губернии в конце XVIII - первой половине XIX вв 18

Журавлева Г. Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (по материалам могильников Удмуртского Прикамья)..... 20

Зеленеев Ю. Расселение финно-угров Волго-Камья в XIII-XV вв 23

Зенцов И. Вопросы изучения истории марийского книгоиздания..... 25

Иванов Ал. Занятость и занятия населения Марийской автономной области (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года). 29

Иванов Ан. Всемарийские языческие моления в 20-х годах XIX века..... 31

Исанбаев С., Ожиганова Е., Орлова О., Шабыков В. Состояние и перспективы развития социологических исследований в Республике Марий Эл..... 34

Кадыкова Г. Марийская крестьянская семья в первой половине XIX века (по «ревизским сказкам» Казанской губернии). 37

Казаков Е. Этнокультурное взаимодействие волжских болгар с населением Марийского Поволжья в X-XI вв. 40

Казанцева О. Культурные контакты гончаров Прикамья с мастерами Поволжья в железном веке (по археологическим данным). 41

Коньшин А. Формирование национальной государственности у коми-пермяков..... 43

Кутасова В. Библиотечные фонды - часть историко-культурного наследия марийского народа..... 45

Лещинская Н. Западное направление культурных связей населения Вятского бассейна Приуралья в I тыс. н.э..... 48

Макаров Л. Формирование ареалов древнерусских поселений на территории Прикамья..... 51

Мезин П. Финно-угорский мир на карте П.И. Кеппена и в его научных исследованиях: этапы, проблемы и методы аккультурации. 53

Никитин В. Культурогенез в эпоху камня в лесной части Средней Волги..... 55

Обрезкова А. Исследования жизни и деятельности представителей финно-угорской интеллигенции в Казани 59

Ошаев А. Истоки марийского национального движения. 62

Петрова Е. Основные принципы и особенности домостроительства населения Марийского Поволжья во II-I тыс. до н.э..... 64

Рыбалка В. Роль сельской интеллигенции в повышении культуры марийской деревни (1946-1965 гг.)..... 66
Свечников С. Основные черты социального строя марийцев в XV - первой половине XVI вв. 69
Соловьев Б. К вопросу о соотношении культур эпохи ранней бронзы юга лесной полосы Волго-Уралья 71
Сутырина С. Дискуссии 20-х годов о социально-экономическом развитии марийского народа 74
Токарева Н. Лесные промыслы марийцев в годы нэпа..... 78
Токарева Л. Марийская школа в 20-е годы..... 80
Черных Е. Культовый комплекс Аргыжского городища на реке Вятке..... 84
Шапиева Н. Восточные марийцы: этапы и особенности этнической истории..... 86
Яковлева В. Мещера в источнике середины XIX века (к вопросу о расселении)..... 90

ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Артюшкина З. Традиционный костюм и цветосимволика марийской вышивки..... 93
Бояринова Г. Несловесные средства изобразительности в драме К. Коршунова "Корныеҥ" ("Путник")..... 96
Буранова Л. Институт "свое-чужое" в пространственно-временной системе традиционного мировоззрения удмуртов..... 100
Девяткина Т. Традиционная модель мира в мифологии мордвы..... 101
Золотова Т. Методические и методологические аспекты проблемы межэтнических связей и взаимодействий (на материале традиционной культуры)..... 103
Иванов И. Символы в марийских обрядовых народных песнях..... 107
Кудрявцев В. Языческая символика в марийском народном искусстве: традиции и современность..... 110
Кудрявцева Р. Марийский рассказ начала XX века (поэтика жанра)..... 113
Кузнецова Т. Коми повесть конца XX века в поисках художественных концепций... 117
Миннияхметова Т. Состояние древней религии удмуртской диаспоры..... 119
Молданов Т. Мифологическая картина мира, воспроизводимая на современных медвежьих игрищах..... 121
Молданова Т. О происхождении геометрического орнамента хантов (семантический аспект)..... 124
Molnar G. The hungarian mythic tree..... 126
Никонова Л. Традиционная медицина финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья (краткий историографический анализ)..... 128
Орлов Г. Марийские языческие молитвы в свете "теории ландшафтов"..... 131
Сабитов С. О подготовке и издании свода "Марийский фольклор"..... 133
Садиков Р. Строительная жертва «гулбеч така» у закамских удмуртов..... 136
Сапегина Ю. Региональные традиции и межэтнические связи в преданиях этносов Малмыжского региона..... 138
Струёнкова Г. Компоненты материальной культуры в системе жизнеобеспечения мордовского этноса: традиции и современность..... 141
Сусорева М. К вопросу историко-культурных и литературных взаимосвязей марийцев и мордвы..... 143
Урмацких М. Обряд жертвоприношения животного у марийцев Каракулинского района..... 145
Феоссева Н. Современная марийская проза о 30-х годах..... 147
Червонная С. Языческая символика и мифология в марийском искусстве..... 148
Шабдарова Л. Символика цветов в марийских народных песнях и частушках..... 151
Яларова Л. Фольклорно-этнографическая основа первых марийских очерков..... 154
Яковлева Г. Современная марийская драма..... 155

ФИЛОЛОГИЯ

Анорианова Е. Структура терминов кровного родства в волжских языках ... 159
Апсатарова С. Формирование фонем *ä* и *ö* в мишкинском говоре как результат контакта с тюркскими языками ... 161
Барцева Л. О семантике глаголов марийского «йошкаргаш» и мордовского «якстерьгаломс» ... 163
Галкин И. Об одном из принципов определения последовательности проникновения иноязычных слов и форм ... 166
Гордеев Ф. О позднесарматизмах в горном и северо-западном диалектах марийского языка ... 168
Зорина О. Кулинарная лексика финского языка ... 170
Иванов Н. К проблеме сохранения марийского языка ... 172
Куклин А. Современная топонимастика: достижения, поиски, перспективы ... 179
Липатов А. Финно-угорская *kuŋa и русская «избушка на курьих ножках» (этимология и семантика пракорня *kŭr-) ... 181
Максимов В. Прономинальное послеложное управление в марийском языке ... 184
Матросова Л. Осложненные формы именного составного сказуемого в марийском языке ... 185
Мухамадеев Р., Сабанцева Ж., Сорокина Н. Частотные словари марийских языков ... 187
Останова З. Включение краеведческого и этнографического материала в содержание работы коми национального детского сада ... 189
Сергеев О. К проблеме составления исторического словаря марийского языка ... 192
Тужиров Г. Имеют ли статус падежа в марийском языке аппроксиматив и элатив? ... 193

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ: СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Абукаева Л. Функционирование присубстантивно-определительных предложений в марийском языке ... 198
Васикова Л. Актуальные проблемы функционирования марийских языков: вопросы орфографии ... 200
Громова Л. История, современность и перспективы развития карельского языка в Тверском регионе ... 204
Зорина З. Русская речь мари как модель фонетического субстрата ... 207
Игнаева Р. Точная множественность, определяемая посредством единиц измерения, в марийском языке ... 112
Константинова В. Проблема совершенствования преподавания марийского языка как неродного ... 216
Насибуллин Р. Место русских заимствований дооктябрьского периода в лексической системе современного удмуртского языка ... 220
Некрасова Г. Функционирование форм множественности существительных в современном коми языке ... 222
Перова В. Синонимические пары антонимов в марийском языке ... 224
Ракин А. Анатомическая лексика и нормативные словари пермских языков (сравнительный анализ) ... 228
Строгальщикова З. Вопросы языковой политики в Конституциях Республики Карелия ... 230
Фомин Э. Стилистический аспект функционирования чувашского и марийского языков в сфере науки ... 234
Цыпанов Е. Глагольные новообразования в коми языке ... 236

"Финно-угроведение", 1999, № 2-3.

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА "ФИННО-УГОРСКИЙ МИР И XXI ВЕК"

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ: НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПОИСКИ

ИСТОРИЯ

С. Алибеков, Е. Ермакова, А. Шадрин
Йошкар-Ола

НОВОЕ В РЕСТАВРАЦИИ И КОНСЕРВАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ (ПО ФИННО-УГОРСКИМ ПАМЯТНИКАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

В настоящее время в реставрационной практике все шире применяются способы обработки археологического материала, основанные на новейших достижениях физических, химических и биологических наук. Наиболее часто применяемыми методами для очистки изделий из металла являются механические, физико-химические и электрохимические способы.

Нами разработаны и проверены на практике методики по реставрации и консервации археологических предметов, изготовленных из чистого железа, стали, меди и ее сплавов - латуней и бронз.

Любой реставрации предшествует тщательный осмотр изделия, и в случае сквозного коррозионного поражения использовали только консервирование после предварительного удаления грязи и глины в горячей воде в ультразвуковой ванне.

Методами макро- и микроанализа с привлечением металлографического анализа определяли металл, из которого изготовлено изделие, а также характер коррозионного поражения. Сквозное коррозионное поражение и межкристаллическую коррозию выявляли по отсутствию металлического звучания.

Механическую очистку от грязи и глины проводили на виброустановке и с использованием ультразвуковых ванн с горячей водой.

После механической очистки предметы подвергали обезжириванию. Применение традиционных обезжиривающих веществ затруднено, т.к. некоторые предметы насквозь пропитаны солями или ржавчина прочно сцеплена с глиной и другими загрязнениями, или на предмете имеется довольно толстый слой известковых отложений.

Для обезжиривания предметов из цветных металлов использовали щелочные электролиты с добавками эмульгаторов. Если предмет имеет сложную рельефную поверхность, то обезжиривание возможно лишь при электрохимическом воздействии - меняя полярность тока через каждые 3-5 минут. Для повышения качества и скорости обезжиривания нами также применялась ультразвуковая обработка в щелочных электролитах с применением четырехсекционного магнитострикционного излучателя. При распространении ультразвуковой волны в жидкости возникают области резко повышенного давления, чередующиеся с областями пониженного давления. Так возникает явление кавитации - кавитация не только помогает удалить остатки земли, соли, но и разрушает пленки оксидов, удаляет ржавчину, т.е. происходит частичное протравливание.

Протравленные участки отличаются блестящим видом.

После обезжиривания и тщательной промывки все предметы подвергались травлению. При травлении железных предметов использовали электролиты на основе неорганических кислот с добавками ингибиторов. Травление лучше всего происходит в сернокислотных электролитах с добавками хлорида натрия. Процесс травления интенсивно происходит при температуре 50-70 °С. Необходимо тщательно следить за процессом травления, т.к. наиболее активно травятся выступающие участки рельефа предмета. Использование ультразвуковой ванны приводит к более равномерному процессу протравливания.

После травления, тщательной промывки и сушки археологические предметы подвергали консервации.

Для консервации использовали специально приготовленные бесцветные фторопластовые лаки, обладающие хорошей кроющей способностью на рельефной поверхности археологических предметов, изготовленных из металлов и их сплавов, из-за высокой адгезии с металлами. Они образуют достаточно прочную и тонкую пленку на поверхности предметов и обладают гидрофобными свойствами, устойчивы к изменению температуры.

А. Бахтин
Йошкар-Ола

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ МАРИЙЦЕВ

В изучении средневековой истории марийского народа до сих пор остается немало белых пятен. Из-за ограниченности источниковой базы исследователи встречаются с огромными трудностями, особенно при изучении периода XIII-XVI вв. В данном сообщении дается лишь самая общая характеристика отдельных проблем этого периода.

Сложнейшим и одновременно самым значимым является вопрос о уровне социально-экономического развития марийского общества в указанные века. Первоначально в отечественной историографии преобладало мнение о продолжительном сохранении у марийцев родоплеменных отношений. В советской исторической литературе послевоенного периода, напротив, указывалось на существование уже развитых феодальных отношений, на четкое деление марийского общества на класс феодалов - эксплуататоров и эксплуатируемых крестьян, на наличие феодальной собственности на землю и системы внеэкономического принуждения. Всячески подчеркивался классовый антагонизм в марийском обществе, который учитывался марксистскими историками при объяснении средневековой истории марийцев. Такой подход неизбежно заводил исследователей в тупик, т.к. факты не всегда укладывались в догматические схемы, принятые на вооружение марксистско-ленинской исторической наукой.

Совершенно по-новому подошла к решению проблемы московский исследователь К.И. Козлова в своей монографии 1978 г. "Очерки этнической истории марийского народа". Она обоснованно выступила с утверждением о существовании особого переходного периода от родового строя к раннеклассовому. По ее мнению, он не мог произойти очень быстро. Переходный период по К.Л. Козловой характеризуется сохранением родовых отношений и заметным влиянием военно-демократической организации. В то же время, уже произошло усиление власти военных вождей и наблюдался процесс феодализации, что отражалось на общественных отношениях. Причудливо сочетались новые явления и пережитки старого. Марийское общество еще было слабо дифференцировано и не разделялось на антагонистические классы, что дало марийцам возможность высту-

пать единым фронтом при отстаивании своих интересов. Для нас важно то, что выводы К.И. Козловой помогают понять многие механизмы средневековой истории марийского народа

Существенной особенностью истории Среднего Поволжья второй половины XVI в. является необычайно активная роль марийцев в политической жизни. Причем они смогли оттеснить на второй план даже многочисленных и более культурных татар. Этот парадокс объясняется различиями в социально-экономическом развитии. Татары к тому времени уже имели развитые феодальные отношения, сопоставимые с установившимися в России. Лишь только Казанское ханство рухнуло, и сопротивление татар было сломлено, так они сразу же, в соответствии с этикой феодального вассалитета, признали власть русского царя и стали поступать на службу. Что касается марийцев, то незавершенность переходного этапа от родоплеменных к раннефеодальным отношениям определили длительное сохранение у них коллективизма и военно-демократической организации, что обусловливало их воинственность и способствовало отстаиванию марийцами своей независимости. Возглавляемые выборными военными вождями воинственные марийцы представляли собой внушительную силу, с которой вынуждены были считаться соседи, включая и могущественные восточноевропейские государства.

Другой существенной проблемой является уяснение того, в каких отношениях находились марийцы с феодальными системами Восточной Европы - Волжской Булгарией, Золотой Ордой, Казанским ханством и Русью.

В советской историографии традиционно считалось, что марийцы и иные соседние народы находились под жесткой феодальной зависимостью и нещадно эксплуатировались сначала ордынцами, а затем казанцами. Тем не менее, существовало и иное мнение. Еще в конце XIX -начале XX в. ряд историков - Н.А. Фирсов, Г.И. Перетяткович, Н.П. Загоскин и другие указывали на то, что марийцы никогда не восставали против татар и, очевидно, находились в союзных отношениях с ними. Учитывая активную и значительную помощь луговых марийцев татарам в их сопротивлении России, следует отметить, что последнее утверждение ближе к истине.

Взаимоотношения марийцев с Россией не были исключительно враждебными или мирными, как и везде они складывались неоднозначно, противоречиво и сложно. На начальном этапе русского продвижения на восток, очевидно, превалировали мирные отношения. Первыми марийцы встречали торговцев, в чьих товарах они были заинтересованы, монахов - миссионеров, чей кроткий нрав вызывал лишь доброжелательность аборигенов. На первых порах не возни-

кало конфликтов у марийцев и с русскими охотниками и крестьянами-переселенцами. Однако вслед за ними, а порой и опережая их, появлялись удалые грабительские ватаги ушкуйников и княжеские дружины, принуждавшие местное население платить дань, монастыри, стремившиеся прибрать к рукам побольше земли. Новые земли заселялись многочисленными русскими переселенцами, строившими деревни, села и города, вырубавшими леса под пашню. Русские охотники успешно конкурировали с марийцами в промысле пушного зверя. Все это приводило к сокращению производственной базы марийцев, как следствие возникали конфликты. Ситуация осложнилась с обострением отношений между Московской Русью и Казанским ханством.

В то же время, необходимо прислушаться к мнению М.Н. Тихомирова, Т.Г. Гусева, В.Д. Димитриева о том, что население Горной стороны находилось в иных политических условиях. Отделенная Волгой область была слабо связана с центральной частью ханства в экономической, культурной, этнической и политической сферах. Аналогичные связи с Россией, напротив, усиливались. На ситуацию влияло и то обстоятельство, что Горная сторона являлась относительно развитым экономическим районом страны, и в Казани были весьма озабочены регулярным поступлением налогов в казну. Одновременно Горная сторона имела стратегическое значение, являлась как бы плацдармом при продвижении России на восток. Обладание ею давало ключ ко всему Поволжью и Приуралью. Все это и определило установление на Горной стороне более жесткого, нежели в иных частях ханства, деспотического по форме правления ханской администрации. В конечном счете это повлияло на переориентацию проживающих там марийцев, чуваш, мордвы и татар в пользу России.

Оказавшиеся между двумя противостоящими феодальными государственными системами марийцы были втянуты в борьбу. При этом луговые марийцы активно поддерживали Казань, симпатии же горных марийцев постепенно склонились в пользу Москвы. Впоследствии это обстоятельство серьезным образом повлияло на характер и обстоятельства присоединения Марийского края и всего Среднего Поволжья к России. Когда встал вопрос о дальнейшем существовании Казанского ханства, марийцы реагировали по-разному. Лишь только успехи русских стали очевидными, так сразу же горные марийцы, чуваши и мордва перешли на их сторону. В то же время, большинство татар, удмуртов и луговые марийцы упорно и самоотверженно сражались против завоевателей. Учитывая это обстоятельство, следует признать, что присоединение региона к России проис-

ходило сложно и противоречиво, оно протекало одновременно и как грубое и жестокое завоевание и как мирное вхождение, даже с элементами добровольности.

Геополитическое положение Марийского края также обусловило длительное сопротивление марийцев завоеванию. Они оказались между русскими княжествами и тюркскими государствами - Волжской Булгарией, Золотой Ордой, Казанским ханством. Марийцы взаимодействовали с этими системами, формально признавали над собой их власть, уплачивали дань, вступали в союзные и конфедеративные отношения. При этом они умело использовали имевшиеся между могущественными соседями противоречия для сохранения собственной самостоятельности. Русские, булгары, ордынцы и казанцы прилагали максимум усилий для привлечения марийцев на свою сторону с целью укрепления своих позиций в регионе.

В этом отношении историческая судьба марийцев перекликается с судьбой мордвы, которая несколькими веками раньше попала в сходную политическую ситуацию. Территория мордвы еще в X-XIII вв. стала ареной русско-булгарского противостояния. В эту борьбу были втянуты и мордовские племена. Большая их часть поддержала булгар, другие встали на сторону русских князей. В ходе военных действий мордовские воины проливали кровь своих соплеменников. Ситуация сохранялась и позднее. Мордва то поддерживала татар против русских, то русских против татар, до тех пор пока чаша весов окончательно не склонилась в пользу России.

Самостоятельность марийцев зависела от ряда факторов и, в первую очередь, как и в случае с мордвой, от равновесия сил между Россией и Казанским ханством. Лишь только в середине XVI в. это равновесие было нарушено, так сразу же возникла угроза независимости марийцев и уже никакая самоотверженная борьба не спасла их от поражения. Аналогично мордве часть марийцев перешла на сторону русских, обеспечив тем самым более благоприятные для себя условия в составе Российского государства.

В ограниченном объеме сообщения, естественно, не могут быть затронуты многие другие важнейшие проблемы истории марийцев, нуждающиеся в дальнейшем изучении.

С. Большов
Йошкар-Ола

ДАТИРОВКА АБАШЕВСКИХ ПАМЯТНИКОВ И ИХ МЕСТО В КРУГУ КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

С самого начала изучения абашевская культура была отнесена к эпохе бронзы. В.Ф. Смолин датировал Абашевский могильник II тыс. до н.э. В дальнейшем наметились две тенденции в определении хронологии абашевской культуры. Первая - синхронизация абашевских памятников Среднего Поволжья с Турбинским и Сейминским могильниками, отмечается в работах М.Г. Худякова, Н.Я. Мерперта, А.Х. Халикова, О.Н. Евтюховой и др. Основой для этого послужили наконечники стрел сейминского типа, известные в абашевских памятниках. Вторая тенденция связана с гипотезой о происхождении абашевской культуры из балановской (О.Н. Бадер, О.А. Кривцова-Гракова, А.П. Смирнов и др.) Все это давало основание считать, что абашевская культура не могла возникнуть ранее середины II тыс. до н.э

К досейминскому времени, ограничивая его серединой II тыс. до н. э., абашевские памятники Среднего Поволжья первоначально относил А.Д. Пряхин. Позднее А.Д. Пряхин совместно с В.И. Бесединым синхронизировал Пепкинский курган, считая его наиболее ранним абашевским памятником Среднего Поволжья, с Синташтой и Потаповкой. С этой точкой зрения не согласны самарские археологи Так, И.Б. Васильев предполагает сосуществование памятников потаповского типа с позднеабашевскими памятниками Среднего Поволжья. О.В. Кузьмина считает, что к моменту появления Синташта абашевская культура уже перестает сушествовать.

Датировка Синташтинского комплекса памятников и турбинско-сейминского феномена XVII-XVI вв. до н.э предполагает более раннюю дату появления абашевских памятников в Среднем Поволжье. Аналогию остроребериым сосудикам из Синташты и Потаповки мы находим в позднеабашевском памятнике Волго-Вятского междуречья - Пеленгерском I могильнике. Сосуды из могильника Решнос также близки сосудам из могильников Волго-Вятского междуречья: Пеленгер I и Турново. Более поздняя дата абашевских могильников Волго-Вятского междуречья в сравнении с абашевскими могильниками Правобережья Средней Волги вряд ли вызывает сомнения. Это убедительно доказано А.Х. Халиковым. Таким образом, синхронизи-

ровать с Синташтой, Потаповкой, Турбино и Решное необходимо не ранние абашевские памятники Среднего Поволжья, как считает А.Д. Пряхин, а поздние, которые фиксируют не только наличие абашевцев в Правобережье Средней Волги, но и освоение ими Волго-Вятского междуречья.

Еще одна линия синхронизации абашевских памятников Среднего Поволжья намечается с фатьяновскими и балановскими памятниками. Так, сосуд из абашевского Теби-Касинского могильника по форме близок сосудам из Уреньского и Буньковского могильников балановской культуры, которые исследователи относят к концу балановского - началу атликасинского этапов. Орнамент на сосуде из Теби-Касы из линий зубчатого штампа, образующих квадраты, расположенные в шахматном порядке, аналогичен орнаменту на сосудах из могильников атликасинского этапа: Таутовском и Ледырьском.

Большой интерес представляет парное погребение кургана I Досаевского могильника. В погребении, совершенном по абашевскому обряду, обнаружены фрагменты двух сосудов. Один сосуд типично абашевской колоколовидной формы с резным орнаментом и фрагмент цилиндрической шейки, орнаментированной вертикально вытянутыми и заштрихованными в этом же направлении ромбами. Орнамент выполнен зубчатым штампом. Аналогии этот фрагмент находит в материалах таких памятников, как Кубашевское и Васильсурское поселения. На Кубашевском поселении на балановской керамике, которая отнесена к атликасинскому этапу, можно отметить и характерные для абашевцев орнаментальные мотивы в виде лесенки и рядов горизонтально заштрихованных треугольников вершинами вниз. Здесь же встречена серия наконечников стрел с треугольным черешком и шипами, известных в таких абашевских памятниках, как Пепкино и курган 10 II Виловатовского могильника. В этом же кургане найден сосуд с типичным балановским орнаментом в виде зигзага с вертикальной штриховкой. Можно отметить и еще ряд черт балановской посуды, сближающих ее с абашевской. Это некоторые сосуды из кургана Атли-Касы, Наровчат I с нехарактерным для балановской посуды плоским дном и приближающиеся по форме к абашевским остроребериым сосудам. Эти памятники также относятся к атликасинскому этапу. Очень интересен сосуд из разрушенного могильника Марийская Лиса. На сосуде, типично балановском по форме, найденном вместе с каменным сверленым топором, можно выделить три орнаментальные зоны, разделенные между собой горизонтальными линиями - желобками. Первая зона состоит из заштрихованных горизонтально треугольников вершинами вниз. Вторая -

пересекающиеся линии, образующие ромбическую сетку, и третья - вертикально расположенные лесенки. Все эти орнаментальные мотивы характерны для абашевской посуды и выделены А.Х. Халиковым как наиболее часто встречаемые элементы абашевского орнамента. Но в таком сочетании на одном сосуде в абашевской культуре они не встречаются. Появление геометризма в орнаментации балановской посуды связано с атликасинским этапом. В абашевской культуре геометризм в орнаментации наиболее ярко выражен на посуде Волго-Вятских могильников. В Правобережье Марийской республики геометрические фигуры на посуде отмечены только в кургане 10 Виловатовского II могильника и Пепкинском кургане, которые по наконечникам стрел синхронизируются с турбинско-сейминским феноменом и такими памятниками, как Синташта и Потаповка.

Таким образом, можно предположить, что позднеабашевские материалы севера Среднего Поволжья, с одной стороны, синхронны турбинско-сейминскому феномену (могильники Турбино и Решное), Синташте и Потаповке, а с другой - ранним этапам балановской культуры и, прежде всего, атликасинскому.

О. Букина
Самара

ПОГРЕБЕНИЯ С ОСТАТКАМИ ТРУПОСОЖЖЕНИЙ В МОГИЛЬНИКАХ ПОВОЛЖСКИХ ФИННОВ В IV-XI вв. НАШЕЙ ЭРЫ

Основную массу захоронений в могильниках поволжских финнов I - начала II тыс. н.э. составляют погребения, содержащие остатки трупоположения. Кроме них зафиксированы погребения с остатками трупосожжений, а также кенотафы и вторичные захоронения. Погребения, определенные как трупосожжения (824), известны в 62 могильниках и составляют около 10 % от общего количества известных захоронений.

Появление обычая кремации фиксируется по погребениям IV в. сразу в некрополях нескольких территориально-хронологических групп, у населения, оставившего рязано-окские, верхнесурские, тешские и нижнерусские могильники. С V в. трупосожжения известны в марийских могильниках, с VI в. - в муромских и мерянских, с VII в. -

у населения, оставившего могильники в бассейне реки Мокши и Средней Цны. Основная масса трупосожжений в могильниках всех территориально-хронологических групп представляет собой одиночные захоронения, что соответствует характеру данных памятников в целом. Кроме того, известно небольшое количество парных погребений. Среди них выделяются две группы: парные трупосожжения и погребения, содержащие остатки трупосожжения и трупоположения.

Для поволжских финнов было характерно сожжение умерших вне пределов могильной ямы, на стороне. Выбранные из погребального костра кальцинированные кости помещались в могильные ямы. Во всех группах для захоронения остатков кремации использовались прямоугольные могильные ямы. Основную массу составляют погребения, совершенные в могильных ямах с размерами, немного превышающими размеры тела умершего. Наряду с ними остатки кремации помещались и в ямы, размеры которых не достаточны для предполагаемого помещения тела умершего. Подобные погребения известны с VI в. и в небольших количествах встречены в Шокшинском, нижне-сурских, тешских, верхнесурских, марийских, муромских, среднеокских и примокшанских могильниках, а в мерянском Поповском они преобладают. В небольшом количестве (21 погр.) в муромских, мерянских и марийских могильниках известны погребения с округлой формой (диаметром до 1 м) могильных ям. В Шокшинском могильнике встречено одно такое погребение, одно - в нижнесурских могильниках, два в среднеокских. В мерянских и марийских могильниках данные погребения относятся к VI-VII вв., в муромских, среднеокских и Шокшинском могильниках - к более позднему времени.

Почти все могильники поволжских финнов, за исключением мерянского Поповского (кости в засыпке ямы), объединяет помещение кальцинированных костей на дно могильной ямы. Во всех группах также преобладает компактное размещение костей на дне ямы. Исключение составляют женские погребения позднего этапа функционирования среднеокских могильников, в половине которых кальцинированные кости были разложены по всему дну могильной ямы. В могильниках поволжских финнов известно четыре урновых трупосожжения. Все они датируются в рамках X-XI вв. Два из них происходят из муромских могильников (урна - глиняный сосуд) и по одному - из марийских (урна - берестяной туесок) и среднеокинской (урна - металлический котел) групп.

В погребениях из могильников почти всех территориально-хронологических групп за исключением мерянских наиболее распространенным способом является размещение инвентаря в порядке,

обычном для трупоположения. На втором месте по численности находится контактное размещение инвентаря на скоплении костей.

По численности преобладают мужские трупосожжения. Во всех территориально-хронологических группах памятников, где возможно было проследить обычай кремации на протяжении нескольких веков, заметно на ранних этапах преобладание мужских захоронений над женскими. Исключение составляют только нижнесурские могильники. С течением времени численность мужских и женских погребений уравнивается, и в некоторых группах могильников на поздних этапах функционирования женские погребения по своей численности начинают даже превосходить мужские. Кроме того, можно отметить, что общее преобладание численности мужских погребений приходится на VI-VIII вв. Наряду с мужскими и женскими известно небольшое количество детских трупосожжений.

Состав инвентаря, зафиксированного в большинстве трупосожжений (около трехсот погребений), довольно разнообразен. В мужских погребениях частой находкой является оружие, детали поясных наборов, ножи и части огнива, в женских - украшения и детали костюма. Около сотни трупосожжений приходится на мужские и женские погребения с небольшим количеством инвентаря. Безынвентарные и малоинвентарные трупосожжения синхронны погребениям с разнообразным составом инвентаря и встречаются на всех этапах бытования обычая кремации у поволжских финнов.

Погребения Поповского мерянского могильника несколько отличаются от погребений из могильников остальных территориально-хронологических групп: сочетание прямоугольных и округлых форм могильных ям, могильные ямы неантропометрических размеров, помещение кальцинированных костей и инвентаря в засыпку могильных ям, немногочисленный инвентарь и отсутствие в составе инвентаря предметов вооружения.

Обычай кремации умерших появился в среде поволжских финнов не в результате длительной эволюции какого-то иного способа захоронения. Об этом свидетельствует отсутствие каких-либо переходных форм погребений. Он зафиксирован уже в ранних погребениях IV-V вв. в сложившемся виде с определенным, довольно устойчивым набором регламентаций: могильная яма прямоугольной формы и антропометрических размеров, компактное расположение кальцинированных костей и размещение инвентаря в порядке, обычном для трупоположения, или компактно на скоплении костей. Вероятнее всего, появление погребений с остатками трупосожжений в могильниках поволжских финнов связано с конкретными историческими событиями эпохи великого переселения народов.

О. Васильева
Ижевск

ВЛАСТЬ И УДМУРТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
(1920–1930-е годы)

В переломные моменты общественного развития традиционно возрастает интерес к истории интеллигенции. С отказом историков от апологетики советского исторического опыта по формированию "новой социалистической интеллигенции" появились новые актуальные темы исследования проблем интеллигенции: интеллигенция и общество, интеллигенция и эмиграция, социальная психология интеллигенции и т.п. К ним относится и проблема взаимоотношений интеллигенции и власти.

Революционные события 1917 года привели к активизации деятельности удмуртской интеллигенции. Впервые ею создаются национальные общественные организации, созываются национальные съезды, издаются удмуртские газеты. Основной своей задачей удмуртская интеллигенция считала содействие национальному и культурному возрождению удмуртов. Гражданская война помешала развертыванию этой работы. В дальнейшем старые деятели, скомпрометированные в глазах Советской власти происхождением, связями с эсерами или саном священника, были отстранены от руководства национальной работой.

Большевики, возглавив национальное движение, ограничили его рамками коммунистической идеологии. Тем не менее, проводимая ими национальная политика стимулировала рост национального самосознания, способствовала дальнейшему формированию удмуртской интеллигенции. В 1920-е годы интересы национальной интеллигенции и советской власти совпали. Удмуртская интеллигенция в эти годы выступала за развитие национальной школы, высшего образования, издательского дела, театра и литературы на удмуртском языке. Для нее решение этих задач означало подъем культуры удмуртского народа, рост его национального самосознания. Для правящей партии школа, издательская деятельность, литература, искусство - прежде всего участки идеологического фронта, а интеллигенция становилась связующим звеном между властью и обществом.

Удмуртская интеллигенция использовала новые возможности национально-культурного развития, появившиеся в 1920-е годы. Получили дальнейшее развитие национальные литература и искусство, язык и наука. В этот период во многом сохраняется преемствен-

ность поколений интеллигенции. Свидетельством высокой социально-политической активности интеллигенции являются деятельность различных научных и краеведческих организаций, Всесоюзных съездов работников просвещения - удмуртов, широкое обсуждение в обществе проблем национального развития удмуртов.

В конце 1920-х - начале 1930-х годов была пересмотрена партийно-государственная политика по отношению к старой интеллигенции: было признано невозможным с ее помощью развернуть широкое социалистическое строительство. Одновременно был взят курс на форсирование подготовки так называемой "рабоче-крестьянской интеллигенции". На первый план в области национальных отношений выдвинулась борьба с национализмом.

По отношению к удмуртской интеллигенции эти изменения привели к тому, что ведущие деятели удмуртского просвещения, науки и культуры были обвинены в буржуазном национализме, многие из них были репрессированы. Подготовка национальной интеллигенции фактически прекратилась, так как попытка коренизации вузов и техникумов Удмуртии не удалась, а преемственность в подготовке между старой и новой интеллигенцией была нарушена. В 1937-1938 годах были изъяты из обращения все изданные ранее труды по истории удмуртского народа, по удмуртской литературе и фольклору, по удмуртскому языку.

В результате проводимой политики антиинтеллигентские настроения в обществе настолько усилились, что ЦК ВКП(б) в ноябре 1938 года вынужден был осудить как "дикость и хулиганство" пренебрежительное отношение к советской интеллигенции и обязал партийные организации восстановить "правильное, большевистское отношение к советской интеллигенции" и в то же время усилить работу по ее идейно-политическому воспитанию в духе марксизма-ленинизма.

Массовые обвинения удмуртской интеллигенции в национализме, репрессии не могли не повлиять на ее положение в республике. Они поддерживали и питали настроения великодержавного шовинизма и национального нигилизма, вели к уменьшению влияния удмуртской интеллигенции в обществе. Проблемы национальной интеллигенции были переведены в плоскость выяснения количественных показателей подготовленных специалистов из удмуртов. Нарушение преемственности в развитии интеллигенции привело к ее качественным изменениям.

Таким образом, в условиях свертывания демократии и репрессий 1930-х годов удмуртская интеллигенция не только потеряла своих наиболее выдающихся представителей, но и потеряла заинтересо-

ванность в судьбах своего народа, желание и возможность быть выразителем его интересов. Национальной интеллигенция осталась лишь номинально, по формальному признаку принадлежности к удмуртскому народу, а, по сути, свои функции выполнять перестала.

И. Гареев
Йошкар-Ола

ЧИСЛЕННОСТЬ МАРИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

Вопрос о естественном движении марийского населения Южного Приуралья в конце XVIII - первой половине XIX вв. в исторической литературе еще не ставился. Отдельные аспекты этой проблемы затрагивались в трудах В.М. Черемшанского, В.М. Кабузана и других. Однако целостного восприятия этой темы до сих пор не существует.

Основным источником для рассмотрения этого вопроса являются материалы IV (1782 г.), V (1795 г.), VI (1811 г.), VII (1816 г.), VIII (1834 г.) и IX (1850 г.) ревизий, хранящиеся в Уфе в ЦГИА РБ (ф. И-138, оп. 2). Они сохранились достаточно полно и четко отражают этнический состав местного населения.

В Оренбургской губернии марийцы проживали на территории нескольких уездов. Основным районом их размещения являлся Бирский уезд. По данным IV ревизии, здесь располагалось 172 марийские деревни. Численность марийского населения в Бирском уезде в 1782 г. составляла 13579 душ обоего пола (7119 муж. и 6460 жен.). В Белебеевском уезде на данный момент в 29 деревнях проживало 2054 марийца (1065 муж. и 989 жен.). В Мензелинском и Уфимском уездах марийского населения было значительно меньше. В первом размещались 12 марийских деревень с общей численностью населения в 939 чел. (490 муж. и 449 жен.), во втором - 5 деревень и 678 душ обоего пола марийцев (322 муж. и 356 жен.). Удельный вес марийцев в Оренбургской губернии к этому времени составлял 3 %.

V ревизия (1795 г.) зафиксировала дальнейший рост марийского населения. За 14 лет его численность увеличилась на 14.79 % при среднегодовом приросте в 1.14 % и к 1795 г. составила 20542 человека (10327 муж. и 10215 жен.). Среднегодовой прирост марийского

населения был значительно выше общероссийского показателя (0,61 %) и, вместе с тем, уступал данным по Оренбургской губернии (1,82 %), в которую до сих пор не прекращался поток переселенцев, обеспечивающий ей высокие показатели. Это же было причиной того, что к 1795 г. удельный вес марийцев в Южном Приуралье снизился до 2,72 %.

В ревизских сказках конца XVIII - первой половины XIX в. марийцы по сословному признаку разделены на тептярей и ясачных крестьян. "Ясашные черемиса", проживающие в Бирском, Белебеевском и Мензелинском уездах, составляли небольшую часть марийского населения Оренбургской губернии. Если тептярей-марийцев к этому времени насчитывалось 18780 чел., то численность ясачных марийцев достигала всего 1762 чел. (9,4 % от общей численности марийцев Оренбургской губернии). Наибольшее их количество, как и тептярей, проживало в Бирском уезде (732 муж. и 663 жен. - 89 % всех ясачных марийцев).

В первой половине XIX в. численность марийцев в Оренбургской губернии продолжала расти. К 1811 г. марийское население в Оренбургской губернии составило 24844 чел., увеличившись между V и VI ревизиями на 20.94 % при среднегодовом приросте в 1,31 %, что опять-таки выше, чем в среднем по России (0,91 %) и ниже, чем в Южном Приуралье (1,86 %).При этом быстрее росла численность марийцев-тептярей; удельный вес ясачных марийцев к этому времени снизился до 7,9 %. Произошли также изменения в географическом размещении марийского ясачного населения. В результате того, что жители деревень Яшаш. Верхний Сарсаз тож и Алкино в 1805-1807 гг. были причислены в дд. Азмеево и Новые Усы Белебеевского уезда. количество ясачных марийцев в Мензелинском уезде резко сократилось и в дальнейшем практически исчезло.

В 1811-1816 гг. наблюдается незначительный прирост марийцев в Оренбургской губернии. За это время их численность увеличилась на 3,45 % и достигла 25701 чел. (12937 муж. и 12764 жен.). Среднегодовой прирост составил всего 0,69 %, что более чем в 1,5 раза больше аналогичных показателей по России и в 7 раз уступает данным по Оренбургской губернии.

В 1816-1834 гг. среднегодовой прирост марийцев увеличился более чем в два раза (1,45 %), их численность за этот промежуток возросла на 26, 18 % и достигла 32429 чел. Это значительно приблизило их к южноуральским показателям (1,73 %).

Тенденция к быстрому росту марийского населения. которая наметилась в Оренбургской губернии еще между VII и VIII ревизиями. продолжилась и в 1834-1850 гг. По данным X ревизии. в

Оренбургской губернии к 1850 г. проживало 40403 марийца. Их численность между VIII и IX ревизиями увеличилась на 24,59 % при среднегодовом приросте в 1,54 % и впервые за весь период с начала XVIII в. оказалась выше аналогичных показателей по Южному Приуралью. Это сказалось и на удельном весе марийцев в Оренбургской губернии. Если в 1782 - 1834 гг. он неизменно падал (1811- 2,43 %, 1816 - 2,02 %, 1834 - 1,86 %), то между VIII и IX ревизиями этот показатель вырос на 0,07 % и составил 1,93 % к общему числу населения Южного Приуралья. Это, по-видимому, было связано с тем, что в 30-е гг. XIX в. в Оренбургской губернии закончилось Генеральное межевание земель, и переселенческий процесс из поволжских губерний на территорию Южного Приуралья по существу прекратился.

Таким образом, за рассматриваемый период численность марийского населения Оренбургской губернии, представленного тептярями и ясачными крестьянами, постоянно росла, увеличившись в целом на 79 %.

Г. Журавлева
Ижевск

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ В ПЬЯНОБОРСКУЮ ЭПОХУ
(по материалам могильников Удмуртского Прикамья)

Среди многообразия вопросов социальной интерпретации ключевым является демографический аспект - изучение численности народонаселения, его половозрастных параметров, так как, в первую очередь именно от этих факторов зависит направление развития общества. По мнению многих исследователей, погребальные памятники обладают наибольшей социальной нагруженностью. Кроме того, полностью раскопанные могильники дают возможность реконструировать и демографическое состояние населения, оставившего их.

Некрополи Удмуртского Прикамья пьяноборского времени (Ныргындинский I, II, Чеганлинский II, Афонинский) дают исследователю уникальную возможность ответить на многие вопросы демографического плана. Исходными данными (всего 991 погребение) для анализа по возрасту являются две основные возрастные группы, легко различающиеся по костным остаткам - взрослые и дети. Выделение признаков по полу и возрасту проведено на контрольном мас-

сиве могильника Чеганда II, поскольку в 186 погребениях были проведены антропологические определения под руководством Акимовой М.С. (1). Обряд погребения половозрастных групп по хронологическим стадиям обрабатывался, описывался по методике Генинга В.Ф. и Борзунова В.А. (2).

На стадии А (III-II вв. до н.э.) детских захоронений нет, связь обрядов между мужской и женской группами выражена коэффициентом сходства 80,2 % в размерах и конструкциях погребальных сооружений, в положении умерших и наличии и расположении украшений.

На стадии Б (I в. до н.э.) коэффициент сходства возрастает между мужскими и женскими, женскими и детскими захоронениями. В мужских и женских могилах появляется больше оружия, в основном, наконечники стрел. В детских могилах, как и в женских, увеличивается количество личных украшений.

На стадии В (I в. н.э.) коэффициент сходства почти одинаков как для мужских, так женских и детских захоронений, по-видимому, происходит унификация всего обряда.

На стадии Г (II в. н.э.) происходит резкое увеличение количества украшений в мужских погребениях, в детских захоронениях становится больше оружия.

Антропологические определения и визуальные наблюдения показывают, что женских захоронений на могильниках значительно больше:

	Всего	Мужских	Женских	Детских	Неопред.
Чеганда II	220	45	99	49	27
Ныргында II	268	28	42	24	174
Афонино	215	13	15	10	177

Продолжительность жизни пьяноборского населения в среднем составляет 31,5 лет. Среди взрослого населения большее количество смертей наблюдается в возрасте от 30 до 45 лет.

Такую демографическую картину мы можем представить, имея антропологические и визуальные определения. Однако, в этом случае происходит идентификация половозрастной структуры и численности погребенных с реальной структурой населения, использовавшего погребальный памятник. В действительности же реальное население, пользовавшее некрополи и поселения, представляло несколько иную картину.

Количество погребений могильника находится в зависимости от трех переменных: 1) времени использования могильника, что объективно определяется степенью достоверности знаний о хронологии археологических комплексов; 2) единовременной величины (числен-

ности) коллектива, использовавшего данное место для захоронения. Эта величина отнюдь не соответствует прямо численности захоронений на могильнике, даже если разделить ее на количество лет существования некрополя. Это обусловлено тем, что продолжительность жизни умирающих и обычаи захоронения весьма различаются; 3) сохранность антропологического материала в древних захоронениях различна, но почти неизвестен ни один памятник, в котором возможно было бы произвести на 100 % определения костных остатков по полу и возрасту.

РЕКОНСТРУКЦИЯ РЕАЛЬНОГО КОЛИЧЕСТВА ЕДИНОВРЕМЕННО ЖИВУЩИХ В ОБЩИНАХ (по материалам могильников)

Возрастные группы	Чеганда II d_m - 270 t - 450	Ныргында II d_m - 280 t - 450	Ныргында I d_m - 334 t - 480	Афонино d_m - 215 t - 250
Дети:				
$Д_1$ - до 1 года	1,46	1,52	1,81	2,10
$Д_2$ - 1-4 года	3,11	3,22	3,60	4,45
$Д_3$ - 5-7 лет	1,67	1,73	1.93	2,39
Подростки:				
$П_1$ - 8-12 лет	2,45	2,54	2,84	3,50
$П_2$ - 13-16лет	1,81	1,88	2.10	2,60
Взрослые:				
$В_1$- 17-29 лет	4,84	5,02	5,60	6,93
$В_2$-30-42 лет	3.60	3,73	4.17	5,16
$В_3$-45-60 лет	1.77	1,84	2,05	2,54
Старики:				
С – старше 60 лет	0.32	0,33	0.37	0,46
Всего	21.03	21.80	24,50	30,10

Следовательно, для получения данных по демографическим параметрам необходима специальная исследовательская программа. В результате изучения письменных источников была создана модель и получена формула для вычисления возрастной структуры населения древних обществ (3), используя которую, можно вычислить реальные возрастные группы населения, проживавшего в период существования памятника.

В результате реконструкции численности коллективов, оставивших пьяноборские могильники, можно поставить вопрос, что же было основной социальной и хозяйственной единицей в период пьяноборской культуры. Судя по заполнению и расположению могил на площадках памятников, можно сделать вывод, что некрополи использовались отдельными патриархальными семьями, численность которых доходила до 24 человек (Ныргындинский I и II, Чегандин-

ский II могильники) и несколько сокращается в более поздний период (Афонинский могильник). Процент детей в семье был во многих случаях несомненно ниже, чем процент детских погребений, что объясняется высокой рождаемостью и высокой детской смертностью. Своих умерших членов хоронили на кладбище, заполняя последовательно его площадку, поэтому в расположении могил, скорее всего, прослеживаются хронологические изменения, а не семейные. На последней стадии пьяноборской культуры (Афонинский могильник), по-видимому, внутри патриархальных семей начинают выделяться более мелкие единицы - малые семьи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Акимова М.С.* Антропологический состав населения пьяноборской культуры // Вопросы антропологии. 1961. № 18.

2. *Генинг В.Ф., Боргунов В.А.* Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // Вопросы археологии Урала. Свердловск. 1975.

3. *Журавлева Г.П.* Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (опыт палеодемографических реконструкций) // Автореф. канд. дисс. Ижевск. 1995.

Ю. Зеленеев
Йошкар-Ола

РАССЕЛЕНИЕ ФИННО-УГРОВ В ВОЛГО–КАМЬЕ В XIII–XV ВЕКАХ

Население Волжской Болгарии в золотоордынское время было этнически неоднородно. Среди горожан этого улуса выделяется определённый финно-угорский компонент. Подтверждением служит группа керамики, которую Н.А. Кокорина связывает, с одной стороны, с волжскими финнами (группа XVI, XXII), с другой – с прикамскими финнами (группа XXII). По её мнению, группа XXII нерасчленимая по этнокультурным признакам вследствие слабой изученности посуды волжских финнов XIII-XV веков (1, с. 197-198). Сопоставляя и другие виды источников, следует отметить значительное переселение волжских финнов, особенно мордвы, в этот район. К ним относятся надгробные эпитафии с тахаллусами – фамилиями, содержащими этноним мокша (2, с. 106). Кроме того, в

XIV веке на территории Волжской Болгарии появляются целые сельские районы, заселённые мордвой – предками каратаев.

Районом компактного расселения угров в Восточной Европе является восток современного Татарстана и прилегающая часть Башкирии. В письменных источниках он фигурирует как страна паскартир, баскарт или Великая Венгрия (3) В археологическом отношении данные этносы увязываются с чияликской культурой (4, с. 92), население которой является носителем керамики VII группы. Одновременно отмечается уменьшение количества посуды этого типа в раннезолотоордынский период.

Рассматривая эту посуду как элемент чияликской археологической культуры, Н.А. Кокорина, вслед за Е.П. Казаковым и Р.Г. Кузеевым, считает ее носителей тюркизированными уграми, предками некоторых групп башкир (1, с. 188).

Небольшое количество какого-то угорского населения, возможно сильно тюркизированного, проживало в городах Волжской Болгарии, о чем свидетельствуют единичные находки керамики VIII группы, которую Н.А. Кокорина возводит к прикамско-приуральским истокам (1, с. 191-192).

По археологическим материалам выделяется группа населения к северу от Великой Венгрии, на территории современной Удмуртии, угорских предков современных манси, которых Е.П. Казаков отождествляет с паросситами письменных источников, ассимилированных к середине XIII века удмуртами (4, с. 92).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Кокорина Н.А.* О финно-угорском компоненте в булгарской и булгаро-татарской культурах (по материалам керамики) // Археология и этнография Марийского края. Вып. 23. Йошкар-Ола, 1994.

2. *Мухаметшин Д.Г.* Социальная терминология Булгарских эпитафий XIII-XIV вв. // Историко–археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.

3. *Джованни дель Плано Карпини.* История монголов. Гильом Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997.

4. *Казаков Е.П.* Об этнокультурных истоках круглодонной керамики средневековых памятников Волго-Камья // Археология и этнография Марийского края. Вып. 23. Йошкар-Ола, 1994.

И. Земцов
Йошкар-Ола

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МАРИЙСКОГО КНИГОИЗДАНИЯ

События, произошедшие в нашей республике в начале 20-х годов, стали поистине поворотными в истории становления марийской национальной культуры. Основание в 1921 году 1-й республиканской типографии и создание в 1925 году Марийского книжного издательства дали марийскому народу возможность выпускать и печатать свои книги непосредственно в столице Марийской автономной области. Трудно переоценить ту роль, какую сыграло книгоиздание в исторических преобразованиях жизни республики на всех этапах ее развития. Печатное слово, доходящее до самых отдаленных деревень и сел, где царили нужда и безграмотность, несло марийскому народу правду о жизни страны, знакомило людей с творчеством марийских писателей, с лучшими образцами русской и всемирной литературы. В трудные годы Великой Отечественной войны книгоиздатели и полиграфисты находились на переднем крае борьбы, приближая День Победы и выпуская книги, брошюры, плакаты, воспитывающие патриотизм и ненависть к врагу. А в сегодняшнее противоречивое время, характеризующееся наплывом массовой, чуждой и лишенной эстетического вкуса литературы, именно марийская книга остается главным хранителем живого литературного языка - основы любой национальной культуры.

Почему так важно сейчас обратиться к истории книгоиздания? "Книга - необычайно сложное общественное явление, - писал в своих очерках М.И. Исиметов, возглавлявший Марийское книжное издательство в 70-х годах. - В ней сливаются воедино мысль и слово, наука и искусство, духовная жизнь отдельного человека и всего общества... У нее своя производственная база, своя техника, своя технология, экономика. У нее своя история, свои проблемы". Обращение к этой истории, сохранение и преумножение традиций марийского книгоиздания могут помочь в решении его сегодняшних проблем.

Анализ основных работ по данной теме показывает еще недостаточную изученность взаимосвязи и взаимовлияния трех основных факторов развития книгоиздания - роста полиграфических возможностей республики, становления издательского дела и накопления творческого потенциала марийских книжных иллюстраторов. Обра-

щаясь к немногочисленным изданиям, появившимся в большинстве своем до 1985 года, нельзя не заметить, что каждый из них освещает лишь один из трех этих аспектов - технологический, издательский или оформительский. Связать их воедино и взаимообусловить призвана дальнейшая работа ученых, обратившихся к истории издания книг, журналов и газет в Республике Марий Эл. Что же касается весьма актуальной в настоящее время экономической стороны современного книгоиздания, проблем финансирования и перехода к новым коммерческим отношениям, литературы по этой теме еще не появилось. Историкам предстоит немало сделать по изучению развития книгоиздания и печати в 80-90 годах в условиях рыночной экономики.

Исследованием, наиболее полно раскрывающим историю становления марийской печатной промышленности на примере главного полиграфического предприятия республики, является книга А.А. Зенкина и П.В. Окишева "Флагман марийской полиграфии: 70 лет Марийской республиканской типографии". Это прекрасно оформленное юбилейное издание вышло в 1991 году. Других подобных книг, целиком посвященных истории развития печатной индустрии республики, к сожалению, не существует. Тема эта требует дальнейшего и серьезного изучения.

В книге "Возникновение и развитие печати Марийской АССР" вопросы книгоиздания почти не рассматриваются. Ее автор - кандидат исторических наук М.Т. Сергеев – исследует в основном историю периодических изданий до 1970 года. Однако книга эта представляет, несомненно, значительную ценность для историков. В главе "Страницы истории создания издательства и полиграфической базы" приводится подробная история становлении Марийского книжного издательства, причем не только после, но и до 1925 года, т.е. в то время, когда его отделы были вынуждены работать в Казани. В книге также можно найти интересные сведения о работе 2-й государственной типографии в городе Козьмодемьянске в 1897 - 1925 годах. Будущим исследователям региональной прессы предстоит не только обратиться к печатным изданиям 70-80 годов, но и затронуть проблему появления и функционирования многочисленных "бесплатных" газет рекламного характера.

История создания и деятельности Марийского книжного издательства до 1975 года наиболее полно представлена в работе М.И. Исиметова и М.Т. Сергеева "Страницы роста. Очерки о развитии книгоиздательского дела в Марийской АССР". Выпущенная к 50-летию основания издательства, эта книга имеет четкую хронологи-

ческую структуру и содержит ценные сведения о зарождении и становлении книгоиздательского дела в нашей республике.

Другое издание на эту тему появилось десять лет спустя. Книга А.Н. Иванова и Л.М. Кудряшова "Марийскому книжному издательству 60 лет" имеет ряд достоинств: она хорошо проиллюстрирована, в каждом из разделов приводятся сведения о той или иной стороне деятельности издательства в 70-80 годах. Но материалы этой книги, изложенные в стиле юбилейного рапорта о трудовых успехах, несколько идеологизированы, что затрудняет их использование в качестве источника полноценной исторической информации.

Интересные сведения о развитии национального книжного искусства содержатся в двух книгах, вышедших в 1978 и 1982 годах под одним названием – "Художники Марийской АССР". Первая выпущена Марийским книжным издательством и с высоким качеством отпечатана в республиканской типографии. Искусствоведы С.М. Червонная и Б.Ф. Товаров-Кошкин рассказывают в этой книге о наиболее талантливых и известных марийских иллюстраторах, а также снабжают ее биобиблиографическим справочником о художниках республики.

Вторая книга появилась благодаря издательству "Художник РСФСР". Ее автор - Г.И. Прокушев - еще более подробно освещает историю развития станковой и прикладной графики, выделяя для этого отдельную главу. Дополнительным преимуществом ленинградского издания являются хорошее полиграфическое исполнение и большое количество цветных и черно-белых иллюстраций.

Некоторые аспекты марийского книжного искусства тщательно анализируются в изданном в 1996 году сборнике статей А.А. Зенкина "Искусство марийской книги: Теоретические и практические проблемы". Однако, книга эта предназначена скорее искусствоведам и художникам, нежели историкам. К тому же, как признает сам автор, сборник не претендует не статус фундаментальной монографии, цель его - обратить внимание на важность задач изучения марийской книги как предмета искусства.

Актуальность и перспективность изучения истории марийского книгоиздания обусловлена не только необходимостью решения сугубо практических задач, стоящих перед существующими и вновь возникающими в Марий Эл издательскими предприятиями. Политические и гуманитарные процессы, экономическая переориентировка, происходящие в российском обществе, не всегда положительно отражаются на ситуации, наблюдаемой сейчас в республике в области полиграфии и книгоиздания. При увеличении количества издающих организаций и предприятий, объемы и тиражи изданий сокращают-

ся, оставляет желать лучшего и качество книг, их библиографическое и художественное оформление. Большой тревогой о будущем марийской книги пронизана статья заместителя министра культуры и по делам национальностей Марий Эл В.Г. Яналова, появившаяся в журнале "Книжное дело" в 1996 году по случаю 220-летия марийской письменности. "В наше смутное бездуховное время, - пишет он, - происходит испытание зрелости и мудрости государственной власти, если она сумеет проявить заботу о культуре и ее носителях, не отмахнется от проблем писателей, ученых, артистов, библиотекарей - тех людей, которые сохраняют и лелеют наше духовное богатство - значит, интеллектуальный потенциал нашего Отечества вскоре будет востребованным и судьба России будет достойной и великой". Бережное и внимательное отношение к прошлому марийской книги не только повлияет на будущую книгоиздательскую политику Марий Эл, но и, несомненно, будет способствовать повышению общего уровня марийской культуры.

Одним из перспективных вариантов расширения научной работы по данной теме может стать создание электронной гипертекстовой энциклопедии "История марийской книги", включающей не только тексты, но и фотографии, копии исторических документов и рукописей, полноцветные репродукции книжных обложек и иллюстраций, наиболее яркие фрагменты литературных текстов, а также систему быстрого поиска и вывода нужной (текстовой и графической) информации. В качестве носителей информации могут использоваться компакт-диски CD-ROM, а также электронная компьютерная сеть Интернет. Размещение такой базы данных на сервере "Республика Марий Эл", созданного ОАО "Мартелком", позволило бы в дальнейшем обеспечить функционирование энциклопедии в комплексе с электронными каталогами крупнейших библиотек нашей республики.

А.Л. Иванов
Йошкар-Ола

ЗАНЯТОСТЬ И ЗАНЯТИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МАРИЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ
(по материалам всесоюзной переписи населения 1926 года)

Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. являются традиционной источниковой базой для отечественных исследователей при характеристике различных аспектов демографической картины сельского населения СССР в середине 1920-х годов. Ими проделана значительная работа по источниковедческой характеристике материалов переписи, реконструкции на их основе историко-демографических и социально-профессиональных структур различных категорий сельского населения, как в масштабах страны, так и по отдельным крупным производственным районам. Вместе с тем, ряд регионов страны, в том числе Средневолжский и Вятско-Ветлужский, для которых были характерны исторически сложившиеся этнические и природно-географические особенности проживания сельского населения, требуют более пристального рассмотрения в рамках отдельных национальных административно-территориальных единиц.

Предметом данного сообщения является характеристика на основе материалов переписи 1926 г. основных аспектов трудовой деятельности сельского населения Марийской автономной области – занятости и занятий.

На момент переписи МАО являлась в большинстве своем аграрным районом. В сельских местностях проживало более 95 % населения области. Традиционно для регионов Поволжья область характеризовалась многонациональным составом населения. Основными народностями, населявшими ее являлись: мари (53,3 %), русские (41,5 %), татары (4,3 %), чуваши (0,4 %), вотяки (удмурты) (0,2 %) (1, с. 48-49).

Материалы источника позволяют охарактеризовать занятость сельского населения путем распределения его на самодеятельное и несамодеятельное. К первой категории относились лица, имевшие самостоятельный источник средств существования, а также иждивенцы государства, военнослужащие и безработные. Несамодеятельными считались все дети в возрасте до 10 лет и люди, живущие на средства других людей.

В отечественной исторической литературе принято считать, что соотношение занятого и незанятого населения является показателем

состояния производительных сил. При этом отмечалось, что в середине 20-х годов уровень развития производительных сил как в целом по стране, так и по отдельным крупным регионам был достаточно низким.

Аналогичная ситуация складывалась и на территории Марийской автономной области. Непосредственное участие в производственной деятельности принимало 66,9 % (67,4 % мужчин и 66,6 % женщин) сельского населения. Этот показатель являлся одним из самых низких по стране и значительно превышал средние показатели по СССР (61,4 %) и РСФСР (61,9 %) (2, с. 39). При этом более низкий уровень развития производительных сил наблюдался среди марийского крестьянства. Удельный вес самодеятельного марийского населения (68,3 % мужчин, 67,8 % женщин), заметно преобладал над русским (65,7 % мужчин и 62,5 % женщин) и "прочим" (65,2 % и 61,1 % соответственно) (3, с. 8-9).

При распределении населения по роду занятий в материалах переписи были выделены несколько отраслевых групп (сельское хозяйство, кустарно-ремесленная промышленность, фабрично-заводская промышленность, торговля и кредит, транспорт и т.д.) и отдельно категория "прочие" (военнослужащие, безработные и не указавшие занятий).

Абсолютное большинство сельского населения МАО было связано с сельским хозяйством как основным источником средств существования. Им занималось 97,7 % сельского населения области: 98,2 % самодеятельных и 96,7 % несамодеятельных. Удельный вес сельских жителей, занятых в других отраслевых группах, не превышал 1 % от общего количества занятого населения. При этом наиболее низкие показатели приходились на фабрично-заводскую промышленность (0,18 %), строительство (0,07 %), транспорт (0,03 %), торговлю и кредит (0,15 %). Обращает на себя внимание высокий удельный вес лиц, занятых работой в учреждениях. На их долю приходилось 0,9 % всего сельского населения (0,8 % самодеятельных и 0,1 % несамодеятельных). Этот показатель являлся нетипичным для занятий сельского населения большинства регионов страны и превышал род занятий, традиционно занимавший второе место - кустарно-ремесленную промышленность (0,5 % всего населения, 0,4 % самодеятельных, 0,8 % несамодеятельных).

Всего в сфере материального производства было занято более 98 % сельского населения и только около 1.5 % жителей деревни в той или иной мере занимались "умственным" трудом (3, с. 8-9).

Почти абсолютная концентрация рабочей силы в сельском хозяйстве, слабое межотраслевое разделение труда и неизбежное при

этом совмещение "профессий" составляли характерную черту трудовой деятельности сельского населения Марийской автономной области в середине 1920-х годов

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4. М., 1928.

2. *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1979.

3. Всесоюзная перепись населения. 1929 г. Т. 21. М., 1929.

Ан. Иванов
Йошкар-Ола

ВСЕМАРИЙСКИЕ ЯЗЫЧЕСКИЕ МОЛЕНИЯ В 20-х ГОДАХ XIX ВЕКА

В историко-этнографической литературе установилось мнение о том, что марийцы в большинстве своем (главным образом луговые и восточные) длительное время придерживались и продолжают оставаться сейчас в известной мере одними из стойких и последовательных приверженцев языческих верований в обширном полиэтничном и многоконфессиональном регионе Среднего Поволжья и Приуралья. Данное положение с различной степенью полноты нашло свое отражение в трудах таких авторов, как С.А. Нурминский, А.А. Андриевский, И.Н. Смирнов, П.М. Ерусланов, С.К. Кузнецов, Г.Я. Яковлев, Н.В. Никольский, К.С. Рябинский и других. Важные наблюдения были сделаны также исследователями В.М. Васильевым, М.Н. Янтемиром, К.И. Козловой, Д.М. Макаровым, А.Ф. Ярыгиным, Н.С. Поповым, А.В. Красновым, В.С. Соловьевым, О.В. Даниловым и другими.

Предлагаемое сообщение посвящено рассмотрению одного из важнейших событий в истории марийского язычества – всеобщим "народным" молениям луговых и восточных марийцев в 20-х годах XIX века, которые в известной мере могут считаться как "всемарийские". Основой для этого явились как привлеченные нами архивные документы (делопроизводственная документация, главным образом "судебные дела", заведенные духовными и светскими властями по преследованию приверженцев языческих верований), так и опубликованные материалы. Несомненный интерес вызывают сведения,

помещенные в различных периодических и серийных изданиях (губернские ведомости, известия ОАИЭ и др.), а также в статьях и монографиях.

Изученный нами круг источников и литературы позволяет утверждать следующее. Марийское язычество имело жизненно важное значение в поддерживании этнического самосознания марийской общности, "не имевшей никакой общенародной организации, кроме как религиозной" (К.И. Козлова), в особенности в первой половине XIX века, когда марийцы подверглись особенно массированному натиску государственной православной церкви. И в 20-е годы XIX века языческие моления всех типов (семейные, деревенские, общинные, патронимические, межобщинные и всеобщие) играли важную консолидирующую роль для марийской общности. Особый резонанс имели и широкую известность получили всемарийские моления луговых и восточных марийцев, состоявшиеся 20 ноября 1827 г. вблизи д. Варангуш Моркинской волости Царевококшайского уезда Казанской губернии и позднее, 3 декабря 1828 года (а не 1829 года, как иногда ошибочно отмечается в литературе), около д. Кюпрян Сола Сернурской волости Уржумского уезда Вятской губернии.

Характерно, что эти крупные моления состоялись в устоявшихся традиционных местах, где язычество имело наиболее многочисленных и стойких своих приверженцев. По времени проведения их отделяет всего один год. Сроки проведения этих всеобщих языческих молений совпадают с завершением основных сельскохозяйственных работ и приходятся на конец ноября - начало декабря календарного года. Согласно данным духовных и светских властей, численность участников марийского языческого моления при д. Варангуш определяется от 4-5 тыс. человек, а при д. Кюпрян Сола - не менее 3 тысяч человек. В отличие от других типов молений, на эти многолюдные моления марийские язычники явились из обширной территории. В священную рощу "кюсото" у д. Варангуш марийцы пришли из различных селений и уездов Казанской, Вятской и Костромской губерний, а у д. Кюпрян Сола - из многих деревень Уржумского, Малмыжского и Елабужского уездов Вятской губернии, Царевококшайского уезда Казанской губернии, Бирского и других уездов Уфимской и Оренбургской губерний. Как и при других больших молениях, проводившихся обычно через 1-4 года, эти всемарийские моления имели схожий "сценарий". Поводом к их проведению стали "видения во сне" местных языческих жрецов. Выполняя "волю богов", прорицатели высказывали необходимость проведения этих молений "всем марийским народом" в священной "всемирной" роще - *тюня ото* (*тюня кюс ото*), чтобы укрепить свою веру и тем самым

охранять свой народ. Организованному и слаженному проведению этих мероприятий способствовали такие обстоятельства, как своевременная (в глубокой тайне от властей) информация через специальных ходоков о времени и месте этих "народных" молений, а также умелое руководство самой процедурой молений со стороны руководителей (*мужан, карт*) и их помощников. Примечательно, что на этих молениях помимо традиционных просьб к божествам о благополучии, достатке, здоровье, своевременной уплате податей и т. п., их руководители обращались к своим собратьям не с обычным самоназванием "марий", а с особым, только здесь употребляемым словом *калык-шамыч*, по смыслу "марийский народ как единая семья". Это было очень важно, т.к. у участников этих молений еще более укреплялось чувство солидарности и сопричастности к общенародным интересам.

В николаевской России открытая демонстрация духовной мощи языческого марийского мира 1827 и 1828 годов не осталась без внимания. О них заговорили в самой столице. Власти применили самые суровые меры наказания, в особенности по отношению к организаторам "варангушского" моления. Однако, ни угрозы, ни телесные наказания, ни ссылки в Сибирь и громадные денежные штрафы, ни военно-полицейские меры наказания гражданских и духовных властей не смогли сломить волю их участников и их приверженность к верованиям своих предков.

Живучести марийского язычества в это время способствовали многие факторы. Среди них стойкое представление каждого марийца о своей принадлежности к своим соплеменникам, говорящим на родном языке. Важным фактором явились знакомая с детства привычная природно-географическая лесная среда обитания с традиционными объектами поклонения и обожествления растительного и животного мира, в особенности "священного дерева", мольбищ-кереметей и священных рощ - кюсото. Сильно сказывался единый натурально-патриархальный уклад хозяйственной жизни, связанный в первую очередь с земледелием, а также принадлежность марийцев к сословной категории государственных лично-свободных крестьян с их ясачной и языческой ментальностью. Важное место занимала и крестьянская община с ее эмоционально-психологической окраской "стоять всем за один" и "каждому делать то, что делают все" - односельчане и родичи. Бесспорно значение семьи и общины.

С. Исамбаев, Е. Ожиганова, О. Орлова, В. Шабыков
Йошкар-Ола

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ

До начала 70-х годов в республике не проводились целенаправленные социологические исследования, но жизнь диктовала настоятельную потребность изучения перемен в жизни населения республики. С этой целью в 1977 году был создан сектор, а затем и отдел социологии в Марийском научно-исследовательском институте, который стал центром социологических исследований в республике.

В 70-90-е гг. исследовательская работа здесь развернулась в основном по следующим направлениям: по изучению - 1) проблем быта, культуры, национальных традиций, атеизма и верований населения республики; 2) проблем профессиональной ориентации, подготовки кадров и адаптации молодых работников на производстве; 3) межнациональных отношений; 4) религиозного сознания населения республики; 5) проблем социально незащищенных слоев населения (детей-инвалидов, неполных семей); 6) актуальных проблем социально-экономического и политического развития республики.

Комплексные социологические исследования проблем быта, культуры, национальных традиций, атеизма и верований населения республики "Как живешь, товарищ?" проводились в 1973 и 1985 гг. Эти исследования позволили выявить изменения, происшедшие в экономической, политической, социальной и духовной сферах жизни республики. Материалы исследований отразили многие стороны жизнедеятельности населения, его трудовую и общественно-политическую деятельность, материально-бытовые условия жизни, семейно-брачные отношения, межнациональные отношения, культуру и традиции, религиозно-бытовое поведение. По итогам этих исследований был выпущен научно-статистический бюллетень. Конечно, настала необходимость проведения и третьего этапа исследования по данной теме, но, к сожалению, отсутствие финансирования пока не дает возможности для его осуществления. Хотя, позднее проводились исследования по межнациональным отношениям, религиозному сознанию населения республики (1994 г.), национально-региональным проблемам государственного строительства (1995), в которых рассматривались многие проблемы, затронутые в исследовании "Как

живешь, товарищ?", позволившие выявить динамику изменений в материальной и духовной сферах жизни населения республики.

Процессы преобразования нашего общества в 90-е годы нашли отражение в исследованиях межнациональных отношений и национально-региональных проблем государственного строительства. В эти годы сложилась ситуация, сопровождавшаяся ростом национального самосознания и стремлением народов к возрождению, которая диктовала необходимость изучения этой стороны общественной жизни. Следует отметить, что намечалось проведение совместных исследований межнациональных отношений с социологами других финно-угорских республик России. Однако, отсутствие должного финансирования помешало проведению данного исследования в полной мере и обобщению полученных материалов. Правда, была сделана попытка проведения данных исследований в Мордовии и Удмуртии. Однако, отсутствие единого руководства помешало добиться одинакового подхода к методике проведения опросов (выборка, несопоставимость вопросов и т.д.)

Исходя из возрастающего интереса общества к процессам преобразований в духовной сфере, было проведено социологическое исследование по изучению проблем, связанных с религиозным сознанием населения республики. Результаты данного исследования и материалы предшествующих исследований ("Как живешь, товарищ?" 1973 и 1985 гг.) говорят о росте религиозности населения республики к середине 90-х гг. более чем в 2 раза. Исследование позволило определить преобладающую конфессиональную принадлежность верующего населения республики, являющегося в своей основе православным (64,4 %). Следует отметить, что за исследуемый период возросло число приверженцев языческой (марийской) веры. Кроме того, исследование показало отрицательное отношение населения республики к распространению нетрадиционных вероучений, таких как Белое Братство и кришнаитство. По итогам исследования был подготовлен научно-статистический бюллетень, но пока, к сожалению, он не опубликован.

Результаты социологических исследований 70-90-х гг. показали, что Республика Марий Эл является достаточно спокойным регионом Российской Федерации и в республике, по мнению респондентов, нет основы для возникновения конфликтов на межнациональной (так считают 60 % респондентов) и религиозной основе, что в условиях социально-экономического и политического кризиса в России, несомненно, является положительным моментом. Но жизнь настоятельно требует продолжать эти исследования, так как с распадом Советского Союза в республику усилился приток мигрантов из

других регионов - носителей другой ментальности, поведение которых нам пока трудно предсказать.

Следующим важным направлением работы отдела социологии явилось исследование молодежной тематики и, в частности, проблем профессиональной ориентации, подготовки кадров и адаптации молодых работников на производстве (1981-84 гг.). Результатом данной работы явился выпуск трех тематических сборников отдела. Молодежная тематика и в последующем определяла направление работы (исследование социального портрета юношей-призывников г. Йошкар-Олы, контингента Новотроицкой колонии в 1997 г.). В настоящее время в республике проводится исследование среди молодежи об отношении к изучению различных языков

Начиная с 1992 года разрабатывается программа "Ваше мнение" по изучению актуальных проблем современной жизни жителей столицы республики. Исследование предусматривает изучение предвыборной ситуации в республике, материального положения, отношения к курсу социально-экономических преобразований, проводимых руководством России и Республики Марий Эл, и социального самочувствия жителей г. Йошкар-Олы. Исследования зафиксировали резкое снижение материального уровня жизни, рост неудовлетворенности политикой Правительства России, что рождает с каждым годом все большее желание йошкаролинцев принимать участие в акциях протеста, что, несомненно, вызывает тревогу.

Все чаще в практику отдела социологии входит проведение социологических исследований по заказу различных государственных и коммерческих организаций, рейтинговые исследования для электронных средств массовой информации. Все шире развивается сотрудничество отдела социологии и Администрации Президента Республики Марий Эл.

Человечество стоит на пороге XXI века. Каким он будет? Что нас ждет в будущем? Эти вопросы задают сейчас ученые всего мира. Несмотря на тяжелые социально-экономические условия, в которых оказалась российская наука, наши ученые работают и строят планы на будущее.

В дальнейшем наш отдел предполагает продолжать изучение изменяющейся социальной структуры общества, политических и социально-экономических проблем современности и национально-культурных традиций населения Республики Марий Эл. Но постоянно меняющаяся политическая и экономическая ситуация в России направляет наши исследования в новое русло. Дифференциация общества, резкое имущественное расслоение диктуют настоятельную необходимость изучения социальной структуры общества, анализа

современного состояния и прогноза на будущее, жизненного уровня этнических групп населения. Многопартийная система, политические преобразования в России в последнее десятилетие XX века требуют изучения политической культуры различных слоев населения, деятельности различных партий, общественных и национальных движений. Кроме того, в условиях политического и социально-экономического кризиса в России мы считаем необходимым постоянное изучение и анализ этнополитической ситуации. Одной из основных наших задач было и будет изучение национально-культурных традиций. Необходимо каждое десятилетие проводить опросы, позволяющие проследить динамику изменений, происходящих в сфере материальной и духовной культуры населения республики, состояния межнациональных отношений, т.к. материалы социологических исследований актуальны не только на сегодняшний день, а представляют ценность как исторический источник.

В заключение следует отметить, что, на наш взгляд, назрела необходимость проведения специализированной конференции социологов финно-угорских народов России. Конференция способствовала бы разработке единой методики организации социологических опросов и, возможно, наметила бы проведение общих исследований (этносоциологических, социолингвистических, историко-социологических и др.) в финно-угорских регионах. Эти исследования, несомненно, внесут вклад в дальнейшее развитие всей финно-угорской науки.

Г. Кадыкова
Йошкар-Ола

МАРИЙСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
(по "ревизским сказкам" Казанской губернии)

В изучении типологии марийской крестьянской семьи имеются несомненные положительные результаты. Вместе с тем до сих пор эта проблема применительно к первой половине XIX века специально не рассматривалась. По утверждению известного специалиста К.И. Козловой, в XIX веке у марийцев бытовали в основном два типа крестьянских семей - "малая семья" (муж, жена, дети в их первом поколении, иногда престарелые родители) и "большая семья" (отец,

его женатые сыновья, то есть "одна ветвь близких родственников", разраставшаяся "обычным путем из малой семьи"), численность которой колебалась от 12 до 40 человек. По мнению этнографа И.Н. Смирнова, во второй половине XIX - начале XX веков структура марийских крестьянских семей на современной территории Республики Марий Эл "была довольно разнообразной", где наряду с большими (сложными) неразделенными семьями ("включали несколько брачных пар одного, двух и трех поколений") имелись "отдельные малые семьи". По его наблюдениям, "людность больших неразделенных семей была значительной - от одного до трех-четырех десятков человек; чаще же они состояли из 16-24 человек". Как и профессор К.И. Козлова, он утверждал о численном преобладании в Марийском крае в XIX веке малых семей над большими (неразделенными) семьями. При этом размеры малых семей у марийцев И.Н. Смирновым определяются в 5-7 человек, не превышавшими 10-12 человек. По данным историка А.Г. Иванова, в предшествовавшем XVIII веке среди марийцев преобладал тип малой семьи, состоявший "из супружеской пары с их малыми и неженатыми детьми или без них" и включавший 1-2 поколения родственников по прямой нисходящей (иногда боковой) линии от 2 до 7 человек. Распространение сложной по составу неразделенной большой семьи у марийцев в основном объясняется им "особой ценностью рабочих рук в крестьянском хозяйстве" и необходимостью "концентрации совместных хозяйственных и фискально-податных усилий". В неразделенной семье этим же историком у марийцев установлено наличие "отцовской неразделенной семьи, включавшей 2-4 супружеские пары (супруги и 1-3 женатых сына, иногда внуки) численностью от 6 до 32 человек, а также "братской" неразделенной семьи, в которой женатые братья проживали в одном и том же дворе (5-24 человека). Значительно более редкими, как отмечает А.Г. Иванов, были большесемейные коллективы, где во дворах совместно проживали дяди и племянники (иногда женатые), где иногда семьи дополнялись дальними родственниками и свойственниками, и где семьи не состояли в прямом родстве. По его же наблюдениям, в XVIII веке "сложным составом отличались редко встречавшиеся семьи некрещеных марийцев, где глава семьи имел двух жен". Примечательно, что средний размер марийской семьи ("людность" или "населенность" крестьянского двора), по данным вышеназванных исследователей, в конце XVIII века составлял в различных уездах Казанской, Вятской и Нижегородской губерний от 4,8 до 6,1 чел., а в конце XIX - начале XX веков соответственно от 5,3 до 5,9 чел. обоего пола.

В фондах Царевококшайского (ф 15) и Козьмодемьянского (ф. 11) уездного казначейств Госархива Республики Марий Эл, фонде Чебоксарского уездного казначейства Госархива Чувашской Республики (ф. 146) содержатся первичные данные "ревизских сказок" различных селений отмеченных уездов Казанской губернии конца XVIII - первой половины XIX века, в частности, сведения ревизии 1782 года, материалы 6, 9 и 10 ревизий. Изученные нами сведения последней, десятой ревизии 1858 года дают возможность составить известное представление о типологии марийской крестьянской семьи Царевококшайского уезда середины XIX века.

Проведенный нами анализ данных ревизских сказок свидетельствует, что в середине XIX века в крестьянской семье у марийцев по родственному составу бытовали семьи, как по прямому, так и по боковому родству. При этом в крестьянских дворах марийской деревни в это время преобладали семьи, связанные прямым родством (57,6 %) . Семьи с боковым родством по удельному весу составляли 42.4 % . Удельный вес малой семьи значительно уступал неразделенным (большим) семьям, что было типичным и для соседних нерусских народов Поволжья и Приуралья

В отличие от XVIII века, в марийской деревне первой половины XIX века широко были распространены семьи с 2-3 поколенным родством К этому времени заметно снизился вес однопоколенных семей.

По данным ревизских сказок, в середине XIX века преобладали семьи в 6 -10 человек (42,1 %). Семьи с численностью в 1-5 душ обоего пола занимали 38.7 % Количество семей с числом их в 11-15 душ занимали 16,9 %. И очень редко встречались семьи в 20-30 человек.

Средняя населенность марийской крестьянской семьи в середине XIX века по нашим подсчетам, составляла 8 человек обоего пола Вместе с тем, средняя населенность крестьянского двора в различных марийских селениях была неравномерной.

По половозрастному составу в крестьянских семьях женская половина преобладала над мужской.

В целом, наличный состав крестьянской семьи как форма кровнородственной кооперации рабочих рук и имущества в условиях натурального хозяйства и господства ручного труда позволял обеспечивать необходимой силой жизнедеятельность марийской деревни.

Е. Казаков
Казань

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР С НАСЕЛЕНИЕМ МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В X-XI вв.

Одним из примечательных явлений Восточной Европы эпохи средневековья было формирование волжских болгар и их этнокультурное взаимодействие с соседями. Предпосылкой появления волжских болгар в качестве нового народа была жизненная необходимость сосуществования, из-за сложных политических обстоятельств, различных по происхождению племен. Находясь на границе тюркского и финно-угорского мира, ранняя Волжская Болгария с самого начала включала в состав своего населения их представителей. Достаточно сказать, что Западное Закамье - будущая центральная часть Волжской Болгарии, где позднее возникли и ее столичные центры: Болгар, Сувар, Биляр, - во второй половине IX - начале X вв. было заселено, преимущественно, угорскими кочевниками, о чем свидетельствуют выразительные материалы Большетиганского, XII Измерского и Танкеевского могильников.

Во второй половине X в., после прихода из районов Восточного Приазовья на Среднюю Волгу новой волны тюркоязычных болгар, Волжская Болгария завершает свое становление в качестве самого северного мусульманского государства с развитым земледелием, скотоводством и ремеслом. Последнее за короткое время достигло больших успехов, так как имело благоприятные возможности реализовать свою продукцию по удобным речным путям: Волге, Каме, Вятке и другим в обширных землях финно-угорского мира.

Одним из ближайших рынков сбыта товаров болгарского ремесленного производства было Марийское Поволжье. Свидетельством этого являются богатые материалы Веселовского, Дубовского, "Нижняя Стрелка" и других могильников X-XI вв., исследованных Г.А. Архиповым, А.Х. Халиковым, Т.Б. Никитиной и другими. На основе их можно судить о составе болгарского товарного контингента, поступающего в рассматриваемый регион в обмен на пушнину и другие товары. Среди привозных преобладали предметы одежды, украшения и некоторые бытовые вещи, имеющие полные аналогии в городах и торгово-ремесленных прибрежных центрах болгар Западного Закамья (Измерское, Семеновское и другие селища). Местным населением особенно ценились кожаные болгарские пояса с разно-

образными бронзовыми и серебряными, иногда с позолотой, накладками; браслеты из витой серебряной проволоки; парадные металлические чаши восточного происхождения. В торговых операциях использовался не только бартер, но и деньги - серебряные дирхемы, в том числе болгарской чеканки.

Для производства товарообмена в приустьевой части притоков р. Волги: Казанки, Свияги, Цивиля, Ветлуги в летний период функционировали фактории. Интересно, что в этих же районах отмечаются и языческие могильники поволжских финнов.

Помимо торговли между волжскими болгарами и населением Марийского Поволжья существовали тесные культурные и политические связи. Даже в центральных районах Волжской Болгарии проживали представители поволжских финнов. Об этом говорят находки на многих памятниках их специфических изделий. Преобладают характерные поделки и обереги женского костюма, что свидетельствует о наличии брачных связей.

Рассматриваемое время, являясь первой половиной домонгольского периода, включало в себя, в силу падения Хазарии и слабости северо-восточной Руси культурную и экономическую гегемонию Волжской Болгарии на широкой сопредельной территории. Здесь в это время образуются группы булгаризированных финно-угров или "ареальных болгар". Одним из последствий этнокультурного взаимодействия явилось формирование чуваш. "суаслы мари" (т.е. чувашских марийцев), которые в глубинных элементах культуры (погребальный обряд и т.д.) сохранили характерные черты языческого комплекса населения Марийского Поволжья.

О. Казанцева
Ижевск

КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ ГОНЧАРОВ ПРИКАМЬЯ С МАСТЕРАМИ ПОВОЛЖЬЯ В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ
(по археологическим данным)

Среда гончаров отличается своеобразными навыками труда, которые, по мнению А.А. Бобринского, способны сохраняться неизменными достаточно долгое время в условиях стабильности коллектива и изменяться при смешении населения. По реакции на процессы смешения навыки труда гончаров могут быть приспособительными

(способны измениться за период жизни 1-2 поколений) и субстратными (даже при смешении населения только через 5-6 поколений гончаров могут изменить свою специфику). Изучение навыков труда гончаров (мастера являются частью состава древнего населения) позволяет говорить об изменении населения или его культурной однородности. Факты смешения гончарных технологий можно рассматривать как отражение сложного состава населения.

По своей форме контакты мастеров могли быть разные: переезд гончара с одного места на другое, обмен готовой продукцией, брачные отношения, но по характеру всегда двусторонние.

На основе технологического исследования керамики из археологических памятников Среднего Прикамья I тыс. н.э. можно говорить о контактах местных гончаров с различными соседними мастерами. Проявление контактов мастеров находят выражение в складывании новых смешанных культурных традиций на той или иной ступени производства. Характер гончарного производства населения Среднего Прикамья был определен как доремесленный. Именно на доремесленной стадии развития существует очень тесная связь производителей посуды с ее потребителями, те и другие относятся к одним и тем же культурно-хозяйственным коллективам. Сходные ландшафтно-климатические условия проживания древних людей, однотипность хозяйственной деятельности приводят к появлению общих культурно-хозяйственных элементов. Так, общекультурной традицией гончаров в Прикамье является добавка птичьего помета в состав формовочной массы, применение природной красной глины в качестве исходного сырья. На основе традиции добавления к глине птичьего помета появилась более сложная - с птичьим пометом и шамотом. Поскольку рецепта глиняного теста только с шамотом в изученной керамике не обнаружено, вероятно, появление традиции смешивать птичий помет и шамот в одной формовочной массе можно объяснить контактами с носителями шамотной традиции - именьковскими мастерами из Поволжья. Появление включений кальцинированных костей животных в составе глиняного теста, вероятно, тоже объяснимо как результат контактов с именьковскими племенами. Аналогии глиняной посуде с примесью обломков раковин пресноводных моллюсков в глиняном тесте можно найти в керамике Марийского Поволжья I тыс. н.э. Сложные рецепты фиксируются в изученной керамике Прикамья уже с ананьинского времени, но их большее разнообразие отмечается к середине I тыс. н.э. Этот хронологический отрезок в истории Прикамья связан с мощным притоком населения извне на прикамские земли. Процесс взаимодействия местного и пришлого населения нашел выражение и контактах гонча-

ров, следствием которых явилось приспособление чужих мастеров к местному сырью, к использованию добавок в формовочных массах, не характерных для местных гончаров (например, навоз, кальцинированные кости животных, органика неясного вида). В свою очередь, возможно, у местных гончаров "пришельцы"-мастера переняли секреты отбора сырья для производства керамики, примесей к глиняному тесту, а также подражали местным формам посуды.

А. Конышин
Кудымкар

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ У КОМИ-ПЕРМЯКОВ

Вопрос о самоопределении коми-пермяцкого народа впервые был поднят в 1918 году, но ввиду трудных условий Пермский губисполком отклонил ходатайство.

Только с установлением более тесных связей с зырянами начинается новый этап в борьбе за самостоятельность. Коми-зыряне, видя в пермяках родственный народ, всячески поддерживали добрые начинания передовой пермяцкой интеллигенции. И пермяки, и зыряне открыто стремились к объединению. Пермяки видели в этом путь к реальному освобождению от русского засилья, зыряне же, помимо желания помочь родственному народу, хотели присоединить к себе земли, способные хоть как-то уменьшить хлебный дефицит сурового края.

При образовании Коми автономной области в 1921 году пермяки остались вне ее границ. Пермский губисполком и губком РКП(б) сопротивлялись как включению пермяцких земель в Коми-Зырянскую область, так и решению Всепермяцкой конференции РКП(б) об объединении вокруг Кудымкара особой административно-хозяйственной единицы (1). Они не хотели упускать территорию, богатую ценными сортами леса. Такая же позиция была у Уральской области, в составе которой пермяцкий край оказался в 1923 году.

Учитывая многократные обращения пермяков и зырян, Президиум ВЦИК образовал комиссию по "пермяцкому вопросу" (2). В 1924 году комиссия прибыла в пермяцкий край для "изучения мнения пермяков". На десятках волостных сходов, на учительских, комсомольских, крестьянских, партийных конференциях принимались решения о присоединении к Коми области (3). Но комиссия приняла

решение: "Оставить коми-пермяков в составе Уральской области, создав смешанное территориально-хозяйственное образование" (4). 21 октября 1924 года ВЦИК принял аналогичное решение.

Так, грубо поправ мнение самого народа, была решена судьба коми-пермяков. Заседание Президиума ВЦИК проходило за закрытыми дверями, представителей пермяков и зырян туда не пустили (5).

На протесты Коми обкома и делегатов коми-пермяков М.И. Калинин дал пояснение: "Президиум ВЦИК не считает пермяков и зырян единым народом, а также отсутствуют экономические связи. В центральных органах решается вопрос о выделении пермяков в отдельную административно-хозяйственную единицу" (6).

26 февраля 1925 года Президиум ВЦИК принял постановление "О Пермяцком крае Уральской области". Оно гласило: "1. Ввиду значительной территориальной отдаленности Пермяцкого края от области Коми и отсутствия экономической взаимной связи между этими районами, отклонить ходатайство Автономной области Коми и представителей пермяцкого населения о включении Пермяцкого края в состав области Коми, оставив его в составе Уральской области.

2. Считать целесообразным выделить Пермяцкий край в особый национальный округ со специальными сокращенными штатами, подчинив его непосредственно Уральскому областному исполкому..." (7).

Так родился 16-ый в Уральской области округ, мало чем отличающийся от остальных. После расформирования в 1930 году округов, Коми-Пермяцкий округ остался в своем прежнем виде.

Очевидно, на первых порах, когда в области существовало 15 округов, выделение 16-го национального округа было большим шагом вперед в решении национальной проблемы малых народов. Это был первый национальный округ в Союзе ССР. С упразднением округов в 1930 году Коми-Пермяцкий округ остался в таком застывшем виде, продолжает существовать по сей день. Несомненно, форма национально-государственного устройства должна была совершенствоваться. Но, принимая во внимание атмосферу сталинского режима, когда быть нерусским становилось стыдно и это воспринималось как вина, как недостаток, о развитии государственности не могло быть и речи. Малейшее проявление национальных взглядов, поощрение национальной культуры расценивалось однозначно - как национализм, то есть преступное деяние.

Сегодня округу необходим более высокий уровень национальной государственности.

В эти дни округ находится в весьма тяжелом положении. Может быть, даже в более тяжелом, чем другие финно-угорские территории. Однако, в его социально-политическом развитии появились новые тенденции. Прежде всего, это строительство железной дороги, которая пройдет через округ (Архангельск-Сыктывкар-Кудымкар-транссибирская магистраль). Идет строительство автострады Кудымкар-Сыктывкар. Начала осуществляться и наращиваются объемы нефтедобычи в округе. Разведаны промышленные запасы алмазов и золота. И, наконец, в Кудымкаре, с помощью удмуртов, открыт и успешно функционирует Филиал УдГУ, где обучаются 220 человек по дневной и 450 человек по заочной форме по 6 специальностям.

Все это позволяет с оптимизмом смотреть на судьбу коми-пермяков в 21 веке.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРФ. Ф. 1318, оп. 1, д. 766, л. 5.
2. ГАРФ. Ф. 5677, оп. 2, д. 222, л. 113.
3. ГАНИ и ОПД КО. Ф. 1, оп. 2, д. 272, л. 2-4.
4. ГАНИ и ОПД ПО. Ф. 4, оп. 2, д. 55, л. 15.
5. ГАРФ. Ф. 5677, оп. 2, д. 222, л. 131.
6. ГАРФ. Ф. 5677, оп. 2, д. 222, л. 139.
7. ГАРФ. Ф. 5677, оп. 2, д. 222, л. 147.

В. Кугасова
Йошкар-Ола

БИБЛИОТЕЧНЫЕ ФОНДЫ - ЧАСТЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ МАРИЙСКОГО НАРОДА

Библиотечные фонды являются основной частью историко-культурного наследия любого, в том числе и марийского народа.

На фондах Национальной библиотеки им. С.Г. Чавайна выросла марийская интеллигенция, в ее читальном зале занимались ученые с мировым именем.

В 1941 году, когда были эвакуированы в Йошкар-Олу Государственный оптический институт, Военно-воздушная академия без

своих библиотек, ученые были удивлены, что наша периферийная библиотека смогла удовлетворить почти все запросы, связанные с профилем их научных исследований. В библиотеке занимались академики С.И. Вавилов, И.В. Гребенщиков, член-корреспондент АН СССР А.И. Тудоровский и другие ученые. В читальном зале библиотеки академик Е.В. Тарле читал лекции об Отечественной войне 1812 года.

Фонд библиотеки в 1941 году составлял 117 776 экземпляров, в 1945 году - 140 009 экземпляров книг и журналов. С 1934 года библиотека получает платный обязательный экземпляр.

Депутат Верховного Совета СССР С.И. Вавилов, выступая на сессии Верховного Совета СССР в 1946 году, тепло отозвался о Йошкар-Оле и оценил фонды Республиканской библиотеки. Сравнить ученому с мировым именем нашу библиотеку было с чем.

Национальная библиотека, носящая имя основоположника марийской литературы Сергея Григорьевича Чавайна, является старейшим учреждением культуры нашей республики. Вот уже 122-й год библиотека живет, работает и каждый день сталкивается все с новыми и новыми проблемами.

Библиотека была инициатором создания ассоциации Национальных библиотек финно-угорских регионов России. Задача ассоциации - развитие перспективы взаимоиспользования информационных ресурсов, обмена культурными ценностями между библиотеками.

Первым результатом совместной работы Национальных библиотек финно-угорских республик стал печатный "Сводный каталог книг на финно-угорских языках, изданных до 1917 года". Цель каталога - учет, описание и введение в научный оборот и популяризация отечественных книжных памятников. В каталоге учтено только 486 названий книг на финно-угорских языках универсального содержания, изданных на территории Российской империи. А их значительно больше. Из 486 книг 213 - на марийском языке. И.Г. Иванов, профессор Марийского государственного университета, составил список книг, изданных на марийском языке с 1769 по 1917 год. В нем 255 названий. Мы продолжаем поиск книг в крупных библиотеках России и за рубежом.

Нами разработана программа "Марийская книга", задача которой – сделать библиотеку подлинным хранилищем духовной культуры марийского народа, создать электронную базу данных и предоставить возможность использовать полученную информацию российскими и зарубежными пользователями в интересах сохранения,

изучения и дальнейшего развития марийской культуры, также распространение знаний о Марийском крае.

Программа предполагает поиск и получение оригиналов либо копий всех имеющихся в мире печатных, рукописных документов независимо от хронологической глубины, связанных по содержанию с Марийским краем, независимо от языка, местонахождения и способа печати. Несколько лет тому назад мы получили копию второй книги "Краткий катихизис, переведенный на черемисский язык с наблюдением российского и черемисского просторечия для удобнейшего назначения оного, восприявшим стое крещение". Книга издана в 1808 году кириллицей. Текст дан параллельно на марийском и русском языках. Это издание сохранилось в Чикаго (США), в фонде Бонапарта. Первая книга на марийском языке издана в 1804 году, она нигде, видимо, не сохранилась.

Но наша работа усложнилась из-за современной экономической ситуации, отсутствия финансовых средств на текущее комплектование. Критическое положение сложилось с сохранением и безопасностью ценнейших фондов библиотеки, представляющих национальное достояние марийского народа.

Сложная обстановка оказалась на руку предприимчивым людям.

В сентябре 1998 года "Марийская правда" опубликовала статью Максима Андриянова, члена историко-культурологического клуба "Поиск", созданного по инициативе ученых Академии наук Татарстана. Автор написал о разбазаривании частных архивов и библиотек профессоров Казанской Духовной академии. На лондонском аукционе "Сотбис" проданы книги, неизвестные науке, не включенные ни в один печатный каталог.

Джоржтаунский университет США приобрел книгу немецкого путешественника XVIII века Шварцкеллера "Демонический мир черемис". Бесследно исчезла библиотека Евфимия Малова, автора книги "Мироносицкая пустынь Казанской епархии". Увезены материалы Казанской духовной консистории по крещению удмуртов (вотяков), марийцев (черемис) и мордвы, архив Общества истории, археологии, истории и этнографии Казанского университета. Американский центр финно-угроведения вывез несколько ящиков документов, среди которых были рукописи на тонких липовых дощечках. Продана книга булгарского историка XIII в. Шараф-Эддина бен Хисами "Черемисские хроники", неизвестный науке рукописный гуннский рунический "Кодекс Овдура" из личной библиотеки Н.Ф. Катанова. Распродана коллекция профессора Духовной академии, директора Казанской инородческой школы Н.И. Ильминского, который

был собирателем и знатоком древностей поволжских народов. Все продано за несколько десятков тысяч долларов.

Эти коллекции продавались перекупщикам родственниками ученых, из-за сложного их финансового положения.

Члены клуба "Поиск" вмешались и сделали все, чтобы приостановить этот процесс распродажи национального достояния марийского и других народов Поволжья, которое теперь уже навсегда утрачено и осело в собраниях книжных редкостей заокеанских миллиардеров. В наше сложное время вряд ли кто из ученых-краеведов сможет выехать в США и познакомиться с вывезенными ценнейшими историческими документами.

В декабре прошлого года мы с большим трудом договорились, что нам за определенную плату разрешат скопировать еще оставшиеся раритеты. Но мы не смогли найти эти деньги.

Наше время характерно тем, что люди интересуются своим прошлым, своими корнями, историей родной деревни, школы, рода, фамилии.

Перед Национальной библиотекой им. С.Г. Чавайна стоит задача сохранения национального письменного наследия марийского народа как части всемирных интеллектуальных ресурсов. Сегодняшнее состояние библиотеки не отвечает целям этой миссии, идет постепенное разрушение бесценных материалов, основная часть которых находится в единственном экземпляре.

Совершенно очевидно, что необходимо целенаправленное финансирование и выработка соответствующей политики.

Н. Лещинская
Ижевск

ЗАПАДНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ ВЯТСКОГО БАССЕЙНА ПРИУРАЛЬЯ В I ТЫС. Н.Э.

В I тыс. н.э. бассейн р. Вятки являлся западным ареалом расселения древнепермского населения (западные группы древнеудмуртского этноса). Географически Вятский край - это своеобразная контактная зона между поволжско-финским и финно-пермским мирами. Приуралье-Вятка-Поволжско-Прибалтийские финские земли - одно

из наиболее вероятных направлении культурной трансмиссии в древности.

В пьяноборское время (I-V вв. н.э.) "археологические образования Вятского края могут выступать как относительно чистый эталон, а сам край как своеобразный резерват археологических культур..." (А.Х. Халиков), без сильных инокультурных влияний. Наиболее традиционны были связи в среде близкородственных пермских культур. Через южных финно-пермян осуществлялись контакты с сарматами Поволжья. Кольцевые, пластинчатые, с обоймицей застежки с неподвижным крючком были изготовлены по образцам древностей сарматского мира III в. до н.э. - II в. н.э. С Сарматским Поволжьем связано и появление на Вятке лучковых и подвязных одночленных фибул. В III - начале IV в. н.э. формируется поясная гарнитура с характерным использованием в декоре срезов, насечек, гранения. Если не по конструкции, то по общему виду и орнаментации, определенные параллели можно проследить с сарматскими пряжками и наконечниками Карпатского бассейна, Северного Причерноморья, Кавказа. Ряд венгерских ученых видят их прототипы в металлических изделиях римских мастерских. В середине III-V вв. н.э. на ряде вятских могильников (Худяковский, Азелинский, Суворовский, Первомайский, Тюм-Тюм) появляются воинские захоронения с богатым набором вооружения: шлемы импортного производства по византийским образцам (Волков С.Р.), наконечники ремней из двух пластин с зауженной средней частью, железный наральник из Азелино, по мнению ряда исследователей (И.А. Бажан, И.О. Васкул, Р.Д. Голдина), импортировались в лесную зону Восточной Европы из областей пшеворской, западно-балтской, вельбаркской культур. В конце IV-V в. н.э. вместе с дорогостоящим оружием появляются т.н. "косы-горбуши". Среди интерпретаций их функционального назначения в последние годы появились новые точки зрения: туалетный инструмент типа стригеля, хорошо известного в Древнем Риме, или своеобразный вид метательного оружия юго-западного происхождения (Р.Д. Голдина, С.Е. Перевощиков). Появление подобных захоронений вооружения и Приуралье ряд исследователей связывает с волнами вельбаркской (готской) миграции в Причерноморье и как следствие с миграцией пшеворско-черняховского (славянского) населения в Поволжье (В.В. Седов, Т.И. Матвеева, Р.Д. Гол-дина). Для Вятки существенное влияние оказали и племена именьковской (праславянской?) культуры Нижнего Прикамья.

В средневековье усиливаются контакты вятского населения с землями древних черемис Повегужья. Раннее развитие шумящей

гарнитуры (V в. н.э.) на Вятке по сравнению с Прикамьем формируется, скорее всего, благодаря близости с западно-поволжским миром. В VI-VII вв. н.э. в пограничных с Ветлугой районах на археологических памятниках зафиксированы разноэтничные компоненты (поволжско-финский, пермский) в обрядности и в инвентаре (М. Ахмыловский могильник), керамике (Кубашевское городище). Пермский элемент (керамика, инвентарь) с VI-VII вв. н.э. присутствует на унженских памятниках Костромского Поволжья (комплекс у д. Попово; Леонтьев А.Е., Рябинин Е.А.), на отдельных поселениях Белозерья (Крутик, Никольское; Голубева Л.А., Макаров Н.А., Башенькин А.Н., Рябинин Е.А.). Появление разноэтничной керамики являлось не столько отражением культурно-торговых контактов, сколько миграционными потоками в западном, северо-западном направлениях.

Взаимоассимиляционные процессы в пограничье, интенсификация торгово-культурных связей усиливается с VIII-IX вв. н.э. Немаловажную роль здесь сыграло расселение славян на северо-западе Восточной Европы, их контакты с финнами, возникновение Волжской Булгарии и усиление роли в торговле Восток-Север Волго-Балтийской магистрали. Среди запад-северо-западных параллелей в материальной культуре средневековой Вятки можно отметить: подковообразные фибулы с многогранными головками прибалтийско-финского происхождения, с широким распространением на севере Европы в X-XIII вв.; щитковые перстни с "усами" помимо прибалтийских земель, бытовали в Волго-Клязьминском междуречье и в древнерусской среде (запад Новгородской земли). Калачевидные серьги и лунницы более характерны для памятников севера Руси; поясные кольца и разделители - частая находка в новгородских культурных слоях с середины X в. Вероятно, некоторые украшения, встреченные на Вятке, не имели замкнутых ареалов распространения: подвески-всадницы могли происходить как из районов Прикамья - Чепцы, так и из Восточного и Юго-Восточного Приладожья; височные проволочные подвески со змеевидным основанием, кроме Вятско-Ветлужских земель, встречаются в памятниках Западной Сибири, бассейна р. Камы, Заволочья.

Наиболее активными были связи населения Вятки в юго-западном-западном направлении. Появление в древностях Вятского бассейна плетеных и витых браслетов с каменными вставками характеризует булгарский импорт XI-XII вв.; с мерей Волго-Клязьминского междуречья можно связать находки стилизованных коньковых подвесок с рельефным орнаментом, цельнолитых щитковых перстней с трапециевидными привесками; ажурные застежки-бляхи с комбина-

правобережные районы р. Вятки в конце I тыс. н.э. фиксируется на ряде поселений (Еманаевское, Ижевское городища). В свою очередь в средневековье Вятско-Ветлужское междуречье выступало с зоной наибольшей концентрации на памятниках умбоновидных обувных, очковидных, каплевидных шумящих подвесок, встречающихся в древностях поволжских, прибалтийских финнов, в древнерусских памятниках. В восточные области - бассейны рр. Камы, Чепца эти изделия попадали не только в результате торговых операций, но и с притоком в эти районы древнеудмуртского вятского населения (могильник Мыдланьшай).

Пути проникновения западного и восточного импорта в Вятское междуречье могли проходить по рр. Унже, Ветлуге и Вятке; возможно, с Волги по сухопутным дорогам, а также через систему волоков по мелким рекам (Герберштейн С., Захаров Д.М., Макаров Л.Д., Иванов А.И.). Сама же р. Вятка в средневековье вряд ли была постоянной торгово-транспортной артерией, принимая во внимание единичность дорогих импортных вещей в могильниках, практически полное отсутствие монетного материала, незначительное количество кладов по сравнению с Камой и Волгой.

Л. Макаров
Ижевск

ФОРМИРОВАНИЕ АРЕАЛОВ ДРЕВНЕРУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИКАМЬЯ

Появлению древнерусского населения в Прикамье предшествовали русские военные и промысловые экспедиции и торговый импорт. Но уже начиная с X-XI вв. первые поселенцы из Древней Руси оседают на территории Волжской Болгарии. Среди них были не только восточные славяне, но также поволжские финны и варяги. Так, по рассказу Ибн-Фадлана русские купцы строили здесь "большие дома из дерева". Древнерусские жилища XII-XV вв. обнаружены в городах Волжской Болгарии, а вещевые находки и керамика на многих торгово-ремесленных поселениях и селищах. Однако компактных древнерусских поселений здесь пока не обнаружено.

Территория Вятского края заселяется выходцами из Древней Руси начиная с конца XII - начала XIII в. Здесь возникает три общины: Никулицынская и Котельничская, известные из "Повести о

стране Вятской", и Пижемская, выделенная по археологическим данным. Во второй половине XIII в. эти общины, в которых проживало и местное удмуртское население, консолидируются в единое государство с вечевой формой правления - Вятскую землю со столицей в г. Вятке (Хлынове). Независимость Вятки была ликвидирована в 1489 г. Памятники группируются скоплениями, причем по течению Вятки селища чаще всего расположены вокруг городищ, а находящиеся по крупным притокам (Пижме, Моломе, Вое, Уржумке) укрепленных поселений поблизости не имеют вообще. Пока не выявлено селищ в низовьях р. Чепцы, а по рр. Быстрица, Великая, Белая Холуница и Летка древнерусских памятников совсем не обнаружено. Немногочисленные находки зафиксированы пока в нижнем течении Вятки (Орловский клад, поселение Изран, городище Грохань).

На памятниках верхнего и среднего течения р. Чепцы древнерусские предметы наряду с булгарскими появляются в X-XII вв. К концу домонгольского периода относится славяно-финно-пермская керамика, свидетельствующая о проживании поселенцев из Древней Руси на городище Иднакар.

Верхнее Прикамье также входило в зону интересов Волжской Болгарии и Древней Руси. Русская керамика впервые появляется на родановских поселениях XIII-XIV вв., документируя тем самым и проникновение сюда древнерусских поселенцев. Любопытно, что она выявлена преимущественно на городищах южной части региона (Анюшкар, Роданово, Красная Горка), т.е., вероятно, попала сюда с территории Волжской Болгарии. Массовая крестьянская колонизация начинается с конца XIV - начала XV в., когда возникают такие городские центры как Анфаловский городок, Соликамск, Чердынь, Искор, Покча, Урос, а также ряд селищ. На большинстве этих поселений фиксируется смешанный русско-зырянско-пермяцкий материал. Территория первоначальной Перми Великой охватывала сравнительно небольшой район в северной части Верхнего Прикамья. В 1451 г. Чердынь стала местом дислокации московских ставленников - князей великопермских "от роду вереиских князей", а в 1505 г. автономия Перми Великой была ликвидирована. Через полвека вотчины Строгановых охватили и южную часть региона с выходом на р. Чусовую.

В Среднем Прикамье отдельные древнерусские памятники выявлены близ Елабуги, в Удмуртском Прикамье, в Восточном Закамье (р. Ик), в низовьях Белой и в Частинском Прикамье. В бассейне р. Белой (низовья р. Ай, левого притока р. Уфы) известно 5 поселений с находками XIV-XV вв. (исследования А.И. Лебедева). На 17 памятниках бассейна Средней Сылвы обнаружены древнерусские

вещи домонгольского и более позднего времени и круговая посуда золотоордынского периода. Выявление этих древностей позволяет говорить о проникновении русского населения в юго-восточные районы Прикамья, традиционно связываемые со степным миром.

Дальнейшая история расселения русского компонента в Прикамье связана уже с периодом покорения Казанского ханства и последующим "замирением" аборигенных народов в ходе "черемисских войн" и башкирских восстаний. Однако эти события выходят за рамки данного сообщения.

П. Мезин
Саранск

ФИННО-УГОРСКИЙ МИР НА КАРТЕ П.И. КЕППЕНА И В ЕГО НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ЭТАПЫ, ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ АККУЛЬТУРАЦИИ

Многочисленные работы Петра Ивановича Кеппена (1793-1864) по исторической географии, этнической статистике, картографии, этнологии, археологии, праву, философии, языкознанию, истории - это заметный вклад в золотой фонд академической науки России. В историческом прошлом исследователя интересовала прежде всего этническая и этноконфессиональная ситуация, территория их расселения, что нашло отражение в его карте финно-угорских народов. В трудах П.И. Кеппена финно-угры выступают как важнейший компонент в этнополитической и государственно-правовой Отечественной истории России, в частности Рязанского и Суздальско-Нижегородского княжеств.

Главной задачей данного сообщения мы считаем выявление основных этапов в процессе аккультурации, используя для этого ретроспективный опыт, заложенный в работе П. И. Кеппена "Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России". (СПб. 1861). Материал собирался, на наш взгляд, по довольно достоверным источникам: 1) Русские летописи; 2) Н.М. Карамзин "История государства Российского"; 3) Собрание государственных грамот и договоров; 4) Акты Археографической экспедиции 1836 г.; 5) Акты Археографической Комиссии; 6) Акты юридические; 7) Полное собрание законов по 1860 год, 8) Книги и периодические издания (губернские и епархиальные ведомости); 9) Иссле-

дования по древнерусской истории; 10) Новгородская книга XVII в.; 11) Родословная книга и другие источники. Недостатком источниковедческой базы можно считать отсутствие хронологического материала, связанного с этапами христианизации и образования великорусской народности.

По мнению ученых, древнейшие арио-финны имеют длительную историю этногосударственного развития. Мордва и другие финно-угорские народы Поволжья и Приуралья - марийцы, удмурты, ханты, манси, относятся к числу этносов долгожителей. Однако древнюю родину этих народов с достоверной точностью найти никому не удалось. Эту проблему весомо решил его наследник - Ф.П. Кеппенв своей работе "Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индоевропейского и финно-угорского племени" (СПб. 1888), в котором поддерживает точку зрения М. Кастрена о том, что первобытная родина этих народов находилась поблизости Саянского хребта и Алтая, местности, заселенной светлоглазым племенем **аккакаи**. Для доказательства этого положения Ф.П. Кеппену пришлось подвергнуть сравнительному анализу системы родства индоевропейских и финно-угорских племен, широко привлечь языковые материалы природной среды и физической географии. Все древесные породы, по мнению Ф. Кеппена, переселялись в Европейскую Россию с запада, а дальнейшее их распространение на восток было остановлено Уральским хребтом. В этой работе на основе языковых данных прослеживается терминология природно-географической среды растений и животных. Используя данные мифологии о растениях, насекомых и животных (липа, пчела, хмель), он говорит о их древнем присутствии на родине ариофиннов. Древние предания, бытующие среди финно-угорских народов, до сих пор не утратили своего значения в диалоге культур и более того ждут своих исследователей.

Судя по имеющимся космогоническим мифам, дохристианские верования финно-угров имеют много общего и оно выражается в преобладании женских божеств у мордвы и марийцев, и мужских божеств у удмуртов. По их функциональным обязанностям они легко вписываются в системы антропогонических мифов. Сравнивая мордовское божество *Вешь-ава* (м. э.) с марийским *Вуд-ава* и удмуртским *Ву-мурт* не трудно заметить общие черты марийцев с удмуртами (*Вуд-ву*) и мордвы с марийцами (*Ава* - женщина, мать). Подобную картину мы наблюдаем и в культе родосемейных предков.

Если рассматривать предложенную хронологию П.И. Кеппена по вертикали и горизонтали, не трудно заметить, что этнонимы названия народа и его этногосударственные образования меняются

почти через каждое столетие. Например, *сиберы*, а этногосударственное образование "Железные врата"; народ – *мерденс*, страна – *Мордия*; *мари*, *мери*, *мурома*, *мордва*. В 1229 г. один из князей мордовских воевал с Нижним Новгородом. В 1239 г. войска Батыя завоевали мордовскую землю, Муром и Гороховец. Это связано, видимо, с тем, что перекраивались административно-территориальные деления, а вместе с ним и вступали новые административно-правовые установки, которые размывали старые этногосударственные образования, способствовавшие интенсивной ассимиляции. На этапе XIII столетия существенную роль играла исламизация населения.

Итак, рассмотренные труды отца и сына Кеппенов, сумевших приоткрыть занавес над картиной этногенеза финно-угорских народов и этапов его аккультурации, делают возможным дать ответ на вопрос: какое участие в образовании великорусской народности сыграли финно-угорские народы?

В. Никитин
Йошкар-Ола

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ В ЭПОХУ КАМНЯ В ЛЕСНОЙ ЧАСТИ СРЕДНЕЙ ВОЛГИ

Процесс заселения лесной части Среднего Поволжья (устье р. Дорогучи - р. Казанка) начался в эпоху верхнего палеолита в пребореальный период. Отдельные находки орудий палеолитического возраста разбросаны на обширной территории и не связаны с длительным проживанием отдельных коллективов на конкретной территории. Обращает на себя внимание приуроченность таких местонахождений к лессовым слоям пермских отложений береговых террас.

Более или менее связаны со слоем Юнга-Кушергинская и Юльяльская стоянки в правобережье Волги. Отдельные находки архаического облика орудий (уже в бассейне р. Вятки) возможно отнести к ранним мезолитическим комплексам типа Сюкеевского взвоза. Немногочисленные позднепалеолитические материалы по своему облику типологически близки коллекциям Среднего и Нижнего Поволжья и русской равнины. В дальнейшем заселении края наблюдается лакуна вплоть до развитого мезолита типа II Русско-Луговской стоянки. К этому времени меняется топография расположения стоянок, которые переносятся на речные и озерные террасы с рыхлыми

песчаными отложениями, что, в свою очередь, было вызвано происходившими экологическими изменениями растительного и животного мира. Обилие водных и биологических ресурсов в раннеголоценовое время создают благоприятную среду для заселения и активного освоения территории.

В настоящее время, при достаточном археологическом материале, трудно определить начало процесса интенсивного освоения лесного Поволжья, поскольку нет независимых дат и слабо разработаны проблемы древних ландшафтов для рассматриваемой территории.

В мезолитическое время существуют кратковременные стоянки и долговременные поселки с жилыми сооружениями (от 1 до 10). Материальная культура населения мезолитической поры свидетельствует о неоднородности представленных здесь комплексов. При видимой близости кремневого инвентаря, по набору орудий и технике их обработки отдельные памятники имеют свои специфические черты (наличие или отсутствие геометрических орудий, древних форм наконечников, микрорезцовой техники, преобладание отдельных категорий в орудийном наборе и др.), предполагающие хронологические различия или же неоднородность их носителей. В общих чертах мезолитические комплексы близки волго-окским (бутовским и иневским) с определенными чертами, свойственными камскому и уральскому мезолиту. Иными словами, в Среднем Поволжье наблюдается сложный процесс культурообразования мезолитической общности, где принимают участие носители восточной (камско-уральской) и западной (волго-окской) традиций в кремневой индустрии.

В неолитическую эпоху на данной территории фиксируется три культурных образования, определяемых по разным типам посуды, набору кремневого инвентаря, домостроительных традиций и топографии расселения.

Камская культура с посудой покрытых полуяйцевидных форм с гребенчатым орнаментом. Территория расселения - р. Илеть и редкие кратковременные стоянки прибрежных участков левобережья р. Волги. Характер каменного инвентаря, незначительность культурных слоев, малочисленность долговременных поселков свидетельствуют об активной подвижности населения с доминирующим охотничьим промыслом. Основная территория носителей данного вида посуды - Прикамье, ближайшие аналогии ей находятся в хуторской (камской культуре).

Культура гребенчато-ямочной керамики занимает обширную территорию поймы р. Волги и ее притоков. В отличие от камских

стоянок. она представлена многочисленными поселениями с жилищами (от 2 до 20), расположенными на дюнных всхолмлениях поймы рек, озер или старичных водоемов. Наличие системы долговременных жилищ указывает на значительную оседлость населения, а набор орудий - о доминирующей роли рыболовства при наличии других видов промысловой деятельности. Весь облик культуры, в известной степени, сближает ее с волго-окскими племенами балахнинской (точнее льяловской) культуры, развитый облик культуры населения территории Среднего Поволжья предполагает продвижение волго-окских племен в свободные зоны лесного Поволжья примерно в начале развитого или в конце первого этапа существования льяловской культуры. Топографически поселки с гребенчато-ямочной посудой расположены на рыхлых песчаных отложениях (как и в мезолите). С местным мезолитом их сближает традиция домостроения, планировка поселений, некоторые типы кремневых орудий и ряд технико-технологических признаков в первичной и вторичной обработке кремня

Комплексы с посудой, украшенной накольчатым орнаментом, приурочены к береговым участкам вблизи широких пойм. По своему облику культура близка донским и верхневолжским образованиям с накольчатой и гребенчато-накольчатой посудой, появляется на Средней Волге в развитом неолите. Для населения этой культуры характерны наземные жилища (южная традиция) и с углубленным полом (местная традиция).

Кремневая индустрия очень развита, набор орудий богат и разнообразен. Населению были известны домашние животные: лошадь, крупный и мелкий рогатый скот. Кости домашних животных были собраны при исследовании Дубовского III, Дубовского VIII и Отарского VI поселений В.В. Никитиным в 1980-е годы. Поселки довольно крупные, по несколько десятков построек. Расположение поселков вблизи широких пойм предполагает занятие домашним скотоводством, хотя набор каменных орудий указывает на занятие охотой и рыболовством.

Рассматривая кремневую индустрию трех неолитических образований, можно отметить много общих технико-типологических признаков, что обусловлено в какой-то мере близостью общей мезолитической основы древних образований с гребенчато-ямочной (льяловской) и накольчатой (верхневолжской) посудой. Следует также учитывать возможные заимствования камских и уральских традиций в результате синхронного существования культур на сопредельных территориях. Развитие любой из отмеченных выше неолитических культур непосредственно на базе местных мезолитиче-

ских комплексов в настоящее время проблематично. Скорее всего, носители керамики проникли в лесную зону Средней Волги в среду бескерамических племен и довольно быстро освоили ее в силу схожести экологической ниши, хозяйственно-экономического уклада и родственным корням (по мезолитическому периоду) местного и пришлого населения

В развитом, особенно в позднем неолите, происходит консолидация населения с камскими и волго-окскими группами. Усилившиеся всесторонние, в том числе и брачные, связи приводят к образования нового культурного явления развившегося от протоволосовских древностей до своеобразного варианта волосовской общности Новое культурное образование с чертами восточного (камского) и западного (волго-окского) неолита, зародившись в неолите, завершает свое существование уже в эпоху раннего металла.

Таким образом, археологические материалы свидетельствуют, что процесс освоения Среднего Поволжья был длительным и прерывистым Между первичным (верхнепалеолитическим) проникновением сюда охотников за мамонтом и вторичным (в мезолитическую эпоху) продвижением охотничье-рыболовецких коллективов образовался временной разрыв в несколько тысяч лет.

Последующее, неолитическое время знаменует процесс новой волны миграции населения с востока и запада одновременно. Если западное население в силу близких природно-географических условий Волго-Окского междуречья и левобережья Средней Волги (широколиственные леса, развитая водная сеть, примерно одинаковый температурный режим) быстро и прочно освоило данную территорию, то восточные коллективы ввиду более подвижного образа жизни осваивали пограничные районы широколиственных пород с таежными зонами, частично проникая на территорию, занятую западными племенами Бесконфликтное сосуществование двух групп населения было обусловлено относительно свободной территорией, с одной стороны, и несколько различными хозяйственными укладами оседлых рыболовов-охотников (с доминантой охоты) - с другой Учитывая отдаленность основной территории обитания камского населения, можно предположить сезонный или временный характер их проникновения на Среднюю Волгу, что подтверждает география их стоянок, характер памятников и слабомощные культурные слои. С угрозой продвижения в лесную зону лесостепного населения (с накольчатой посудой) происходит консолидация местных племен. С этого момента можно говорить о стадиальной линии развития населения лесного Поволжья (через волосовское и чирковское образование) вплоть до эпохи бронзы.

А. Обрезкова
Казань

ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФИННО-УГОРСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КАЗАНИ

В журнале "Татарстан" № 12 за 1993 год (стр. 34) была опубликована статья венгерского ученого П Домокоша с предисловием профессора А. Халикова, в которой говорилось, что Казань исторически является колыбелью финно-угорской интеллигенции, т к. многие представители этих народов в свое время учились или работали в Казани

Смирнов Иван Николаевич (1856-1904), уроженец села Арино (ныне Моркинского района Республики Марий Эл), историк и этнограф, профессор Казанского университета с 1884 г., изучал этнографию финноязычных народов Волго-Камья. Большое научное значение имеют его труды: "Черемисы" (1889 г.), "Вотяки" (1890 г.), "Пермяки" (1891 г.), "Мордва" (1895 г.).

Мордовский ученый, просветитель, фольклорист и этнограф Евсевьев Макар Евсевьевич родился 18.01 1864 г. в деревне Кармалы Буинского уезда Симбирской губернии. Окончил Казанскую инородческую семинарию (1883 г.),стал в 1921 г. профессором вузов Казани и других городов Поволжья. С 1886 года вел полевые этнографические, фольклорные и диалектологические исследования в Мордовии. М Е. Евсевьев готовил национальные педагогические кадры и создавал мордовскую письменность, с его помощью были изданы первые учебники и газеты на мордовском языке

Учился в Казани первый историк удмуртского народа, доктор исторических наук Павел Николаевич Луппов (1867-1949) Более 60 работ, опубликованных им, посвящены истории удмуртов, но первая статья его о вятских этнографических наблюдениях появилась в Казанской газете "Биржевой листок" в годы учебы в Казанской духовной академии В 1913 году П Н. Луппов представил обьемистое исследование на 40 печатных листах в Совет Казанской духовной академии на соискание докторской степени. Казань была избрана как место, где имелись специалисты по истории нерусских народностей края. Защита прошла успешно.

Веске Михкель (1843-1890) - эстонский этнограф, лингвист. Специалист по финно-угорским языкам, один из основоположников "младограмматической школы" в финно-угроведении, являлся про-

фессором Юрьевского (1874 г.) и Казанского (с 1886 г.) университетов. Большое значение имели его работы: "Исследования по сравнительной грамматике финских языков" (1873 г.), "Исследования о наречиях черемисского языка" (1889 г.), "Славяно-финские культурные отношения по данным языка" (1890 г.). В 1879-1883 годах он опубликовал антологию "Эстонские народные песни".

Удмуртский писатель Кедра Митрей (Корепанов Дмитрий Иванович) родился в 1892 г. в селе Игра в Удмуртии. Учился в Казани в учительском институте. О нравах института, о Казани на рубеже веков рассказал в автобиографической повести "Дитя больного века" (1911 г.). Им написаны трагедии. "Эштэрек"(1915 г.). "Идна батыр" (1926 г.), а также первый удмуртский роман "Тяжелое иго" - о трудной жизни народа в период христианизации края в конце XVIII - нач. XIX вв. Кедра Митрей был председателем Союза писателей Удмуртии, умер в 1949 году.

В августе 1872 г. в Казани была открыта учительская семинария, затем она была преобразована в учительский институт для народностей края, в том числе и финно-угорских. Директором был Николай Иванович Ильминский, талантливый педагог, создавший оригинальную систему народного просвещения. В то время попечителем Казанского учебного округа был Петр Дмитриевич Шестаков. Его труды, посвященные истории "инородцев", хорошо знакомы финно-угроведам: "Святой Стефан, первосвятитель Пермский". (Ученые записки. Казанский университет. 1868 г.), "Чтение древнейшей зырянской надписи, единственно сохранившегося до сего времени памятника Стефана Пермского" (1871 г.), "Где книги, писанные зырянскою или пермскою азбукой?" и др.

Много интересного материала содержит о переселении коми-зырян за Урал работа Николая Алексеевича Фирсова (1831-1896 гг.), профессора русской истории Казанского университета "Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве", написанная им для получения степени магистра русской истории в 1866 году. "В 1634 году сошли в Сибирь посадские люди и многие пашенные крестьяне от хлебного недороду и от бедности с Устюга Великого, от Соли Вычегодской, из Перми Великой с женами и детьми, .. и учинилась в Устюжском и Усольском уездах великая пустота, а Верхотурья воеводы доносили, что в один год проехало по Тобольским и Тюменским проезжим грамотам 2051 человек".

Матиас Александр Кастрен, финский языковед и этнограф, во время последнего путешествия в Сибирь (1845-1847 гг.) недолго пожил в Казани, изучая имеющиеся в Казанском университете материалы, подтверждающие его теорию родства угро-финских и тюрк-

ских народов "Скажу дельное слово об университете", - пишет М.А. Кастрен асессору Раббе из Казани - "Здесь дошли до предположения сродства между финским и турецко-татарскими языками..."

Коми поэт, лингвист, основоположник коми литературы Иван Алексеевич Куратов, учитель из Усть-Сысольска (ныне г. Сыктывкар), переучивался в Казани в 1865-1866 гг. на военного аудитора, создает одно из самых своих значительных стихотворений - "Моя муза". Но до сих пор казанский период жизни коми поэта считается малоизученным, и с этим приходится соглашаться. Если бы переводчики стихотворения Куратова "Моя муза" побывали в Казани и посетили большой зал бывшего юнкерского училища (а там 1865 г. располагалось училище военного ведомства) с непременным для того времени камином, то строчки:

И тетрадьӧн дінысь
Югыджыка бӧбӧ
Озтылам каминысь

не получили бы такой перевод:

И тетрадкой со стихами
Мы растопим камелек. (15, с 101).

Здесь авторское слово "камин" заменено словом "камелек". Но они имеют разное лексическое значение. Читаем в словаре Ожегова: *Камин* - комнатная печь с широко открытой топкой, служит для дополнительного освещения. *Камелек* - небольшой очаг для обогревания.

Далее, у Куратова в этом предложении есть два слова в исходном падеже: с окончанием *ысь - каминысь* и *тетрадь динысь* - т.е. "откуда?", а не "куда?" - из камина, от камина; из тетради, от тетради. В-третьих, Куратов не собирается растапливать камин своей тетрадкой хотя бы потому, что хотел написать поэму на "енджык", т.е. на более значимую тему, и тетрадь ему еще бы пригодилась...

Надеясь найти документы, подтверждающие связи коми поэта И.А. Куратова с казанскими учеными, я перебрала архив Н.И. Ильминского и случайно обнаружила переписку Г.С. Лыткина, коми ученого, автора книги "Зырянский край при епископах пермских" (1889 г. СПб) с Н.И. Ильминским. Письма датированы 1883-1887 годами, их 9, хранятся они в центральном республиканском архиве Республики Татарстан. Об этой переписке рассказано мной в пособии "Новонайденные письма Г.С. Лыткина к Н.И. Ильминскому". Казань, ДАС, 1998 г.).

Из всего сказанного можно сделать вывод, что Казань действительно являлась городом, где воспитывались кадры творческой финно-угорской интеллигенции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Демкош П.* Казань - колыбель финно-угорской интеллигенции (Предисловие А. Халиков) // Журнал "Татарстан", 1993 № 12

2. *Евсевьев М.Е.* Избранные труды. Саранск, 1965.

3. *Беззубов В.Н.* Научно-педагогическая деятельность М.Е. Евсевьева. Саранск, 1960

4. *Бердинских В.А.* Историк на грани эпох Павел Луппов -первый историк удмуртского народа. Ижевск, 1991

5. *Максимов Б.А.* Большой друг удмуртского народа // Записки УдмНИИ. Вып. 20. Ижевск, 1968.

6. *Садаков М.А.* Луппов П.Н. - первый историограф Удмуртии (1867-1949 г.) Записки УдмНИИ Вып 20 Ижевск. 1968.

7. *Чупина Л.Ф.* Павел Николаевич Луппов Библиографический указатель Ижевск. 1985.

8. *Юсов С.А.* Идеи просветительства в поэзии И.А. Куратова // V Симпозиум по пермской филологии, посвященный 100-летию Д.С. Сидорова. Сыктывкар. 1992

9. *Сюльчинов А.* За иронической строкой Куратова // Вести культуры Респ. Коми. 1993.

10. Куратовские чтения Т. 1-6 Коми научный центр Уральского отделения АН России. Сыктывкар.

11. *Богданова З.Л.* Творчество Кедра Митрея. Ижевск, 1967.

12. *Кедра Митрей.* Избранное. Соч. в рус. пер. Ижевск, 1965.

13. *Червонная С.М.* Из истории связей марийского искусства с художественной культурой Казани // Проблемы изучения марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола. 1986.

14. *Куратов И.А.* Бӧрйӧм гижӧдъяс. Коми ГИЗ. 1951

15. *Куратов И.А.* Избранное. М., 1958

А. Ошаев
Йошкар-Ола

ИСТОКИ МАРИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

За последние годы в исторической литературе наметились пути пересмотра многих устаревших концепций, происходит ломка стереотипов, по-новому переосмысливаются материалы, позволяющие иначе представить социокультурную панораму прошлого. Это касается и вопросов, связанных с зарождением и оформлением национального самосознания

Россию царя, помещиков и капиталистов называли "тюрьмой народов", где социальный гнет переплетался с национальным. Многочисленные нерусские народности были совершенно бесправны и систематически подвергались унижениям и оскорблениям. Это характерно было и по отношению к марийцам. Местные представители власти избирались исключительно из богатой части русского населения. Экономический, политический и национальный гнет приводил к тому, что культура марийского народа была чрезвычайно низкой. В 1897 году грамотных мари в Казанской губернии было: мужчин 18,3 %, женщин - 2,2 % (1, с. 15); в Вятской губернии - мужчин 11,6 %, женщин - 0,4 % (2, с. 8-9). Низкая грамотность населения являлась одним из препятствий роста марийской национальной культуры

Революция 1905-1907 гг. явилась крупнейшим событием начала XX века, открывшим собой эру национально-освободительных движений. "Революция 1905 г. пробудила у марийской интеллигенции национальное самосознание. Если до сих пор многие стыдились, что они марийцы, то теперь заговорили о марийской литературе, книге, газете", - писал С.Г. Чавайн (3, с. 5-6) Под влиянием свободолюбивых идей представители марийской интеллигенции горячо взялись за просвещение родного народа. Национально-демократические просветители стремились пробудить национальное достоинство и самосознание, защитить родной язык и народную культуру, сохранить ее от разрушения и гибели.

Вплоть до 1907 г. у марийского народа не было ни одного печатного светского произведения, издавались книги только религиозного содержания. В период революции 1905-1907 гг. появились первые печатные произведения светского содержания на марийском языке - "Марла календари" (1907-1913), которые начали выходить в Казани. Для нерусских народов Поволжья город Казань стал центром науки и культуры, отсюда исходили важнейшие общественные движения. Организаторами издания этого ежегодника были представители демократически настроенной интеллигенции: В.М. Васильев, выпускник Казанской духовной семинарии и П.П. Глезденев, поп-миссионер с высшим образованием.

В этих календарях публиковались материалы, критикующие царское правительство, марийский народ призывался к борьбе за развитие национальной культуры, языка, экономики. Так, в "Марла календаре", подготовленном к печати в 1906 году, отмечалось: "В прошлом году в Думе не было ни одного марийца, нынче тоже никто не избран. Кто же должен говорить в Думе за марийцев?" (4, с. 137).

В историко-краеведческой литературе установилось мнение, что в календарях печатали свои произведения литераторы революционно-демократического (В.М. Васильев, С.Г. Чавайн и др.) и буржуазно-либерального (П.П. Глезденев, П.М. Кунаев, Ф.Е. Егоров, Т.Е. Ефремов и др.) направлений. Но таких глубоких различий во взглядах между этими авторами не наблюдалось. Их объединяло то, что национальное возрождение они видели в распространении просвещения среди марийского населения, т.е. они все были просветителями. Самым примечательным в деятельности просветителей было то, что они национальное возрождение своего народа не мыслили без пробуждения национального самосознания (5, с. 71).

Возникновение национального движения в Марийском крае было одним из последствий революции 1905 г. Разрешение задач демократической революции было неразрывно связано с решением национального вопроса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XIV. Казанская губерния.

2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. X. Вятская губерния.

3. *Чавайн С.Г.* Автобиографий // Чавайн Ойпого. Йошкар-Ола, 1957.

4. *Эман С.И.* революционные письменные памятники на марийском языке // Труды МарНИИ. Вып. II. 1940.

5. *Сапуков К.Н.* К вопросу о развитии просветительского движения в Марийском крае // Из истории развития народного образования и просветительства в Среднем Поволжье. Йошкар-Ола, 1993.

Е. Петрова
Йошкар-Ола

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ОСОБЕННОСТИ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА НАСЕЛЕНИЯ МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ ВО II–I ТЫС. ДО Н.Э.

Каждый отрезок времени, определяемый исторической эпохой, накладывает свой отпечаток на различные стороны хозяйственно-общественного уклада человечества, отчего многие артефакты, фиксируемые в археологической культуре, носят эпохальный характер. Не является исключением и домостроительство. Но, с другой сторо-

ны, устройство поселений и техника строительства жилищ в зависимости от конкретных условий развития имеет местный локальный колорит. Тем не менее, определить и понять своеобразие домостроительства II-I тыс. до н.э. на территории Марийского Поволжья возможно лишь в сравнении и на основе систематизации множества источников. Итак, попытаемся выявить основные принципы и особенности домостроительства населения Марийского Поволжья во II-I тыс. до н.э.

Социально-экономический уклад, особенности использования имеющихся природных ресурсов, специфика обороны диктовали выбор местообитания. Расположение поселений по берегам рек, озер становится общей традицией в домостроительстве у местного населения марийского края от каменного века вплоть до средневековья. И это не случайно. Существенная роль принадлежала охоте и рыболовству. Поэтому реки и озера являлись одним из главных и важных источников питания (снабжение человека рыбой и дичью) и основными путями передвижения.

Традиционным в домостроительстве населения Марийского Поволжья во II-I тыс. до н.э. является также расположение жилищ на поселении в большинстве случаев параллельно в два ряда, или единичных случаев расположения в один ряд.

В организации жилого пространства население Марийского Поволжья выработало свои принципы. На этой территории во II-I тыс. до н.э. существовали как однокамерные, так и двухкамерные жилища.

Особенностью жилищ населения данного региона во II тыс. до н.э. являлось наличие системы крытых переходов. К началу I тыс. до н.э. эта черта полностью исчезает и в VIII-VI вв. до н.э. жилища становятся наземными и изолированными.

Окружающая природная среда диктовала населению края и выбор строительного материала для жилищ. Углистые полосы, остатки ям от столбов свидетельствуют, что основным строительным материалом в лесной полосе Поволжья на протяжении двух тысячелетий служило дерево.

Если говорить о форме основания и отношении его к уровню древней поверхности, то можно отметить следующее: углубленные постройки преимущественно прямоугольные и квадратные. При этом следует заметить, что в первой половине II тыс. до н.э. котлован жилища был углублен до 1,0 м. Но с середины II тыс. до н.э. наблюдается постепенное уменьшение углубленности и к началу I тыс. до н.э. основание жилого сооружения имело незначительное углубление (10-25 см).

Во II-I тыс. до н.э. жилища имеют земляной ровный или незначительно вогнутый к центру, плотный, утрамбованный пол и двускатное перекрытие наземной конструкции.

Своеобразный "консерватизм", последовательность и преемственность традиций можно заметить в планировке, деталях интерьера.

Одним из ярких примеров может служить устройство входа, который располагался в торцовой стороне стены к реке или противоположной стороне. На протяжении II-I тыс. до н.э. для жилых сооружений на территории Марийского Поволжья характерны типичные простейшие интерьеры с тремя обязательными конструктивными элементами: очагом, хозяйственными ямами и боковыми угловыми нарами.

Большинство из этих основных принципов домостроительства зародилось еще в конце III тыс. до н.э. в культуре волосовского населения и наличие их в культуре последующих поздняковской, приказанской и чирковской, с одной стороны, подтверждает преемственность от волосовской, а с другой стороны – свидетельствует об их родстве между собой.

В. Рыбалка
Йошкар-Ола

РОЛЬ СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПОВЫШЕНИИ КУЛЬТУРЫ МАРИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ (1946-1965 гг.)

Чрезвычайно важную роль в распространении культурных ценностей в деревне, в подъеме духовной культуры села, в развитии форм культуры общения, образа жизни играла в послевоенные годы интеллигенция. Сельские интеллигенты выступали лекторами, пропагандистами, организаторами клубных вечеров, руководителями художественных и спортивных коллективов, клубов по интересам. На селе, где меньше источников культуры, процесс формирования культурного уровня населения шел медленно, труднее. Следовательно, культурные задачи сельской интеллигенции значительно сложнее, чем городской.

Говоря о культурно-воспитательной функции интеллигенции, следует иметь в виду, в первую очередь, лекционную работу сельского учителя, врача, инженера, агронома. С 1948 года по инициативе сельской интеллигенции повсеместно начала применяться но-

вая форма лекционной пропаганды - сельский лекторий. Уже в 1949 году в республике функционировал 141 сельский лекторий, из них 46 при сельских клубах и 73 при избах-читальнях. Кроме того, имелось 85 сельских объединений лекторов.

Рост лекториев свидетельствовал о том, что сельская интеллигенция начала выступать в качестве активной силы, развертывающей политическую и научную пропаганду в колхозах и на предприятиях. Это также говорит о все больше возрастающем авторитете лекционной пропаганды во всех звеньях системы культпросветработы, особенно в самой гуще колхозного населения республики - в сельских лекториях. В этой связи заслуживает внимания опыт работы Косолаповского и Мари-Турекского районных домов культуры, лектории которых работали систематически. Здесь проводились лекции-концерты, кинолекции. В работе лекториев принимали участие, в первую очередь, интеллигенция райцентров, учащаяся молодежь.

К концу четвертой пятилетки Республиканское лекционное бюро и районные отделы культпросветработы значительно расширили лекционную пропаганду научных знаний среди населения и увеличили количество лекций на марийском и татарском языках. За 1950 год в колхозах и на предприятиях республики было прочитано 17240 лекций, из них 12486 - в крестьянской колхозной аудитории. Расширение лекционной пропаганды обусловлено тем, что к ее участию было привлечено большое количество сельской интеллигенции, научных работников, врачей, специалистов сельского хозяйства. Живо, доходчиво, на высоком идейно-теоретическом уровне и глубоко научно читали лекции врач Юринской районной больницы С.Ф. Бакулин, лектор-общественник Шукшиерского сельского объединения лекторов Сернурского района С.Х. Патрушев и другие. Руководитель Шиньшинского сельского объединения лекторов Моркинского района В.Ф. Орберг установила такой порядок, при котором тексты лекций обязательно обсуждались на заседаниях лекторов. Такая коллективная работа местной интеллигенции приносила хорошие результаты.

Ведущее место среди сельской интеллигенции традиционно занимал ее педагогический отряд. Усилиями учителей непосредственно осуществлялось обучение, идейно-политическое и нравственное воспитание подрастающего поколения, формирование его духовного облика. Сельские учителя принимали также активное участие и в лекционной пропаганде. К примеру, учителя Больше-Лумарской семилетней школы Новоторъяльского района М.Ф. Элембаева и А.А. Глушкова, систематически читавшие лекции на политические темы в бригадах колхоза "Тумер", умело увязывали их с кон-

крепными задачами, стоящими перед тружениками сельского хозяйства.

Одной из форм идейно-политического воспитания и культурного просвещения марийского крестьянства являлись народные университеты. Наряду с народными университетами культуры, сельскохозяйственных знаний и технического прогресса, все чаще стали возникать на селе университеты здоровья, родителей, будущих воинов. Количество народных университетов в сельской местности постоянно увеличивалось. Если в 1961 году в республике было создано 26 народных университетов, то в 1962 году их было уже 71.

Народные университеты работали на общественных началах, возглавлялись общественными советами. Так, интересно и содержательно была организована работа университета сельскохозяйственных знаний в колхозе имени К. Маркса Звениговского района, который возглавлял главный агроном ОПХ С. Григорьев. Университет работал по трем факультетам, животноводство, растениеводство и механизация.

Важное значение в улучшении социальных условий жизни на селе приобретал такой отряд сельской интеллигенции, как культпросветработники. Учителя, врачи, агрономы являлись опорой культурно-просветительных учреждений. Они подсказывали заведующим сельскими клубами, библиотеками, избами-читальнями интересные мероприятия, помогали избрать репертуар, руководили кружками художественной самодеятельности, выявляли одаренных людей. В качестве примера можно отметить работу учителя В. Очетова (колхоз имени Ленина Сернурского района). Он организовал и возглавил два национальных марийских коллектива - хоровой и танцевальный, которые успешно выступили в 1954 году на республиканском смотре художественной самодеятельности. В ходе этого же смотра была отмечена деятельность врача Сернурской районной больницы В. Славина и учителя Пектубаевской средней школы С. Архипова.

Таким образом, сельские интеллигенты чувствовали большую гражданскую ответственность за культурное состояние деревни. По широте и разносторонности духовной деятельности интеллигенция - важное связующее звено между городом и деревней. Агрономы, инженеры, учителя, врачи являлись одновременно носителями технического прогресса и строителями материальной и духовной культуры села. Их деятельность способствовала постепенному повышению культуры марийской деревни.

С. Свечников
Йошкар-Ола

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ МАРИЙЦЕВ В XV - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI вв.

В XV - первой половине XVI вв. отдельные группы северных и северо-западных марийцев уже находились в составе Русского (Московского) государства. Но большинство марийцев входило в состав Казанского ханства, развитого феодального государства. Характеристике последних посвящено настоящее сообщение. В отечественной исторической науке не первый десяток лет ведется дискуссия по вопросу об уровне социального развития марийского народа в данный период. Выделилось два основных подхода к этой проблеме. Значительная группа исследователей, авторы "Очерков истории Марийской АССР" (1965) и "Истории Марийской АССР" (1986), а также Л.А. Дубровина, В.Д. Димитриев и другие, пришли к выводу о феодальном характере общественного строя марийцев. Эта точка зрения была господствующей в 60-80-е годы. Альтернативное решение данной проблемы принадлежит видному историку и этнографу К.И. Козловой. В своей монографии "Очерки этнической истории марийского народа" (1978) она подвергла критике мнение авторов "Очерков истории Марийской АССР" и значительно архаизировала по сравнению с последними общественный строй марийцев в XV-XVI вв. Она считает, что марийские племена в это время переживали переходный этап развития от родоплеменного строя к феодальному. При этом концепцию К.И. Козловой отличает не столько использование ею широкого круга источников, в чем не уступали и ее оппоненты, сколько глубокая методологическая обоснованность. К точке зрения К.И. Козловой в последние годы присоединяется все большее число исследователей.

Дошедшие до нас источники (русские летописи, записки иностранцев, археологический, местный фольклорный материал), а также использование ретроспективного и сравнительно-исторического методов исследования дают лишь смутную картину социального строя марийского народа в XV - первой половине XVI вв.

Сложно определить, какая стадия общины преобладала - родовая или соседская. О доминировании последней можно догадываться уже исходя из того, что в это время марийцы были вовлечены в бурные миграционные процессы в регионе, во многом связанные с русско-казанским противостоянием. Нельзя сбрасывать со счетов и

внутреннюю закономерность эволюции общины. Данные археологии показывают, что экономическое развитие в Марийском крае уже к концу I тысячелетия н.э. достигло такого уровня, что из родовой общины стали выделяться большие патриархальные, а впоследствии и малые семьи, расселявшиеся небольшими заимками - *илемами*. Кроме того, ломке родоплеменной структуры способствовала навязанная извне сотенно-десятная система администрирования, хотя тут можно говорить о синтезе этих двух способов организации общества. Видимо, поэтому элементы родового строя были достаточно сильны примерно до конца XVIII века, когда родовые группы *урматы* и *вуртеки* окончательно утратили свою замкнутость.

Марийское население делилось на два основных социальных слоя - знать и рядовых общинников. Марийская знать, скорее всего, не представляла собой единой однообразной массы. Можно предположить, что некоторая часть знати составляла органическую часть феодальной иерархии татарской знати Казанского ханства и соответствовала слою средних и мелких феодалов (мурз, огланов и казаков). Представители этого феодализированного слоя, вероятно, получали условные земельные держания - *беляки* (*билики*), причем последними могли владеть и собственно татарские феодалы.

Другая часть верхушки марийской знати представлена *кугызами* и *онами*, т.е. главами марийских протогосударственных образований в буферных зонах на севере и северо-западе казанского ханства. Они находились в вассальной зависимости от казанского правительства и пользовались автономией. Если феодализированная знать уже обладала особой принудительной властью, то власть *кугызов* и *онов* держалась на авторитете. Это были вожди - руководители союзов племен и племенные вожди наподобие мокшанских *оцязоров* и эрзянских *инязоров*. Очевидно, их окружали дружины, но последние, скорее всего, сохраняли патриархальные черты семейной и личной службы.

Велика была роль родовых старейшин ("лучших людей", "добрых черемисинов", "кугураков"). Они во главе с выбранным ими же вождем занимались общественным управлением. Старейшины представляли собой феодализирующуюся знать, которая выделялась и своим имущественным положением, вследствие чего к их имени нередко прибавляли название "бай". Вероятнее всего, в своем хозяйстве они использовали труд русских пленников-рабов, а также местных обедневших общинников - наймитов.

Так называемые сотенные, пятидесятные и десятные князья, по справедливому замечанию К.И. Козловой, были обычными старшинами небольших поземельных союзов или военными предводителя-

ми более крупных объединений типа племенных. Они имели такое же происхождение, что и кутызы, оны, кутураки буферных протогосударственных образований, но в то же время сотенно-десятная знать находилась в более сильной вассальной зависимости от Казанского правительства, следовательно, и процесс ее феодализации шел значительно быстрее.

Основная часть марийского населения, представленная свободными общинниками, входила в категорию ясачных людей. Они платили особую ренту-налог в пользу государства и должны были нести ряд других повинностей временного характера, главной из которых являлся "налог кровью" (участие в войнах), который давал в то же время и известные выгоды "налогоплательщикам".

Таким образом, социальный строй марийского народа в XV - первой половине XVI вв. можно определить как переходный от родоплеменного к феодальному. Раскол общества на феодалов и крестьян намечался, но еще не завершился. Эта структура была осложнена тюркско-марийским синтезом, длительным подданством Казанскому ханству, по отношению к которому рядовые общинники выступали как зависимое население, а знать - как служилые вассалы.

Б. Соловьев
Йошкар-Ола

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ЮГА ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Одной из определяющих особенностей бронзового века лесной полосы является его повышенная полиэтничность. В настоящем докладе, не претендуя на исчерпывающее освещение проблем эпохи бронзы Волго-Камья, остановимся на вопросе культурно-хронологического соотношения этнокультурных образований, относящихся к ее первой фазе - раннему бронзовому веку. Полученные выводы в основном опираются на известные автору стратиграфические наблюдения и не вызывающие сомнения факты взаимовстречаемости различных типов керамики, металлического и каменного инвентаря в закрытых и полузакрытых комплексах.

Этнокультурная картина региона в рассматриваемый период представляется довольно сложной. Первую группу составляет "або-

ригенное" население общности культур с пористой керамикой: гаринское в Прикамье, юртиковское в бассейне р. Вятки, поздневолосовское в Среднем Поволжье, вторую - разнообразные мигранты: балановские коллективы с традициями западного "шнурового" мира, абашевские, сейминско-турбинские, скорее всего, с последним тесно связаны носители своеобразной "валиковой" керамики, имеющей близкие зауральские и западно-сибирские параллели; третью - симбиозные типа чирковского

Балановские древности подразделяются на ранние балановские (аналогичные верхневолжским фатьяновским), атликасинские (хронологически близкие балановским) и относительно поздние ошпандинско-хуласючские, явившиеся, на наш взгляд, результатом смешения и дальнейшего развития двух первых компонентов. На Средней Волге балановско-атликасинская посуда залегала выше котлованов волосовских жилищ развитого и позднего периодов (Мазарское I, Удельный Шумец I, Уржумкинское) или заполнении построек совместно с поздневолосовской (Ахмыловское II, Нижняя Стрелка IV, Галанкина Гора, Удельный Шумец VII, Кубашевское, Юринская). Керамические материалы типа Чирковской стоянки в целом одновременны ошпандинско-хуласючским, о чем свидетельствует их совместное нахождение в слоях и постройках (Васильсурские II, V, Сомовское II, Хмелевское). С другой стороны, они частично синхронны атликасинским и поздневолосовским (комплексы построек Кубашевского поселения и Юринской стоянки), частью более поздние, что подтверждается наличием чирковских сосудов в яме, перерезавшей балановско-волосовское жилище поселения Нижняя Стрелка IV. На Средней Вятке известны смешанные раннебалановско-юртиковские комплексы (Буй I и Чернушка II).

Своеобразная посуда с гофрированными венчиками, налепами и гребенчатой орнаментацией, встречающаяся в качестве примеси на поселениях различных культур Волго-Уралья, позволяет в определенной мере синхронизировать позднегаринские (типа Камский Бор II, Бойцовское II, Тюремка, Игимское и др.), юртиковские (Лобань I, Буй I, Среднее Шадбегово III), поздневолосовские, балановские, атликасинские (Галанкина Гора, Кубашевское, Юринская, Васильсурское V), а также некоторые зауральские (ташковские, кротовские) материалы.

Свиту "лесных" культур, близких по времени абашевской, документируют находки абашевской керамики в жилищах средневолжской Юринской стоянки вместе с поздневолосовской, атликасинской (в орнаментации последней встречаются характерные хуласючские элементы), чирковской и "валиковой"; очковидных подве-

сок на гаринских памятниках (Камский Бор II, Красное Плотбище и др.); архаичных медных наконечников копий с несомкнутой втулкой на балановских (Балаково, Ош Пандо), гаринских (Заюрчим, Сауз I), приуральских абашевских (Тюбяк, Верхнекизильское), однотипных кремневых, так называемых "сейминских", стрел на абашевских (Пепкино, Пикшик, Виловатово II и др.), чирковских (Кубашево, Чирки, Васильсурское II), сейминско-турбинских (Сейма, Турбино I); абашевские проявления в металле (Сейма, Турбино I) и керамике (Решное) европейских сейминско-турбинских могильников. При выяснении хронологического соотношения средневолжских абашевских и балановских древностей могут быть использованы данные картографирования, свидетельствующие, что ареал абашевских памятников полностью совпадает с территорией распространения балановско-атликасинских, располагаясь к востоку от массива ошпандинско-хуласючских.

Хронологическое соотношение перечисленных выше археологических образований выглядит в настоящее время следующим образом. Наиболее древними являются поздневолосовские, ранние балановско-атликасинские и близкие им фатьяновские комплексы, имеющие несколько радиоуглеродных определений в пределах XIX-XVII вв. до н.э. (Тургиновский, Волосово-Даниловский, Удельно-Шумецкое VII и др.). Финал существования памятников типа Ош Пандо, Хула-Сюч и Чирковской стоянки приходится на середину II тыс. до н.э., во всяком случае, стратиграфические данные скорее свидетельствуют о более раннем возрасте чирковских (фатьяноидных) и ошпандинско-хуласючских материалов по отношению к раннепоздняковским (Малое Окулово, Засеченский, Лебяжий Бор и др.), относимым к XV-XIV вв. до н. э. Абашевские древности в Среднем Поволжье, с одной стороны, могут быть отчасти синхронизированы с ошпандинско-хуласючскими и чирковскими, с другой - с европейскими сейминско-турбинскими, датируемыми около XVI в. до н.э. Диапазон бытования носителей "валиковой керамики", тесно связанных с поздневолосовским, гаринским, юртиковским, балановско-атликасинским и, возможно, сейминско-турбинским населением по зауральским и западносибирским параллелям ложится в XVII - XV вв. до н. э.

Этнокультурные процессы, происходившие в Волго-Камье в РБВ, можно разделить на две основные фазы. Первая из них (первая-начало второй четверти II тыс. н.э), характеризуется сосуществованием раннебалановских (фатьяновских) и атликасинских коллективов с средневолжским поздневолосовским и вятским юртиковским населением. В первом случае контакты между ними в конечном ито-

ге привели к образованию новой симбиозной чирковской культуры, во втором были кратковременными и не имели глубоко идущих последствий. Вторая фаза (вторая четверть II тыс. до н.э.) представлена взаимоотношениями позднебалановских (ошпандинско-хуласючских), чирковских, абашевских групп. Конец РБВ в лесной полосе связан с проявлениями сейминско-турбинского транскультурного феномена с участием позднейшего абашевского населения.

О. Сутырина
Йошкар-Ола

ДИСКУССИЯ 20-х ГОДОВ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ МАРИЙСКОГО НАРОДА

Двадцатые годы этого века интересны для исследователя истории России по двум причинам. Во-первых, в этот период наряду с введением экономической свободы появилась возможность проведения дискуссий, недопустимых в первые послеоктябрьские и последующие 30-е годы. Во-вторых, 20-е гг. стали периодом создания национальных автономий (в том числе, и Марийской автономной области), что вызывало немалый интерес к истории и культуре проживающих в них народов. Власть поддерживала этот "национальный романтизм" и пыталась учесть некоторые насущные проблемы населения. В МАО дискуссионным вопросам отводилось достаточно много места на областных съездах Советов и в печати.

Весь аспект рассуждений сводился к проблемам численности, здоровья и культурного развития мари, что вызвало постановку вопроса о "*вырождении*" марийского народа. Поводом дискуссий послужило обращение к итогам исследования марийских деревень Помарской, Помьяльской и Шигаковской волостей, проводимых профессором Кандаратским в конце XIX в. (1). Результаты выглядели действительно устрашающими: "Всюду, наряду с плохим физическим состоянием населения (малый рост, слабо развит костяк и мускулатура, бледность покровов)", заболеваниями щитовидной железы страдало от 1/3 до 1/2 населения или поголовно. Помимо этого, наблюдались "идиотизм", "недоразвитость", "глухонемота". .Следует заметить, что исследование ограничивалось выявлением причин заболеваний щитовидной железы, а о "вырождении" вопрос не ставился. Тем не менее, в 1922 г. газеты сообщали: "До Октябрьской революции положение мари и других национальностей было ужасным...

Громадные платы. Отсутствие медицинской помощи, спаивание вином, насаждение церквей... довели мари на край гибели. 600 тысяч мари находились на положении скота" (2).

В 1927 г., неправильно используя и результаты исследования Кандаратского, и сам термин "*вырождение*", некоторые авторы развернули дискуссию на страницах местной печати (3, с. 3-11, 4, с. 89-94).

Но не все соглашались с такой формулировкой. По мнению В. Евгеньева, неправильна была сама постановка вопроса: "*вырождение*". Он предлагал вести разговор о "*вымирании*" и "*антропологических особенностях*" (5. с. 107-124). В местной прессе появилась заметка научного сотрудника музея антропологии и этнографии АН СССР Петрова, где он, опираясь на западные исследования, которые по группам крови устанавливали расовые показатели (от 4.5 у англичан до 0,5 у индусов), утверждал, что в МАО расовая разница имелась: у русских показатель составлял 1,25, а у мари - 0.7 (6, с. 226-227). Сохранились данные о физических параметрах населения МАО. Так, в 1921 г. средний рост мужчины мари составлял 163,7 см. русского - 165,4 см, среднее число рождений на одну женщину мари - 6,9 детей, а на русскую - 6,4. Последние цифры вызвали оживленную дискуссию среди участников VI областного съезда Советов (7).

Участники дискуссий тщательно изучали динамику численности марийского населения. Тревогу вызвало сокращение числа детей мари в возрасте от 1 до 14 лет с 20 тыс. чел. в 1924 г. до 18 тыс. чел. в 1926 г. Основными причинами были голод, войны, болезни (8, с. 169-192). Впрочем, аналогичный процесс наблюдался и среди лиц других национальностей МАО, также подвергшихся данным бедствиям.

Точку над "i" в данном вопросе поставила Всесоюзная перепись населения 1926 г., показавшая естественное движение населения за 1921-1927 гг. Версия о количественном вымирании марийского народа не подтвердилась (9). Так, в 1926 г. естественный прирост мари составил 5667 тыс. чел., а процент умерших к числу родившихся - 60,77 % (соответственно, у русских - 5044 тыс. чел. и 52,58; у татар - 710 чел. и 41.32 %) (10). Сокращение численности марийского населения произошло лишь в 1922 году, когда МАО поразил голод. Уменьшение же удельного веса марийцев было вызвано не его "вымиранием", а *притоком* рабочих других национальностей из иных регионов страны.

Вместе с обсуждением численности населения обсуждались качественные характеристики, в частности, здоровье мари. Явным показателем неблагополучия стало сокращение числа годных к воен-

ной службе. Например, среди призывников 1903 г. рождения годными были признаны 70 % русских и только 50 % мари (3). Впрочем, уменьшение годности призывников наблюдалось среди всех национальностей. Иного мнения придерживался В. Евгеньев, заметивший, что только регулярные обследования могут дать объективные данные, а таковых не имелось. После революции, отмечал он, состояние здоровья марийцев и годность к службе улучшились, а у русских остались на прежнем уровне или даже ухудшились. Например, если среди призывников 1874 г. были годными к военной службе 80 % русских и 76 % мари, то среди призыва 1909 г. - 57,0 % и 32,3 %; 1911 г. - 83,5 % и 12 % соответственно (в среднем - 78,7 % и 47,1 %) (4). Возможно, одной из причин данной проблемы была специфика питания. Средняя норма питания (к общему весу пищи) у мари состояла на 43,8 % из ржаного хлеба (у русских - 33,1 %), почти на четверть из картофеля, на 7,2 % (8,3 %) из мяса и на 5,0 % (13,1 %) из молока (10).

Отмечалось, что мари более беспечно и равнодушно относились к своему здоровью, реже, чем другие национальности, обращались в лечебные учреждения, несмотря на то, что до 40-45 % (в некоторых кантонах от 23 % до 80 %) мари болели трахомой. Активный участник дискуссий врач А. Спасский, помимо экономической причины трахомы (бедности), называл традиционную (нарушение антисептики при старинных обычаях) и психологическую (к этой болезни люди "привыкли") (11, с. 193-201). В итоге слепыми были каждая сотая женщина и каждый двухсотый мужчина, среди русских слепота встречалась в 5,4 раза реже (12, с. 63-64).

Культурное развитие мари находилось в прямой зависимости от экономики края. Грамотность мари в 1926 г. составляла 28 % (у русских - 45 %). Обучение крестьянских детей признавалось для знания счета денег и только при наличии избытка рабочей силы в хозяйстве. Дать образование было роскошью. Женское образование почти не признавалось: если грамотных мужчин мари насчитывалось почти 30 %, то женщин - 7 %. В 1926 г. получали образование около 5 % мари и русских, в школах работало 230 (35 %) учителей мари и 65 % русских. Причинами недостаточного уровня грамотности также назывались отсутствие национальной литературы, некомпактное размещение марийского населения; отсутствие помещений, малочисленность педагогического персонала, занятого на хозяйственных стройках, отсутствие одежды, обуви и достаточного питания.

Таким образом, дискуссии конца 1920-х гг. показали, что количественного изменения - "вымирания" - марийского населения МАО не произошло, а имелись проблемы в социальном, экономическом и

культурном развитии. Данное состояние марийского народа потребовало перестройки работы всех учреждений и хозяйственных органов в направлении дифференцирования по обслуживанию мари. При областном плановом отделе создана секция по изучению марийской экономики и культуры, на поднятие культурного уровня было выделено 35 % областного бюджета.

К сожалению, вопросы, обсуждаемые в 20-е гг., не потеряли свою актуальность и в настоящее время. С начала 90-х гг. в целом по стране, а в Республике Марий Эл особенно, произошли и количественное, и качественные изменения населения. Впервые за послевоенные годы с 1993 по 1997 гг. численность населения сократилась почти на 2 тыс. человек (13, с. 5). Уровень смертности, главным образом, среди младенцев и мужчин трудоспособного возраста, очень высок (14; 15). Если в 1990 г. годными по призыву признавались 90 % молодых людей, то в 1997 г. только 70 %. Причины кроются в социально-экономическом кризисе, который вызвал различные формы стрессового состояния, обострение хронических заболеваний (инфекции, туберкулез), болезни материнства и детства, так что, вступая в XXI век, население оказалось в сложных условиях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГА РМЭ ф. Р-250, оп. 1, д. 4, л. 82-82 об
2. Бюллетень-газета. № 38-39 1924
3. *Валь В.* К итогам проведения национальной политики // Марий Эл. 1927. № 10.
4. *Лихачев Г.* К вопросу об изучении вырождения марийского народа // Марий Эл. 1927. № 1-3.
5. *Евгеньев В.* Вырождение, вымирание или антропологическая особенность (К вопросу об изучении вырождения марийского народа) // Марий Эл. 1927. № 7-9.
6. *Петров.* Кровь и раса // Марийское хозяйство. 1927. № 7-9.
7. Бюллетень 6-го областного съезда Советов. Краснококшайск. Март. 1926.
8. *Желонкин И.* Культурное строительство в Маробласти в 1925-26 гг. и перспективы на 1926-27 гг // Марийское хозяйство. 1926 № 10.
9. Марий Эл 1930. № 9-10.
10. Статистический справочник на 1926 год Краснококшайск. 1927.
11. *Спасский А.* Трахома как экономический фактор // Марийское хозяйство. 1926. № 10-12.
12. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: ЦСУ СССР. 1928-1932. Т 38.
13. Статистический ежегодник Республики Марий Эл Ч.1. Йошкар-Ола: Госкомстат, 1998.
14. *Рассанов В.П.* Здоровье населения Республики Марий Эл: Современное состояние, проблемы и поиски путей их решений // Вавиловские чтения. Диалог наук на рубеже XX-XXI веков и глобальные проблемы современности. Материалы постоянно действующей междисциплинарной научной конференции. Йошкар-Ола, 1996
15. *Бессонова Л.* Богатыри - не мы? // Заря. 1997. 5 сентября.

Н. Токарева
Йошкар-Ола

ЛЕСНЫЕ ПРОМЫСЛЫ МАРИЙЦЕВ В ГОДЫ НЭПА

Человечество с древнейших времен и по настоящее время тесно связано с лесом. Марийский край богат лесами и вполне естественным является то, что лес в жизни марийцев играл всегда очень важную роль. К тому же земли края не отличались плодородием. И поэтому марийские крестьяне без дополнительного заработка в зимнее время не могли прожить. Поэтому кто мог, занимались лесными промыслами

В.Ф. Пашуков отмечает, что в дореволюционный период особенностью края являлось то, что были широко развиты кустарные промыслы, "главным образом по механической и химической переработке древесины" (6, с. 7).

В условиях разрухи мелкая и кустарная промышленность имела ряд преимуществ перед крупной и средней, так как не требовала сложного оборудования и привозного сырья.

Пожары 1921 года внесли изменения в развитие лесного хозяйства области. Эти пожары совпали с поразительно ранней весной и засухой. В течение пяти месяцев (с апреля по август) дождей не было совершенно и средняя температура за эти месяцы была отмечена +24. Это резкое изменение климата сопровождалось ураганами, небывалыми для Марийского края

Последующие годы - период разработки горельников. В это время развивается лесохимическое производство на основе предприятий, построенных еще до революции Одним из наиболее известных предприятий становится канифольно-скипидарный завод, выстроенный в 1914 году Перекопским товариществом, пайщиками которого были П.И. Шереметьев, С.С. Моллесон и В.В. Лемешев. В январе 1925 года этот завод под наименованием под наименованием скипидарно-канифольного завода "Коммунар" перешел в ведение Маробмежлесхоза (7, с. 50).

В июне 1926 года в городе Краснококшайске состоялось первое лесоустроительное совещание, где рассматривался отчет Марийской экспедиции, изучающей состояние марийских лесов после пожара 1921 года. В мае 1927 года состоялось второе совещание по вопросам лесоустройства. По результатам работы этих двух совещаний была составлена "Программа для составления общего плана хозяйства всего обследуемого экспедицией лесного массива Маробласти".

В частности, в данной программе отмечалось, что при слабом развитии крупной добывающей и обрабатывающей промышленности в МАО при неполной обеспеченности населения продукцией сельского хозяйства, "приобретает весьма важное значение кустарно-ремесленная промышленность в экономике области" (1, с. 50).

При правильном использовании лесного богатства крестьяне увеличили бы свои заработки. Развитие этих промыслов было необходимо также для торговли с заграницей, которая нуждалась в лесных материалах. В Марийской области имелись все благоприятные условия для развития именно лесных промыслов - богатые запасы сырья, обеспеченный сбыт продукции как на местных, так и на отдаленных рынках, профессиональные навыки населения.

Кустарная химическая переработка древесины в МАО в двадцатые годы представлена смолокурением и углежжением.

Главная масса смолокуренных установок к середине 20-х годов была сосредоточена в Моркинском кантоне. Лишь небольшая часть продукции химической переработки шла на потребление внутри области, главная же их масса отправлялась на внеобластные рынки. Скипидар транспортировался главным образом в Москву и Ленинград по железной дороге через Казань. Смола же отправлялась по реке Волге в низовые города и на Кавказ. Операции по заготовке и сбыту смолопродуктов велись в Маробласти в основном Марисельлессоюзом через объединяемые им сельскохозяйственные кредитные товарищества.

Углежжение преобладало в Звениговском кантоне, где число кустарей, занятых этим промыслом, составляло около 400 человек. Уголь кустари сбывали в Казань, где наиболее крупными покупателями были: Мыловаренный и Свечной заводы имени Вахитова, Металлотрест. По мнению начальника экспедиции Н.И. Кедрова, развитие этого промысла может быть связано с увеличением потребности в угле Уральских металлургических заводов.

В середине двадцатых годов значительное место занимает такой кустарный промысел, как заготовка сырья для изготовления телег и саней и их производство, так как без гужевого транспорта не могло обходиться сельское хозяйство того времени.

В своей книге "Подсобные лесные промыслы", изданной в Ленинграде в 1925 году, П.И. Штейнберг отмечает, что "в СССР требуется ежегодно 500 млн. пар лаптей" (9, с. 14), поэтому этот промысел был также важен для марийского крестьянина. Но необходимо отметить, что лапти плелись в основном только для своих нужд. В двадцатые годы также ежегодно используется большое количество корзин: для личного использования, в сельскохозяйственном производ-

стве, на заводах. Ивовая кора использовалась для дубления кожевенного товара. Поэтому добывание ивовых прутьев и выделка корзин приносили кустарям, занимающимся этим промыслом, значительный доход.

В данной работе дан лишь краткий обзор основных лесных промыслов, которыми занималось население Марийской области в двадцатые годы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Журнал 2-го совещания по вопросам лесоустройства МАО, произведенного Марийской экспедицией в 1926-27 гг.

2. *Заря И.* Лесное хозяйство № 1-2. Краснококшайск, 1926.

3. Наш край. Хрестоматия по истории Марийской АССР. 1917-1984 гг. Йошкар-Ола. 1985.

4. Общий план хозяйства Марийского лесного массива по работе Марэкспедиции 1927-28 гг.

5. *Патрушев А.С.* Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола, 1974.

6. *Пашков В.Ф.* Марийский край в годы гражданской войны. Йошкар-Ола, 1965.

7. *Тресцов Б.И.* Марийский лес. Йошкар-Ола, 1997.

8. *Шлыков Д.Н.* Очерки лесного хозяйства Марийской области. Краснококшайск, 1927.

9. *Штейнберг П.И.* Подсобные лесные промыслы. Ленинград, 1925.

Л. Токарева
Йошкар-Ола

МАРИЙСКАЯ ШКОЛА В 20-е ГОДЫ

В развитии марийской школы в 20-е годы можно выделить множество аспектов. Мы рассмотрим один из них - это процесс становления школьного образования на родном языке, как наиболее важного условия и предпосылки для развития марийской национальной культуры.

По уровню цивилизационного развития Марийский край отставал от центральной России. По переписи 1897 года среди марийского населения грамотность мужчин была 16 процентов, женщин - 2 процента (1, с. 109). Круг людей, получивших начальное образование, был чрезвычайно узкий.

В 1920 году марийский народ получил собственное государственное образование, была провозглашена Марийская автономная область. Этот факт оказал большое влияние на пробуждение национального самосознания.

Существовавшая на начальном этапе советской власти поддержка национальных культур, а также стремление опираться на национальные кадры (политика коренизации) способствовали культурному развитию марийской нации.

В 20-е-30-е годы была заново создана и сформирована развитая для того времени материальная база культуры. В основном была ликвидирована неграмотность взрослого населения.

Начальный период создания и развития марийской национальной школы характеризовался крайне низким уровнем, так как то, что имелось, пришло в упадок в годы мировой и гражданской войн. Еще больше усугубилось положение в голодные годы. Так, в результате голода 1921-1922 годов сеть школ первой ступени сократилась на 50,5 процента, школ второй ступени – на 60,6 процента. Таким образом, голод вызвал задержку в развитии системы образования марийцев. Вместе с тем сказывались территориальная разобщенность марийского народа, отсутствие кадров, издательской базы, учебной литературы, неразвитость общественных функций марийского языка.

Отсюда ясно, что среди главных и принципиальных вопросов в деятельности органов народного образования был вопрос о месте и функциональной роли марийского языка применительно к школе.

Борьба за признание родного языка наряду с русским началась сразу после февральской революции 1917 года.

Летом и осенью 1917 года проходят съезды мари. На повестке дня стояли вопросы родного языка. 15-20 июля 1917 года в Бирске состоялся Всероссийский съезд мари, он выступил за то, чтобы признать марийский язык официальным языком, на котором должно осуществляться все управление в крае. Подобные резолюции были приняты также съездами мари, состоявшимися в городах Яранске и Кукарке (ныне Советск). Резолюция Кукарского съезда требовала введения марийского языка в школьное обучение.

В резолюции Десятого съезда РКП(б) по национальному вопросу были сформулированы задачи партии в борьбе за уничтожение фактического национального неравенства народов Советской России.

Руководствуясь этими решениями, 28 ноября 1921 года Президиум Мароблисполкома вынес специальное постановление по вопросам языкового строительства - ввести в употребление марийский

язык во всех государственных учреждениях и предприятиях области наравне с русским (2).

23 ноября 1923 г. Президиум облисполкома объявил марийский язык наряду с русским официальным языком в пределах Марийской области. Все служащие учреждений должны были изучать марийский язык на курсах. Также на пленуме областного исполкома было принято решение:

- о введении в смешанных школах, во всех школах второй ступени, педагогических и сельскохозяйственных техникумах обязательного изучения марийского языка;

- при направлении молодежи в вузы отдавать предпочтение лицам, знающим марийский язык (3, с. 25).

В 1918 году в Краснококшайском, Козьмодемьянском, Уржумском уездах насчитывалось 257 марийских школ (4, с. 31). В 1920 году была открыта первая средняя школа для мари в Старом Торъяле. Рост числа школ и учащихся носил стихийный характер.

Постоянный рост количества и качества школ начинается только с 1924-1925 учебного года.

В 1925-1926 учебном году из 360 школ первой ступени марийских было 79, русских - 142, смешанных - 127, прочих – 12 (5, с. 196). Уровень охвата школьным образованием всех детей школьного возраста составил 51,6 процента. Для марийцев этот показатель находился на уровне 47,6 процента и возрос к 1927-1928 учебному году до 57 процентов. Конец 20-х-начало 30-х был отмечен значительным прогрессом в развитии марийской национальной школы: число марийских начальных школ возросло от 156 в 1928-1929 учебном году до 331 - в 1932-1933-м. В 1933 году в МАО 99 процентов детей в возрасте от 8 до 12 лет ходили в школу (6, с. 210).

В 1925-26 учебном году существовало 5 неполных марийских школ, их число в 1937 году возросло до 58. Марийских средних школ совсем не было.

Роль родного языка в школе значительно возросла с середины 20-х годов в ходе осуществления на государственном уровне национально-языковой политики, получившей название "реализация марийского языка".

27 марта 1924 года Совет национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР утвердил циркуляр "Всем губернским и областным ОНО. Совнацменам и уполномоченным по просвещению нацмен", где, подтвердив свои циркуляры от 15 декабря 1922 года и 31 июля 1923 года о переводе школ нацмен на родной язык, предписал разработать и представить планы перевода школ на родной язык. Было также указано: "Принять все необходимые меры к немедленному пе-

реводу в школах первой ступени с преобладающим количеством детей "нацмен" преподавания на родном языке.. ." (7, с. 122). В школах второй ступени в качестве обязательного предмета должны преподаваться родной язык, литература и культура (краеведение).

8 августа 1924 года при облисполкоме была учреждена специальная комиссия с названием "Комиссия по реализации марийского языка (КМЯ)". В состав комиссии вошли: Эшкинин (председатель), Андреев, Мендияров, Медведев, Игнатьев. В конце 20-х комиссия была ликвидирована (функции комиссии переходят к МарНИИ).

В 1924 году по распоряжению областного исполкома ОБЛОНО в своем составе создал Научно-методическое бюро (НМБ). Оно занималось вопросами изучения и развития марийского языка, а также всеми вопросами методического обеспечения школьного преподавания, особенно подготовкой учебников Методическая помощь приобрела планомерный характер.

Первую совершенную программу для школ первой ступени составил В.М. Васильев - ученый-филолог, этнограф, фольклорист. В 1928 -1929 годы В.Т. Соколовым были выпущены две программы по марийскому языку для начальной школы.

В конце 20-х годов стоял вопрос о переводе учебной работы начальных школ на родной язык. Но для этого нужны были соответствующие кадры. Поэтому с 1 июня по 1 июля 1927 года в Козьмодемьянске проходит конференция по переподготовке марийских учителей. Организатором конференции был Наркомпрос РСФСР.

Таким образом, в 20-30-е годы большинство детей в начальных школах обучалось на родном языке. Поэтому можно говорить о создании марийской национальной школы в 20-е годы. После 1937 года ее функционирование было ограничено. Но марийская начальная школа оборонялась. Последний удар был нанесен хрущевской реформой в 50-60-е годы, когда все преподавание, начиная с 1 класса, было переведено на русский язык.

В настоящее время, когда разработана и должна реализоваться программа "национальная школа", опыт 20-х годов может быть использован в деле возрождения марийской национальной школы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Марийская АССР за 50 лет. Статистический сборник. Йошкар-Ола, 1970.
2. Йошкар-кече. 1921, 4 декабря.
3. *Пайманов А.С.* Развитие школы в МАССР. Йошкар-Ола, 1970.
4. *Гусев К.П.* Из истории марийской советской культуры // Ученые записки Московского ун-та. № 229.

5. *Садов Н.Н.* Развитие народного образования в Марийской АССР (1917-1941 гг.) // Из истории Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1957.
6. Очерки истории Марийской АССР (1917-1960 гг.). Йошкар-Ола, 1960.
7. *Кузнецова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф.* В начале пути: Очерки истории становления и развития Коми автономии. Сыктывкар, 1996.

Е. Черных
Ижевск

КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС АРГЫЖСКОГО ГОРОДИЩА НА РЕКЕ ВЯТКЕ

Повседневную жизнь обществ первобытности невозможно представить без различного рода действий (обрядов и ритуалов), посредством которых достигалось обращение к помощи сверхъестественных сил. Изучение религиозных представлений населения Волго-Камья эпохи железа дает основание говорить о разнообразии тех мест, где производилось почитание божеств (или духов), где произносились молитвы и приносились жертвы. Это были специально отведенные для таких целей места - пещеры, холмы, костища, рощи. Своеобразным средоточием артефактов, позволяющих судить о культовой стороне жизни древнего населения, являются могильники, поскольку погребальный обряд предполагает целый комплекс ритуальных действий.

В этом отношении вятскому варианту ананьинской культурной общности, где погребальные памятники до сих пор не известны, можно сказать, не повезло. В то же время еще А.В. Збруева в своем обобщающем труде по ананьинским древностям предполагала наличие на вятских городищах (Пижемское, Аргыжское) жертвенных комплексов. Но лишь в последние годы раскопки этих городищ, предпринятые широкими площадями, позволили выявить достоверные следы религиозно-культовой деятельности как ананьинского, так, возможно, и более позднего населения.

В течение 1988-89 гг. на Аргыжском городище (левый берег Вятки) была вскрыта почти вся площадка. Следует отметить крайне плохую сохранность как самой площадки, на которой были устроены ямы для обжига кирпича и брался грунт на огороды жителей ближайшей деревни, так и культурного слоя, во многих местах уничтоженного скотомогильником. Городище неоднократно исследовалось прежде, главным образом, посредством многочисленных шурфов и

траншей. На площади в 1305 кв.м изучены жилые и хозяйственные сооружения, а также несколько погребений и клад середины I тыс. н.э.

С нижним горизонтом отложений раннеананьинского времени соотносятся три полностью изученных жилых постройки, одно неотапливаемое сооружение (возможно, хлев), производственная мастерская и еще одна постройка, которая являлась объектом изучения в контексте обозначенной выше темы. Определение назначения данной постройки как культурной вытекает из некоторых деталей устройства и характера находок, отличающих ее среди остальных сооружений поселка. В отличие от жилищ, размеры которых составляли около 100 кв.м, площадь культового сооружения 52,2 кв.м. Заметно отличалось оно и внутренним устройством. Следует отметить наличие 2-х выходов в противоположных торцовых стенах. В центре помещения, ближе к одной из длинных стен, размещалось кострище, от которого сохранилось лишь пятно прокаленного грунта толщиной 18 см и размерами 163 х 50 см. Никаких кухонных отбросов, обычных в очагах ананьинских жилищ, здесь не было. Зато юго-восточная половина помещения была буквально переполнена следами человеческой деятельности явно специфической направленности. Очевидно, на нее приходилась основная нагрузка во время ритуальных церемоний. По всей длине помещения была прорезана канава шириной 0,5-1,3 м, заполненная зольно-углистым слоем, насыщенным мелкой известняковой крошкой, кусочками сырых и пережженных костей, керамики. К востоку от канавы фиксировались следы вкопанного массивного столба диаметром 60 см; еще 2 столба меньшего диаметра (45 см) были вкопаны на дне канавы. Вблизи ям обнаружено скопление лежавших грудой человеческих костей, частично обожженных. Останки принадлежали трем мужчинам, женщине и ребенку (определение выполнено Г.В. Рыкушиной).

Это не первая находка следов человеческих жертвоприношений на памятниках Волго-Камья. Известно, к примеру, захоронение 19 человек в нише жилища 1 Луговской I стоянки предананьинского времени. Но, пожалуй, большую близость обнаруживают следы ритуалов с человеческими жертвоприношениями на Гремячанском святилище в Среднем Прикамье (раскопки А.Д. Вечтомова, В.А. Оборина, А.Ф. Мельничука). Кстати, здесь основным ритуальным объектом также были канавообразные углубления, заполненные зольниками, прокалами, вымостками из камней. Единый комплекс с ними составили захоронения людей, как правило, безынвентарные, со следами обжига, датируемые позднеананьинским временем. Аналогичные захоронения отмечаются исследователями и на некоторых посе-

лениях других регионов ананьинского ареала (городища Охлебининское, Грохань, Конецгорское селище).

Находки на Аргыжском городище любопытны тем, что здесь мы имеем дело, во-первых, со специальной постройкой, занимавшей центральное место на территории родового поселка. Во-вторых, культовые постройки на поселениях Приуралья - явление пока достаточно редкое. Можно назвать находки подобных сооружений на поломских поселениях в бассейне р. Чепцы (раскопки В.А. Семенова), круглоплановые постройки, изученные Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго на неволинских поселениях, а также сооружение на Искорском городище родановской культуры, исследованное В.А. Обориным. Аргыжская постройка в этом ряду представляет, таким образом, самое раннее звено.

Н. Шапиева
Йошкар-Ола

ВОСТОЧНЫЕ МАРИЙЦЫ: ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Под восточными марийцами ученые понимают довольно крупную этноязыковую группу марийского населения, живущую за пределами Республики Марий Эл к востоку от реки Вятки, в районах Прикамья и Приуралья. Преобладающая часть их сосредоточена в Башкортостане, Татарстане, Свердловской и Пермской областях, Удмуртии и в юго-восточных районах Кировской области.

Переселение марийцев в Вятско-Камское междуречье происходило в несколько этапов. По мнению исследователей Г.А. Сепеева, Г.Н. Айплатова, Н.И. Исанбаева (1, с. 26-27; 2, с. 143; 3, с. 88), освоение Закамской территории началось еще до присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству. Но миграция основной массы марийцев на восток осуществлялась во второй половине XVI - середине XVIII вв. Со второй половины XVIII в. вольная марийская колонизация ослабевает. В XIX в. уход населения Марийского края на восток значительно сократился.

Одновременно с марийцами в рассматриваемые районы переселялись представители других народов Среднего Поволжья - татары, чуваши, удмурты, мордва, а также русские крестьяне. Восточные марийцы с самого начала переселения на новую территорию жили в ближайшем соседстве с этими народами и башкирами.

В этнической истории восточных марийцев, на наш взгляд, можно условно выделить ряд этапов, в которых прослеживаются новые тенденции в развитии народа, связанные с изменением социально-экономических и политических отношений в обществе: дореволюционный (до 1917 г.); 1917 - середина 1930-х гг.; вторая половина 1930-х - середина 1980-х гг.; вторая половина 1980-х - 1990-е гг.

У восточных марийцев сложились мирные, добрососедские отношения и тесное взаимное сотрудничество с окружающими их иноязычными народами. Они сохранили свой язык, многие элементы культуры и быта своего народа, продолжали заниматься традиционными видами хозяйственной деятельности, соблюдать обычаи, традиции своих предков. Но в то же время в процессе культурно-экономического взаимодействия некоторые элементы культуры окружающих народов проникли в их материальную и духовную культуру. Происходило также и взаимодействие между языками. В процессе продолжительных контактов между разноязычными народами происходило и частичное этническое смешение. Несмотря на немалое влияние иноязычных народов, восточные марийцы, тем не менее, сохранили свою культуру, свой национальный облик, самосознание. События начала XX века и, прежде всего, три революции привели к возникновению марийского национального движения, выступавшего за национальное возрождение родного народа на началах самоопределения и автономии. Организационной формой национального движения стали возникшие весной 1917 г. в ряде мест (Уфе, Бирске) "Мари Ушемы" (Общество мари). На состоявшихся в 1917-1918 гг. съездах марийского народа (I и II Всероссийские съезды мари, областной съезд мари) была выдвинута идея марийской этнокультурной автономии.

С приходом к власти большевиков в октябре 1917 г., упрочением Советской власти на местах руководящее положение в марийском национальном движении заняли сторонники Советской власти. В центральных, губернских, уездных партийных и советских органах были созданы отделы, секции мари для проведения политической и культурно-просветительской работы в массах. Через эти органы в регионах с компактным марийским населением началась реализация программы культурно-национальной автономии. Это позволило в определенной мере наладить работу школ, культурно-просветительных организаций, периодической печати, издательского дела на марийском языке. В школах было введено преподавание марийского языка, налажено издание книг, газет на марийском языке ("Совет умланларымаш", "Тул", "Ленин корно" и др.). Широко практиковались внеконкурсные приемы марийской молодежи в высшие учеб-

ные заведения, для подготовки учителей марийских школ были открыты Николо-Березовский, Красноуфимский педтехникумы. В местах компактного проживания мари создавались марийские районы, сельские советы, которые фактически представляли собой форму территориальной национальной автономии в рамках соответствующих губерний, областей. Марийские национально-культурные организации тесно взаимодействовали на этом этапе с органами власти Марийской автономной области. Но уже с начала 30-х годов началось свертывание работы национально-культурных организаций за пределами Марийской области.

30-80-е годы - это время утверждения в СССР тоталитарной системы, время репрессий. Это также время строительства "коммунистического общества" и затем совершенствования "развитого социализма". Репрессии коснулись также цвета восточно-марийской диаспоры. В 1937 г. на территории Башкирии была вскрыта и ликвидирована так называемая антисоветская, буржуазно-националистическая, повстанческая марийская организация, возглавляемая бывшим зав. отделом национальных меньшинств Башкирского облисполкома В.И. Юзеевым, писателями Н.И. Тишиным, П.И. Вавиловым-Монарном. Число жертв репрессий огромно. Из 7 тыс. репрессированных, имена которых включены в I том "Книги памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан" (Уфа, 1997), - 280 были марийцами (4). На данном этапе сократилось количество марийских школ в местах компактного проживания, прекратилась деятельность национальных отделов при центральных, республиканских, областных партийных и советских органах, сократился выпуск периодических изданий и книг на марийском языке. Ослабли культурные связи восточных марийцев с органами и учреждениями культуры и образования Марийской АССР. Идеи национального возрождения и движения были в корне подавлены.

После смерти Сталина, с началом "оттепели" не произошло заметных сдвигов в развитии культуры народов, проживающих за пределами обитания основной массы этноса. Без сомнения, умалению национально-культурного фактора способствовал стратегический курс КПСС на построение коммунистического общества, затем совершенствование "развитого социализма", на сближение наций и народностей СССР, на формирование "единого советского народа".

Пренебрежение вопросами национально-культурного развития народов привело ко многим негативным явлениям и, прежде всего, к ассимиляции с окружающим иноязычным населением.

Новый этап в развитии народов связан с началом демократизации и перестройки в 1985 г. В условиях нарастания кризиса нацио-

нальной политики происходило формирование национальных движений Свидетельством начала пробуждения среди марийского населения стало создание различных объединений, клубов, центров, возрождение демократического общественного движения "Марий ушем". В конце 1988 г. в Уфе был создан Уфимский клуб марийской культуры. По его инициативе 8 июля 1989 г. на республиканском совещании марийской общественности в Уфе было создано Марийское общество, которое разработало программу возрождения и развития марийского населения Башкортостана. С июня 1991 г. марийское общественное движение существовало как Марийский общественный центр Республики Башкортостан, а с октября 1994 г. - как Марийское общественное движение "Марий ушем". В республике немало сделано для национально-культурного развития мари. На марийском языке выходят газета "Чолман" с 1991 г., две районные газеты, в 196 школах изучается марийский язык, в 1994 г. открыто марийское отделение в Бирском пединституте, увеличились теле- и радиопередачи на марийском языке(5). Ежегодно с 1993 г. проводится республиканский фестиваль марийского народного творчества "Мурпеледыш" (Песенный цветок). В целях поддержки инициатив по сохранению и подъему культуры марийского народа администрациями Калтасинского и Мишкинского районов, Марийским общественным движением "Марий ушем" в январе 1998 г. учреждена премия им. Я. Ялкайна в области литературы, культуры, науки, образования и искусства (6).

В решении проблем культурно-духовного развития восточных марийцев важную роль играют государственные связи между Республикой Башкортостан и Республикой Марий Эл. Эти связи становятся прочными. Республику Башкортостан, где проживают более 106 тыс. марийцев, регулярно посещают правительственные делегации РМЭ. Во время их встреч с руководством Башкортостана ведутся консультации по экономическим, социальным и культурным проблемам, принимаются соответствующие документы по этим вопросам.

27 октября 1998 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Башкортостан и Республикой Марий Эл и Договор о дружбе и сотрудничестве между Мишкинским и Моркинским районами. Подписанные документы откроют новую страницу в отношениях двух республик и будут способствовать дальнейшему национально-культурному возрождению марийского населения Башкортостана.

В республике в настоящее время ведется при активном участии общественности, в том числе представителей общественного движе-

ния "Марий ушем", подготовка программы "Народы Башкирии", которая должна стать основой национальной политики республики Башкортостан в XXI в. В программке будут обозначены конкретные направления деятельности государственных органов по сохранению историко-культурного наследия и развитию современной духовной жизни народов Башкирии, в том числе и марийского народа. Принятие и реализация этой программы станет новым этапом в национально-культурном развитии марийского населения Республики Башкортостан.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Сепеев Г.А.* Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (сер. XIX - нач. XX вв.). Йошкар-Ола, 1975.

2. *Айплатов Г.Н.* Расселение марийцев во второй половине XVI - начале XVII вв. // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.

3. *Исанбаев Н.И.* Межэтнические связи восточных марийцев // Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола, 1988.

4. Чолман. 1998. 7-13 октября.

5. Чолман. 1998. 29 апреля - 5 мая.

6. Чолман. 1998. 28 января - 3 февраля.

В. Яковлева
Йошкар-Ола

МЕЩЕРА В ИСТОЧНИКЕ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА
(к вопросу о расселении)

Финно-угорский мир в прошлом был представлен значительно большим числом этносов, чем в настоящее время. В ходе сложных процессов, вызванных перемещениями обитавших на Восточно-Европейской равнине племен и народностей, многие из финноязычных этнических образований оказались ассимилированными, исчезли с лица земли. Процесс, по всей вероятности, неизбежный, что не избавляет от необходимости изучения судеб этих народов, хода ассимиляции, его особенностей.

Между тем в литературе по финно-угорской проблематике тема исчезнувших племен и народностей занимает незначительное место. При общей слабости внимания к этим этническим образованиям особо выделяется проблема мещеры. "Народ-загадка" - такой подзаголовок дал очерку о мещере известный специалист по финно-

угорской археологии Е.А. Рябинин (1). "Относительно слабая изученность мещерских археологических памятников, ограниченное количество данных других источников, - подчеркивается в работе другого археолога – А.В. Гадло, - вынуждали некоторых исследователей сомневаться в реальности существования обособленной мещерской этнической группы" (2, с. 53). Даже в специальном справочнике по истории, культуре и языку финно-угорского мира, выпущенном в 1996 г., есть сведения о мере и муроме, чуди и веси, но мещера не упоминается (3, с. 131).

Важнейшим вопросом при изучении любого этноса является определение территории ее проживания. Между тем "из-за малочисленности материала и территориальной разбросанности трудно определить точную границу проживания мещеры" (4, с. 38; 5, с. 92). Однако необходимо подчеркнуть, что возможность расширения материала о мещере, в первую очередь археологического, неразрывно связана с выяснением территории ее расселения. Зоной расселения мещеры считается междуречье Клязьмы, Москвы и средней Оки, то есть Мещерская низменность (1, с. 97; 5, с. 92).

В литературе подчеркивается необходимость разграничивать Мещеру как политико-географическое понятие от территории обитания мещеры. Так, Е.А Рябинин в пределы Мещеры как политико-географического понятия включает "не только левобережье Оки, но и бассейн правого притока Оки р. Мокши", указывая, что бассейн Мокши был заселен "мордвой и, частично, тюркоязычными мишарями (мещерой)"(1, с. 99) - подчеркивая, таким образом, что под "мещерой" правобережья Оки следует видеть мишарей. Мнение о том, что при всей неопределенности границ расселения мещеры они не выходили за пределы левобережья Оки, является установившимся в литературе. Однако недавно впервые увидевшее свет исследование М.К. Любавского убеждает, что этот ученый придерживался иной точки зрения. Он полагал, что нижнее течение Мокши и ее притока Цны были заселены мещерой. По его мнению, "Мещерский край сохранял свою инородческую физиономию даже во второй половине XVII в., и только в XVIII и XIX вв. произошло его обрусение (в конце XIX в. только четыре селения мещеры в Спасском уезде Тамбовской губернии говорили по-мордовски)"(6, с. 137).

Таким образом, по сведениям М.К. Любавского, в конце XIX в. еще существовали последние селения мещеры, хотя и говорившей почему-то на мордовском языке. Возможно, сохранив существенные черты своего этноса, эти представители мещеры уже утратили свой язык. Однако контекст высказывания заключается в том, что в процессе обрусения только эти четыре селения не перешли на русский

язык. Здесь возможны два объяснения: первое - еще ранее под мордовским влиянием мещера перешла на мордовский язык, второе - мордовской речь мещеры названа вследствие близости языков.

Знаменательно, что Спасский уезд Тамбовской губернии находился в правобережье Оки, в области низовьев р. Мокша и ее притока Цны.

Именно в Спасском уезде Тамбовской губернии встретилась нам мещера и в источнике середины XIX в. - в "экономических примечаниях", возникших в ходе работ по исправлению губернских атласов под руководством А.И. Менде. В описаниях так называемых дач № 21 и 22 национальность населения определена следующим образом: "Крестьяне русские - мещера, исповедающие православную веру" (7, л. 66, 63 об). О населении дач № 3 и 20 сказано: "Крестьяне мещера православного исповедания", "крестьяне мещера - православные" (7, л. 69,68). Возможно, слово "русские" должно было подчеркнуть большую степень ассимиляции мещеры в селениях этих дач, в которых в 1175 дворах проживало 4356 душ мужского и 4388 душ женского пола по IX ревизии 1850 г. В двух других дачах было 538 дворов с 2142 душами мужского пола и 2253 душами женского пола (7, л. 63 об, 66, 68, 69).

Приведенные данные позволяют предположить, что мещера обитала не только на левой стороне Оки, но и на правобережной стороне. В то же время они недостаточны для каких-либо предположений относительно времени появления здесь мещеры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Рябинин Е.А.* Мещера // Природа. 1995. № 3.

2. *Гадло А.В.* Восточные славяне. Русь и неславянские племена Восточной Европы // Советская историография Киевской Руси. Л.,1978.

3. Финно-угорский мир (справочник по истории, культуре и языку). Будапешт; М., 1996.

4. *Архипов Г.А.* Этногенез финно-угорских народов Поволжья: Современное состояние проблемы и задачи изучения // Финно-угроведение. 1995. № 1.

5. Археология СССР: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

6. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

7. РГАДА. ф. 1357, оп. 1, д. 260.

"Финно-угроведение" 1999, № 2-3.

ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

З. Артюшкина
Йошкар-Ола

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ И ЦВЕТОСИМВОЛИКА МАРИЙСКОЙ ВЫШИВКИ

Вплоть до недавнего времени в публицистической и даже в научной литературе настойчиво проводилась мысль, что у марийского народа не было никакого прошлого, что он не имел ни письменности, ни искусства, ни литературы и прозябал в беспросветной тьме.

В действительности же это, конечно, не так. Как и всякий другой народ, марийцы имели свою самобытную культуру. История ее уходит своими корнями в глубь веков.

Многое не дошло до нас, но народ сумел сберечь свой язык, песни, сказки, легенды и, конечно же, народный костюм.

Красив, богат, оригинален народный костюм у марийцев. Оформившись в глубокой древности, он на протяжении веков обогащался и видоизменялся, отвечая эстетическим вкусам и практической целесообразности. Особенно красив женский костюм.

Тема "Марийский народный костюм" включена в программу курса "История и культура народов". На уроках учителю необходимо раскрыть эту тему, охарактеризовать этапы создания костюма, особенности его, использование цвета. Особое место в цветосимволике марийского костюма занимает белый цвет.

Ош марий - белый мари! Так называли себя марийцы, прославляя белизну традиционной одежды.

Если рубаха, то непременно белая. И войлок на шляпу - белый, сукно на кафтан из белой овечьей шерсти. Недаром у марийцев существует пословица: Волгыдо мланде - *ош* вынер (Светлый мир - как *белый* холст). Белизна холста олицетворяла все чистое, светлое, благородное на земле. Совершая свои языческие обряды в мольбищах, марийцы надевали белую одежду, показывая этим чистоту своих по-

мыслов, благородство души, ожидая от Верховного Бога, окружающей природы блага для себя, своей семьи. Природа для марийца - его дом, его материальное и душевное богатство. Не это ли пример для подрастающего поколения в наше непростое время? Лишь с чистой душой и добрыми помыслами, в согласии с природой учили жить нас наши предки.

Примеры подобного использования *белого* цвета можно встретить и в произведениях устного народного творчества. Например, в известной марийской сказке молодой парень Тойдемар влюбляется в девушку, которая превратилась в нее из Белой Лебедушки. Но злая мачеха невзлюбила ее, и молодая невестка становится Белой Лебёдушкой, превращает в Белого Лебедя и своего мужа. Мачеха умирает, а отец заболевает, не встает с постели. И тут помогает ему Белая Лебедушка. Она дает отцу белую лебединую одежду, приглашает улететь вместе. Благодаря белой лебединой одежде, отец обретает здоровье и счастье.

Лебедь, гуси, то есть водоплавающая птица, священны для марийца, наверное, оттого, что они белые.

Если посмотреть на марийский народный костюм, в частности, на женскую рубаху, то мы увидим, что украшены вышивкой только край подола, рукава, грудной разрез. Остальное - чистое белое пространство. Это не случайно. Рубаха для марийца - это целый мир. В ней он видел три мира, связанные между собой, в которых человек обязательно побывает. Это нижний мир - украшенный вышивкой край подола платья, средний и верхний мир.

Необходимым элементом марийского народного костюма является вышивка. Она имела различные функции: практическую - служила оберегом от нечистых сил, эстетическую - придавала красоту костюму. Вышивка на рубахе оберегала все самые жизненно важные участки тела женщины. Нижний крайний узор (подол) очень плотный. Вышивка на подоле защищала от проникновения нечистой силы. Средний мир - верхняя кромка подола, это земная жизнь. Узоры на груди, на плечах - верхний мир.

Богатая окружающая природа предоставляла обильный материал для творчества. На снежно-белом холсте в руках искусных мастериц оживали деревья, цветы, птицы, животные и, конечно, рядом с ними - человек. Но каждый из вышеназванного мира имеет свой цвет в вышивке, свою символику. И темноту этого мира подчеркивают более темные оттенки красного цвета и черный цвет. Черный цвет всегда несет в себе печаль.

Красный цвет - цвет добра, жизни, огня, солнца. Поэтому мы его видим больше в вышивке среднего и верхнего мира, в них пред-

ставлены животный, растительный мир и небесные светила, перед которыми марийцы всегда преклонялись, считались с ними.

В некоторой мере использовались и зелёный, желтый цвета, символизирующие связь марийца с зелёными лесами, цветущими лугами, полями спелой ржи.

Интересны в цветовом отношении горномарийские тканые наплечники и пояса. В них - радуга. Этим марийка показывала умение видеть красоту окружающей природы, свое внутреннее душевное богатство.

Таким образом, на примере одного марийского платья мы увидели душу народа, его стремление видеть красоту окружающего мира и перенести её на обычное полотно и запечатлеть это для будущих поколений.

К сожалению, традиции народного костюма в настоящее время нарушаются. Костюм марийки видоизменяется. Вместо традиционной вышивки по счёту нитей появляется заимствованная русская гладь. Конечно, это хорошо, что происходит обогащение культуры вышивки гладью. Но забывать традиционную вышивку, в которой совершенная гармония цветов, соответствие размеров орнамента, расположение их в костюме - непозволительная потеря. В современных костюмах, вышитых гладью, теряется традиционная цветосимволика, не радует глаз и чрезмерное увлечение размерами, месторасположением и густотой рисунков.

Ещё одна важная деталь сохранения традиций костюма - наличие головного убора. Костюм не завершен, если нет головного убора, будь то сорока, шымакш, шарпан, платок. В последнее время наблюдается тенденция снятия их при показе традиционного костюма. Это недопустимо. Головной убор - оберег головы.

Таким образом, марийский традиционный костюм имел свои традиции. В них выражаются мироощущение, миропонимание, ярко отражается высоко эстетичное художественное видение марийского народа. Марийская вышивка, костюм - это настоящие произведения искусства. Так, на Всемирной Колумбовской выставке в 1892 г. вышитые марийские изделия были удостоены диплома 2-й степени.

Донести эти ценные сведения до подрастающего поколения - задача школы. Не знать творений древних - не познать красоты, духовности народа. И в XXI век нужно вступить нам духовно обогащенными, глубоко знающими историю, культуру своего народа - наши истоки.

Г. Бояринова
Йошкар-Ола

НЕСЛОВЕСНЫЕ СРЕДСТВА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ДРАМЕ К. КОРШУНОВА "КОРНЫЕҤ" ("ПУТНИК")

Для воплощения своего художественного замысла, создания словесных картин и образов писатель использует слово со всеми его неисчерпаемыми выразительными возможностями.

Слово в драме обладает образно-действенной силой, оно порождается необходимостью действия и выражает действие - внутреннее и внешнее. Содержательная и точная реплика пробуждает не только мысль и эмоцию, но делает также зримым образ и поведение героя.

Умение точно и образно воссоздать художественный тип при помощи его речи - высокое мастерство. Отсутствие в пьесе описаний и авторских пояснений, невозможность самому драматургу прокомментировать поступки действующих лиц воздвигают дополнительные трудности на пути создания зримого образа героя. Но если пластичность и жизненная логика характера достигнуты, тогда и читатель без особых усилий может сам вторично воссоздать в своем воображении этот образ, восполнив пропущенные описательные и поясняющие элементы. В этом состоит трудное искусство лепки драматических характеров посредством речи. В драме каждое слово наполнено особым смыслом и заряжено внутренним действием.

Слово в драме особенно емко, и это обусловлено прежде всего связью с действием, которое в немалой степени предопределяет не только выбор ко и пропуск слов, конструкцию фразы говорящего, расстановку в ней знаков препинания, молчание вместо слова и все остальное, чем характерна драматическая речь.

Способность вызывать желаемые чувства, ассоциации, обобщения - особое качество драматического письма. Драматург не выговаривает всего того, что хотел бы и считает необходимым сказать в пьесе. Прямое преподнесение в словах самих персонажей вредит художественности. Писатель больше сосредоточен в том идейно-психологическом центре, из которого возникает драматическая коллизия, приковывает внимание к внутреннему миру героя, его больше интересует раскрытие внутреннего действия.

Несловесные изобразительные средства, экономные и яркие в драме, играют не менее важную роль, чем речь героев.

Среди неязыковых средств изобразительности особенно выделяется ремарка. Ремарки Коршунова отличаются "неклассичностью". Конкретного и скупого описания места и времени действия в драме "Корнысн" не встретишь. Описательные ремарки задают тон действию, определяют его настроение, темп, ритм, психологическую окрашенность.

Описывая место действия в 1-ой картине, драматург говорит о живописном уголке, на берегу большого озера, сливающегося с могучей Волгой. И это не случайно. Образ Волги-реки будет упомянут автором не раз в драме. Это образ-символ. Жизнь - река порой бурная, кипучая, иногда тихая, спокойная. О ней говорят и герои драмы. Первый же монолог Валентины - монолог-обращение к реке: "О Волга-река, широкая река, чувствуешь ли ты девичье сердце? Хочется петь и плакать, а сердце, словно птичка, высоко в полете. О Волга-река, широкая река, почему ты кажешься печальной? Может, ты чувствуешь мою душу, хочешь что-то подсказать?"

Уже с первых реплик героини читатель чувствует лирическую взволнованность, романтическую настроенность, ведь Валентина перед большим жизненным выбором: "Хочется босиком пробежаться по Волге-матушке далеко-далеко!"

Евгению река представляется чуть иной: "Какая тишина, покой. Может, Феля, мы прячемся от красоты. Посмотри, вода на Волге как расплавленное серебро, небо и река, сливаясь, поют песню! Слышишь? А воздух, стоит подать звук - прозвучит симфония".

Он философ-романтик, тонко чувствующий красоту мира. Лишь в природе он находит тишину и покой. Об этом герой давно мечтал.

Евгений и Валентина еще не знакомы, но уже чувствуется перекличка их сердец.

Во 2-й картине драмы Валентина первая распахивает свою душу, признается в своих чувствах, не прося взамен ничего. Именно тогда Волга притягивает ее к себе, там она и находит понимание. На сей раз, светлая просторная река олицетворяет ожидание большой любви.

В описательной ремарке к 3-й картине Волга видна через большое светлое окно, автор также акцентирует внимание на двух берегах реки. Сама картина подводит к кульминации драмы. Река представляется теперь в ином ракурсе: два берега, две судьбы в одном.

Валентина и Евгений любят друг друга. Сама героиня чиста как ангел, она полна светлых чувств. Не надо лишних слов, объяснений. И только лишь могучая светлая Волга способна понять ее, и именно

туда стремится героиня: "Пошли на Волгу! Широкая, бескрайняя, добрая Волга ждет нас!" Ее открытость, чистота, свет, исходящий от нее, просят правды, вызывают на откровенный разговор Евгения. Да, Валентина стала для него большой поддержкой, она подарила надежду, радость, веру в жизнь, справедливость. Евгений говорит: "Я снова вернулся к жизни, вернулся по-другому".

В 4-ой картине образ Волги дан в ином плане. "Ты меня хочешь понять? Я часто сама себя не понимаю. Иногда мне становится до чего грустно, не знаю куда себя деть, кому распахнуть сердце. Хочется во весь голос крикнуть, заплакать! Тогда я выхожу на берег Волги, разговариваю с ней, или же сажусь за моторку и мчусь по ней, словно стрела! А если ветер колышет волны или же начинается дождь, я становлюсь как взбешенная! Покрытая черной тучей река становится бездной. Страшно, но в то же время радостно как-то, надежно". В этой реплике героини - ее характер, способность бороться и радоваться, переживать и побеждать, идти к намеченной цели, преодолевая жизненные препятствия.

Таким образом, река Волга в описаниях автора, в репликах героев - всегда разная. Этот образ выполняет определенную художественную задачу, задает не только тон действию, но также помогает раскрыть характеры героев, внутреннюю борьбу, ее динамику.

Обращает на себя внимание еще один художественный образ - теплоходы, пароходы. В описательной ремарке к 1-ой картине автор дает фразу: "Гудки парохода". Размышляя вслух, в монологе, обращенном прежде всего к себе, Валентина сравнивает его с могучим духом, силой, зовущей ее за собой, словно он хочет сказать ей что-то очень важное, жалеет, что этого ей не понять.

Гудки предвещают героине большое чувство любви. По-другому воспринимает эти звуки Аркадий, друг Валентины. Он комментирует так: "Два теплохода просят друг у друга дорогу. Ибо, столкнувшись, могут попасть в беду". В этой реплике - будущее в отношениях между Аркадием и Евгением, ведь оба они любят одну девушку - Валентину.

Не все гладко и легко в отношениях Вали и Евгения. Первая любовь, с одной стороны, окрыляет героиню, с другой, задает много вопросов, они связаны, главным образом, с печальным прошлым героя. Евгений старше Вали, он любит ее, но и ему нелегко открыть правду, и когда, наконец, Евгений рассказывает свою историю, Валя скажет реплику: "Не надо, ничего не говори. (Подходит к окну). На Волге сейчас так тихо. Плывут теплоходы. Значит, ты приехал к нам на время ". В этой реплике сомнение. И его глубже понять помогает обращение к реке, теплоходам.

Красной нитью через драму проходит еще один образ-символ, он сквозной. Это дорога. Не случайно название драмы - "Путник". Да. Евгений ищет свою тропу, сам он пока, в начале драмы, на перепутье. Жизнь сыграла с ним злую шутку. Он оказался в тюрьме, прошел эту суровую школу. Нет, не испортился, не пошел по накатанному, ищет себя, не привык останавливаться на полпути, человек сильной натуры, лидер, вожак, романтик: "Мы ищущие счастье путники".

О жизненной дороге говорит и Аркадий, который дарит Вале на память часы, желая, чтобы ее жизненный путь был светлым, как эта Волга, добрым, как заря. Продолжая мысль Аркадия, Валентина вслух размышляет, что впереди сто неизведанных дорог, как из этой вереницы выбрать свою жизненную тропу. Вопрос остается риторическим. Сама героиня тоже перед выбором.

Кирилл Матвеевич, человек, уважаемый селянами, начальством, лучший механизатор хозяйства, доволен своей жизнью, выбранным путем: "Знай погоняй, дорога прекрасна!" Своей дочери, медалистке, советует: "Держи вожжи крепче, доченька!" Он, как и учителя местной школы, считает, что Валентина свою жизнь должна связать с учебой, ее ждет прекрасное будущее, ведь ей открыты дороги в любой вуз страны. Но жизнь, оказывается, привносит свои коррективы. Героиня пойдет совсем другим путем. А Евгений, случайный путник, найдет на малой родине предков свое пристанище, пустит свои крепкие корни.

В 3-й картине его фраза о проторенной дороге звучит уже убедительно, да, по такому пути идти легче, но жизнь часто указывает свое направление.

Дорога закрыта в дом родителей Вали. Проблема отцов и детей - вечная в литературе. Валя, не знающая жизни, в обиде на родителей, ей не понять, что спор вышел из-за нее же самой, родителям хочется счастья для единственной дочери, а оно в их понимании - сначала учеба, затем любовь, семья. Вышло же все наоборот. Валя опрометчива, горяча, она движима одним чувством - любовью: "Мне не нужна половинчатая любовь. Я согласна только на полное счастье..."

Забыл на время дорогу в родимый край и отец Евгения, Бурков. Давняя любовь связывала Марину, мать Валентины, и Буркова. Но она не состоялась. Это стало причиной неприезда последнего в родимые края.

Итак, каждая из вышеназванных подробностей - своего рода ключ к настроению действия, к его главной тональности

У Константина Коршунова драматизм не только в сюжете, но главным образом в напряжении внутренней жизни героев. И потому, чем глубже и тоньше вскрывает автор символический план действия, тем драматичнее образное воплощение мысли, терзающей героев пьесы и ее автора.

Л. Буранова
Ижевск

ИНСТИТУТ "СВОЕ-ЧУЖОЕ" В ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ УДМУРТОВ

Через призму сопоставления себя с окружающим миром, конкретными представителями тех или иных народов - бинарных оппозиций "свое-чужое", "мы-они", наиболее выпукло и четко вырисовывается система мировосприятия этноса в целом.

Мировосприятие как некая цельная всеобъемлющая категория, в свою очередь, вбирает в свое содержание различные понятия. Одними из основополагающих, определяющих систему восприятия окружающего мира традиционным сознанием, являются категории пространства и времени.

В традиции удмуртов четко и даже жестко выделяется пространство "свое" и пространство "чужое" в системе так называемого горизонтального пространственного структурирования (мир людей); центр жизни человека (очаг, дом двор) особо оберегается; далее по значимости идет пространственный круг деревни, пространство принадлежащих общине земель; все перечисленные участки пространства имеют четко определенное традицией место в иерархической лестнице значимости и сакральности; каждый участок освоенного пространства независимо от степени его освоенности и сакральности оберегается, границы же пространственных участков являются наиболее сакральными, именно здесь, на границах пространственных участков, может произойти вторжение на "свою" территорию, посягательство на "свое" пространство.

В структурировании пространства по вертикальному принципу, где, кроме мира людей, "появляются" мир богов и мир "ушедших" предков, нет такой жесткой градации участков пространства на "свое" и "чужое"; граница есть, но она "плавающая", и может нахо-

диться на различных участках пространства (печь, дерево, река); все три пространственных уровня включаются активно в повседневную жизнедеятельность человека

В случае обращения к категории времени можно говорить о наличии данной бинарной оппозиции ("свое-чужое") посредством ее логической трансформации в бинарную оппозицию "благоприятное-неблагоприятное"; время в традиционном сознании неоднородно; есть время благоприятное (день, лето), есть время однозначно неблагоприятное для человека (ночь, зима), есть время переходное (вечер, утро, полдень, весна, осень); как и в случае пространственных характеристик, при обращении к категории времени, благоприятным считается все освоенное, а значит "свое", неблагоприятное же - неосвоенное, следовательно, "чужое".

Все "свое" бережно охраняется традицией путем обрядового действа; соблюдение всех издревле установленных традиций, правил, обычаев считается гарантом выживания общества, его успешной дальнейшей жизнедеятельности.

Скрупулезная обрядовая деятельность, направленная на охрану, оберег "своего", получила отражение и в языке удмуртского этноса, так мировосприятие принимает четырехчленную языковую формулу (у большинства народов она трехчленна: чужое-свое-мое): чужое/их ("соослен") - свое/наше всеобщее ("асьмелэн") - свое/наше ("милям") - мое ("мынам").

Таким образом, институт "свое-чужое" в системе традиционного мировоззрения, имея вполне естественные "жизненные" корни и выполняя конкретные функции в жизнедеятельности того или иного народа, также играет значительную роль и в обеспечении устойчивости культурно-бытового уклада традиционного удмуртского социума.

Т. Девяткина
Саранск

ТРАДИЦИОННАЯ МОДЕЛЬ МИРА В МИФОЛОГИИ МОРДВЫ

Традиционная система представлений о картине мира является одной из подсистем мифологии, фундаментом, на котором строятся представления о прошлом, будущем и настоящем мира, о направле-

ниях его развития и о месте человека в нем. Представление о мире находит отражение не только в космогонических мифах, но и в различных обрядах, молениях, жертвоприношениях, поверьях, приметах, языке (названия объектов, явлений природы).

Имеющиеся фольклорно-этнографические материалы, на основании которых реконструируется модель мира мордвы, различны, а порой противоречивы по сюжетам, что связано, прежде всего, с формированием двух этнических групп мордвы (мокши и эрзи), а также верованиями, иноэтническими влияниями.

Понятие возникновения мира обычно ассоциировалось с возникновением Земли как оформления определенного порядка, обычая. В качестве первоосновы, несущей зародыш мира, выступает *Иневедь*, м., *Покшведь*, э., (Великая вода, Большая вода). Более архаичный сюжет о сотворении мира связан с *Ине Нармонь*, м., *Ине Нарунь*, э. (Великой птицей, Мировой птицей). Она несет *Ине Ал*, м., э., *Оцю Ал*, м. (Великое яйцо, Мировое яйцо). Из зародыша яйца создается Земля, из скорлупы - небесная и подземная твердь.

Роль демиурга в создании мира - результат влияния христианской религии. Однако у мордвы в творении мира участвовал не только *Шкай*, м. (Бог Времени, Солнца), *Чипаз*, э. (Бог Солнца), но и злой дух *Идемевсь*, э., *Шяйтан*, м. (черт). Процесс «оформления» мира происходил в борьбе с чертом и с помощью последнего в несколько приемов.

Первоначально представлялось, что все обитающие на земле, в воде, в воздухе росли вместе с землей. В одних мифологических сюжетах Земля плоская, в виде ковша, вогнутого по краям или в форме геометрической фигуры; в других - круглая, омываемая водами Мирового океана (*Ине веоь*, м., э.), или четырехугольная. В каждом из углов стоит серебряный столб и закрытые бочки (в одной из которых - богиня ветра - *Вармава*, м., э.). Направление ветра зависело от открывающейся время от времени одной из этих бочек, откуда выходила *Вармава*.

В мифах-песнях Земля держится на белой рыбе (белуге) или же на трех рыбах (севрюга, осетр, белуга). Рыбы плывут к трем началам, пропастям Земли. В волшебных формулах, заговорах твердь Земли поддерживают, отделяя ее от водного и подземного пространства, три кита (поздний вариант). Двигаясь в разных направлениях, они создают и сохраняют гармонию, равновесие мира.

Сводом над Землей считалось небо, центром Вселенной - *Менель текш*, м. (самое высокое место). Вечный свет на Землю пробивался через отверстие небесного кристального купола. По мифологическим понятиям мордвы небесный мир состоит из нескольких

ярусов (один из которых из железа, другой - из камня). В ранних мифах небо располагалось значительно ближе к Земле (можно было достать его рукой).

Кроме традиционного представления разделения мира на три основные зоны (верхний, средний, нижний), в некоторых регионах мордвы-эрзи мир представлялся на манер ульев с четырьмя рядами: высший, низший и два центральных ряда, из которых один населен людьми, другой - всевозможными живыми существами. Согласно фольклорным материалам мордвы-мокши, опорой мира, олицетворением взаимосвязи трех миров является *Келу* (береза).

Т. Золотова
Йошкар-Ола

МЕТОДИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ
(на материале традиционной культуры)

Проблема культурных взаимодействий была поставлена в русской гуманитарной науке еще в XIX веке (1, 2 и др.)

В советской фольклористике данная проблема из сферы национального самоопределения русской культуры была перенесена в сферу межэтнических контактов и взаимодействий.

С накоплением значительного материала в области установления фактов сходства традиционной культуры славян и народов Севера, Сибири, Дальнего Востока, Поволжья, Урала и других регионов изучение межэтнических общностей и взаимодействия стало одним из основных направлений фольклористики.

При установлении той или иной формы взаимодействия подчеркивается обязательность обращения ученых к историческому периоду, в который осуществлялись контакты, конфессиональным различиям, характеру языковых процессов (двуязычие или родственность языков), типу расселения народов (маргинальные контакты, этнические острова, чересполосное, рассеянное расселение и др.), численности контактирующих народов.

Чрезвычайно важно выработанное в отечественной фольклористике положение о зонах так называемой "повышенной интенсивности фольклорных контактов". Б.Н. Путилов отмечал, что исследова-

ния последнего времени направлены именно на такие регионы; при этом особо выделены им районы, где русское население соседствует с народами Поволжья (3, с. 10). "Богатейшей лабораторией процессов" назван поволжско-уральский регион и В.М. Гацаком (4, с. 5).

В типологии культурных взаимодействий, разработанной Е.А. Костюхиным применительно к сказке, но удовлетворяющей потребности и более широких сфер народного творчества, контакты между русским и финно-угорскими народами Поволжья рассматриваются как контакты "между соседями, принадлежащими к разным языковым группам, но близким в культурном отношении" (5, с. 4).

Исследование межэтнических взаимодействий славян и финно-угров (в том числе и Поволжья), с одной стороны, имеет давнюю историю (работы В.О. Ключевского, Д.К. Зеленина, Б.М. Соколова и др.), с другой, в советской фольклористике приобрело сугубо односторонний и упрощенный характер: многообразие процессов было сведено по преимуществу к тезису о влиянии русской культуры (фольклора) на культуру (фольклор) финно-угров.

Более содержательными, насыщенными конкретикой форм взаимодействий выглядят работы, связанные с анализом контактов славян и восточной (пермской) группы финно-угров. Выделяются в этом плане работы А.К. Микушева. Ученый не ограничился общими суждениями относительно устойчивости традиционного содержания, особенностей жанров и поэтических образов русского фольклора в иноэтническом окружении, но пытался показать "направленность историко-культурных контактов родственноязычных и неродственноязычных народов" (6, с. 34). А.К. Микушев подчеркивал самобытный характер взаимодействия в регионе славянских, финно-угорских и самодийских традиций, настаивал на сложности имеющих место процессов и невозможности рассматривать их в плане "простого, нетворческого заимствования сюжета или механического перевода текста из одной образной системы в другую" (6, с.35). В частности, им представлены три формы освоения русского фольклора финно-угорскими народами, связанные со становлением былевого эпоса, народно-песенной лирики и частушечной поэзии.

Попытки на качественно новом уровне исследовать межэтнические контакты славян и финно-угров данного региона были предприняты С.И. Дмитриевой и К.В. Чистовым. Сопоставляя мифологические представления и связанные с ними верования этносов, С.И. Дмитриева приходит к выводу о том, что "русско-финно-угорские фольклорные связи дают основания искать корни многих древних обычаев и обрядов северо-восточных русских в сходных обычаях финно-угров". Мотивируется это положение тем, что "последние

(финно-угры - *Т.З.*) позднее, чем русские, приняли христианство и сохранили в большей мере архаические элементы в быту и культуре" (7, с. 141).

О различных формах взаимодействия традиционных культур русских и карел пишет К.В. Чистов. Так, влияние карельской культуры на русскую ученый усматривает в фактах языка, особенно в области топонимики, приемах и орудиях рыболовства и охоты, пищи, верованиях и др.; русской культуры на карельскую - также в языке, элементах бытового православия, структуре свадебного обряда, деталях одежды, фигурах народных танцев, сюжетах лирических песен; взаимовлияния - языке, верованиях, сюжетах бытовой сказки; симбиоз - в архитектуре жилищ, бань, приемах подсечного земледелия и сушки снопов, орнаменте, промысловой одежде и т.д. Что касается "удивительной проницаемости" карельских рун и русских былин, обрядовых причитаний, то она, по мнению К.В. Чистова, требует специального объяснения (8, с.62-63).

Необходимость выявления конкретных форм взаимодействия в области традиционных культур славян и финно-угров Поволжья, теоретического их осмысления осознана и специалистами (археологами, этнографами, лингвистами) данного региона.

И, наконец, при исследовании межэтнических связей и взаимодействия культур народов, принадлежащих к разным языковым группам, но близким в культурном отношении, каковыми, в частности, и являются славяне и финно-угры Поволжья (5, с. 8), необходимо иметь в виду, что их сопоставление должно осуществляться как завершающий этап работы.

На первых этапах ее "значительная роль должна отводиться методу ретроспекции", успешно применяемому археологами и лингвистами и, по "остроумному замечанию Д.К. Зеленина, заставляющему "пятиться назад" в глубь истории от нового к старому, исчезнувшему" (9, с.37). Результаты использования его, наряду с методами классического типологического анализа, должны дать материал для последующих операций - внутренней реконструкции как славянской, так и финно-угорской культур (сфера народных диалектов). При этом понятие "диалект" в данном случае не следует воспринимать только как лингвистическое, но "лингвокультурологическое", "лингвогеографическое" (как таковые, по мнению Н.И. Толстого, они и существовали в народной практике и в научных представлениях А.А. Шахматова, Д.К. Зеленина, К. Мошинского, Х. Вакарелского) (9, с. 48).

Обильный материал дает и внешняя реконструкция - сравнение с элементами, формами и системами родственных народных культур: для славянской, финно-угорской, тюркской и др.

И только после этого третьего этапа "допустимо сравнение с материалами неродственных и разносистемных языков и культур, корректирующих построения и выявляющих так называемые языковые, семиологические и культурные универсалии" (9, с. 44).

Итак, в отечественной фольклористике накоплен значительный опыт в области исследования проблемы межэтнических связей и взаимодействий. Во-первых, оценена значительность заложенного в данной проблематике общетеоретического и методологического потенциала; во-вторых, обнаружены связи подобных исследований с областью генетических, типологических и сравнительно-исторических разысканий; в-третьих, подтверждены их универсализм и "многоплановая спецификация" (необходимость объединения в рамках межэтнических исследований филологов, этнографов, музыковедов и др.).

Несомненно, большое значение имело и обращение исследователей к одному из основных положений сравнительно-исторических штудий А.Н. Веселовского - "встречным течениям". Разработка данного положения с применением современных методов позволила преодолеть тезис об одностороннем влиянии культуры "развитых" народов на "отсталые". Осуществлялись попытки изучения механизма заимствования, осмысления его форм (аперцепция, интерференция, симбиоз, сотворчество, синтез, односторонние влияния и др.). Показана зависимость использования той или иной формы от степени близости вступающих в контакт этносов и границ жанра. Намечены контуры типологии культурных взаимодействий отдельных жанров. Поставлен вопрос о специфичности функционирования общих закономерностей в пределах регионов, названы зоны "повышенной интенсивности и фольклорных контактов", в частности и Поволжье. Определены методы, позволяющие объективно рассматривать имеющие место схождения (ретроспекция, внутренняя и внешняя реконструкция).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2. СПб., 1861.

2. *Веселовский А.Н.* Новые книги по народной словесности // ЖМНП, 1886. № 3.

3. *Путилов Б.Н.* К типологии межэтнических фольклорных связей: природа, закономерность, механизм // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора на-

родов Поволжья и Урала (Материалы симпозиума, 22-24 ноября, 1979 г.). Казань, 1983.

4. *Гацак В.М.* О перспективах изучения межнациональных фольклорных общностей и взаимосвязей // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала (Материалы симпозиума, 22-24 ноября, 1979 г.). Казань, 1983.

5. *Костюхин Е.А.* Сказки и типология культурных контактов // Русский фольклор. Т. XXVII Межэтнические фольклорные связи. СПб., 1993.

6. *Микушев А.К.* Русский фольклор в иноязычной среде (проблема освоения иноязычной фольклорной традиции) // Русский фольклор. Т. XXIII. Полевые исследования. Л., 1985.

7. *Дмитриева С.И.* Русско-финно-угорские связи (по материалам севернорусского фольклора) // Русский фольклор. Т. XXVII. Межэтнические фольклорные связи. СПб., 1993.

8. *Чистов К.В.* К вопросу о типологии карело-русских этнографических и фольклорных связей // Традиционная культура: Общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии (Материалы симпозиума, сентябрь 1993 г.). Петрозаводск, 1993.

9. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

И. Иванов
Йошкар-Ола

СИМВОЛЫ В МАРИЙСКИХ ОБРЯДОВЫХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

В процессе длительного развития поэтики марийских обрядовых песен сложилась определенная система символических образов.

I. Группа поэтических символов связана с растительным миром. Наблюдения людей над жизнью леса, красотой его нашли отражение в символических образах. Так, в песне вятских (шурминских) мари "Кукшын-кукшын курыкет умбалне" ("Высоко-высоко на горе ") сосна символизирует календарный год, а двенадцать сучьев - двенадцать месяцев.

В обрядовой поэзии мари нередко встречается образ дуба. В песне горных мари "Салымсола покшалнет..." ("Посреди Салымсола..."), проникнутой мотивами сиротства и рекрутчины, развесистый дуб (лаштыра тумо) является символом отца, а развесистая липа (лаштыра писте) - символом матери.

В свадебной поэзии луговых мари поэтический символ невесты - береза (куэ).

Основной символический образ невесты в свадебной величальной песне восточных финно-угров - это цветок (пеледыш). Симво-

лом девушки, внешней красоты её является клубника (мӧр), земляника (снеге), созревшая на поляне калина (аланеш кӱйшӧ полан).

Ачан куту пӧртӧнчыл дене	У большого крыльца отца
Куту куэ шочылден,	Выросла большая берёза,
Иктыже толеш	Один приходит -
Тудо куем руаш	Хочет срубить,
Весыже толеш	Другой приходит -
Тудо куем руаш	Хочет срубить.

II. В отдельных обрядовых песнях поэтическими символами являются птицы. В них воспевается уточка - невеста, гусь - жених. Среди елабужских мари Республики Татарстан записана лирическая свадебная песня "Лудыж ден комбыжын пасма йымач корныжо" ("Как уточка с гусем").

Среди горных мари бытует лирическая свадебная песня "Ларт-ларт лыдыжы".

Ларт-ларт лыдыжы	Ларт-ларт уточка
Йар йӹр сӓрналеш.	Возле озера находится
Кышакен пыжашыжым	Где свить гнездо, говорит,
Кышакен пыжашыжым аптышаш манеш.	Где свить гнездо, говорит.

Среди бирских мари Республики Башкортостан нами записана ритуальная свадебная песня "Ош пӧрт шолап йымаланже":

Ош пӧрт шолап йымаланже	Под желобком белого домика
Ош кӧгӧрчен игыжым модыкта.	Белая голубка играет со своими птенцами.

III. В свадебных песнях встречаются поэтические символы, связанные с бытовыми деталями. В одной из них находим образ невесты - шелкового клубка (порсын мундыра).

Ачан куту сондыкышкыжо	В большом сундуке отца
Порсын мундыра лийын возым.	Я шелковым клубком свернулась.
Иктыже толеш торгаяш,	Один приходит, хочет купить.
Весыже толеш торгаяш.	Другой приходит, хочет купить.
Иктат акшым шуктен огыл.	Ни один ценой не сошёлся

IV. Символом свадьбы, новой семьи является роение пчёл. Возникновение этого образа связано в песнях мари с древними традициями пчеловодства.

Пӧртӧнчыл-лай иге мӱкшет	Перед сенями пчёлка
Игыжымат ойыра огыл мо?	Не хочет ли отделить семью?
Мемнанат-лай авайна мом ышталеш?	А наша мать что делает?
Игыжымат ойыра огыл мо?	Не детей ли своих отделяет?

V. Поэтическим символом дружбы между родственниками, детьми является мостик. Среди мишкинских мари Республики Башкортостан бытует песня "Йылдыр-лай йылдыр вӱдшӧ йога" ("Играя-звеня, вода течёт").

Йылдыр-лай йылдыр вӱдшӧ йога,	Играя-звеня, вода течёт,
Ваштар гына пасмажым мый пыштем.	Кленовый мостик я положу.
Ваштар гына пасмажым мый пышталам.	Кленовый мостик-то я положу,
Мийышаш-толшаш корнетым ит мондал.	Ты дорогу к родным не забудь.

Краснокамские мари Республики Башкортостан в обрядовых песнях воспевают серебряный мостик как символ родства. А дружбу между детьми, родственниками символизирует игра рыбы в речке под серебряным мостиком.

Тыят-лаят мӱндырат, мыят мӱндыр,	И ты далека, и я тоже далек,
Коклаштына улылда ший кӱвар	Между нами серебряный мостик.
Ший кӱвар-лай йымалне шийгол модеш,	Под серебряным мостком играет сомок,
Родо-шочшо коклаште мал модеш.	Родню роднит богатство.

Некоторые ритуальные свадебные песни содержат ряд образов-символов. Среди луговых (моркинских) мари записана песня "Ужар нымыштым кондышна" ("Зеленую лутошку мы привезли").

Ужар нымыштым кондышна,	Зеленую лутошку мы привезли,
Кудо утылдам пуэда?	Какой угол вы нам дадите?
Ужар выньыкым кондышна,	Зеленый веничек мы привезли,
Кудо каштадам пуэда?	Какую перекладину дадите?
Чевер онан кайыкым кондышна,	Красногрудую пташку мы привезли,
Кудо четлыкдам пуэда?	Какую клетку вы нам дадите?
Чевер гына енгайым кондышна,	Красненькую сноху мы привезли,
Кудо клатдам пуэда?	Какую же клеть вы нам дадите?

Образы-символы в марийских обрядовых песнях имеют свою специфику, они национально окрашены. Они возникли в результате длительного наблюдения над окружающей природой, над жизнью, бытом, традициями людей.

В. Кудрявцев
Йошкар-Ола

ЯЗЫЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА В МАРИЙСКОМ НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Марийское народное искусство возникло и развивалось на языческом мировоззрении. Критерием его понимания и искусства в целом, по утверждению Ю.М. Лотмана, является владение мерой его условности, которая способствует его восприятию как зашифрованного текста, перекладываемого на привычную систему. Созданная таким образом собственная модель является унифицированным, искусственно схематизированным обликом, возведенным до уровня структурного единства и оказывает на реальность той или иной культуры «мощное упорядочивающее воздействие, доорганизовывая ее конструкцию, внося стройность и устраняя противоречия» (1, с. 342).

Устойчивые в декоративно-прикладном искусстве марийцев традиции изображения животных и чудовищ, антропоморфные образы, солярные знаки, растительная и геометрическая орнаментация соединили не только функциональное и эстетическое начала, но были и символами окружающей жизни, воспроизведя в памяти народа как прошлый исторический опыт, так и создавая стройную и целостную картину жизни. И прав в этом отношении удмуртский этнолог В.Е. Владыкин, замечающий, что "природное окружение народа служит как бы тем естественным фоном, на котором создается религиозно-мифологическая картина мира того или иного этноса" (2, с. 36).

В традиционном искусстве марийцев наиболее широко встречается изображение коня в ювелирном искусстве, вышивке, резьбе по дереву, зодчестве. Культ коня, появившись еще в ананьинскую эпоху, был связан с почитанием солнца и богини природы-матери, а его художественный образ в фантазии древнего человека символизировал знак солнца и неба. Например, широко известный сюжет с двуглавыми конскими фигурами заключал определенный магический смысл, усиливая охранительное действие амулета (Л.А. Голубева). Изображение древа жизни, двух птиц или животных возле него служило знаком семьи, рода, выражая, таким образом, идею растительного и животного плодородия и воспроизводства. Символическое изображение утки считалось воплощением образа женщины, олицетворением семьи и плодородия. Реалистические изображения животных и птиц использовались в качестве приношений божеству,

способствующих удачной охоте или умножению стад, а также в качестве амулетов. С представлениями о священной птице, уносящей человека в верхний мир, в искусстве пермского звериного стиля связано изображение птицевидных идолов с человеческой личиной на груди.

Некоторые изображения представляли родовое, племенное или семейное божество. Произведения древнего языческого искусства, в которых сюжеты, образы, знаки отличаются своеобразием и единством представлений о мироздании финно-угорских народов, свидетельствуют о длительном этнокультурном взаимодействии. Предметы искусства свидетельствуют о процессе формирования древнего пласта культуры, когда наряду с изобразительными символами охоты, рыболовства появились скотоводческие и земледельческие изображения, символизирующие пространственную структуру мира в тройном членении по вертикали.

Мотив древа жизни отражал идею животного и растительного плодородия и воспроизводства в обществе, умирающую и воскресающую природу, круговорот, цикличность и таинства ее животворных сил. Исследователи отмечают несколько вариантов значения этого образа: древо жизни как дерево, по которому восходят на небо; древо жизни как животное, на спине которого показано растущее дерево; древо жизни как растение; мировое дерево как символ центра вселенной, выступает как пример соединения идей и образов охотничьей стадии общественного сознания и мышления финно-угров с образами земледельческо-скотоводческой стадии мышления (К.И. Корепанов). Тройное членение мирового дерева по вертикали (ветви - ствол - корни) Б.Е. Владыкин рассматривает как модель-схему любого процесса, предполагающего возникновение - развитие-распад.

Образ древа жизни в традиционных видах искусства используется у финно-угорских, тюркских и русского народов.

Рассматривая марийскую вышивку в исторической ретроспективе, исследователи выделяют несколько групп орнаментов, семантика которых сводится к следующим значениям:

- элементы архитектуры [*кашта* (балка), задвижка];
- орудия земледельческого труда [*шаньык вож, ваш шаньык вож* (зубцы вил), *сорла ну* (серп)] и хозяйственный инвентарь [*керем* (веревка), *куреж ну* (зубья острога), *вопш керем* (бортевая веревка), *шокте* (ремень)];
- зооморфные символы, получившие названия от животных и птиц [*пырыс кыша* (след кошки), *тога шур* (бараньи рога), *имче вуй* (конские головы), *кышке вуй* (голова змеи), *чыве шинча* (куриный глаз), *вараксим почыш* (хвост ласточки)];

- обозначение географической местности, ландшафта [*курык* (гора), *энер* (река)];

- фруктов [*олма* (яблоко)].

Мировоззренческие основы древнего художника выражались в его своеобразных представлениях о верхнем, среднем и нижнем мирах и обозначались специальными символами, маркирующими определенные сферы. Семантика узоров на глиняной посуде, изображений в металлопластике позднее перешла на вышивку, зодчество, резьбу по дереву и находит продолжение в современном художественном процессе. А арсенал изобразительных символов, тысячелетиями культивируемый в материальной и духовной культуре в виде сложного семантического ряда знаков и изображений, используется как живая традиция.

В деревянном зодчестве как сакральное помещение считалась традиционная срубная постройка: у марийцев - *кудо*, у удмуртов - *куа* или *куала*. В зодчестве в целом семантика также связана с трехчастным делением мира.

В священных рощах семантика сводилась к следующему: через северные ворота приносилась необходимая для жертвоприношений вода, западными - пользовались люди, восточные были предназначены для ввода жертвенных животных. Одеждой у марийского жреца - карта служил белый длинный балахон без сборок с красной наставкой из кумача на груди и черной из сукна на спине. На голову карт надевал высокую шапку из бересты и выступал как посредник между божествами и людьми. Черный графический знак оберега вышивался на спине карта в виде скрещенных знаков узора.

Современные марийские художники, проникнув идеей финно-угорского родства, каждый по-своему субъективно выражают кто в условно-символической, кто в реалистической формах изображения богатый языческий пласт духовной и материальной культуры. В декоративно-прикладном искусстве успешны поиски резчика по дереву Владимира Ермакова из д. Купран-Сола Сернурского района, который занимается изготовлением обрядовой посуды. Изображения на ковшах в виде утки, конских фигур образуют забытый и знакомый образ языческого искусства. Измаила Ефимова привлекает богатый арсенал пермского звериного стиля и марийское прикладное искусство. На синтезе этих пластов художественной культуры он находит вполне определенный творческий облик своим холстам, наполненным символическим звучанием. Идея древа жизни воплощена в картине А. Иванова «Древо жизни». Юрий Таныгин интерпретирует и реконструирует свои детские впечатления, на основе которых создаются откровенные теплые полотна языческой жизни.

Эти изображения в традиционном и профессиональном искусстве связаны с символическими знаками, уходящими корнями в языческие верования, древнюю космогонию и отражают общечеловеческие идеи жизни и мироздания.

Заглядывая в XXI век, хочется отметить, что выработанная финно-угорскими мастерами в течение тысячелетий общность традиций, локальные особенности могли бы стать предметом эволюции изобразительного и других видов искусств и способствовать формированию своеобразного этнохудожественного стиля.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи в трех томах. Т.III Таллинн, 1993.

2. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994.

Р. Кудрявцева
Йошкар-Ола

МАРИЙСКИЙ РАССКАЗ НАЧАЛА XX ВЕКА
(поэтика жанра)

Первой и основной формой индивидуально-художественного мышления марийского народа явился рассказ. Значительность данного жанра на ранних этапах литературного развития почти всех финно-угорских народов во многом объясняется его спецификой: небольшой по объему, рассказ очень часто выступает в роли "первопроходца", "разведчика" тем, образов, сюжетов, изобразительно-выразительных средств и т.д.

Есть немало исследований, из которых можно было бы почерпнуть конкретный материал о марийском рассказе первой трети XX века. Но их авторы не ставят своей целью рассмотреть истоки данного жанра, особенности его формирования и развития; рассказы анализируются исключительно в связи с характеристикой творчества отдельных писателей или особенностей разработки ими каких-то тем, в связи с формированием реализма в марийской литературе. В крупных работах, содержащих обзор истории марийской литературы в целом, речь, главным образом, идет о тематике, проблематике рассказов, редко обозначается их жанровый контекст. Во всех типах исследований заметна социологизированность, которая проявляется и в

оценке героев, и в выявлении идейного содержания рассказов. Закономерности, в том числе и имманентные законы, развития жанра рассказа, его поэтика пока еще не стали объектом специального изучения в марийском литературоведении.

Предметом конкретного анализа при рассмотрении марийского рассказа начала XX века, в первую очередь, должны стать рассказы С. Чавайна, ибо именно в них четче всего прослеживается жанровая структура рассказа, которая в марийской литературе выросла из очерковых форм. Неудивительно то, что большинство литераторов из чавайновского окружения (В. Сави, П. Эмяш, А. Конаков, Ф. Егоров и др.) более тяготело к очерково-публицистическим жанрам, из рамок которых многим из них так и не удалось вырваться.

Основу марийского рассказа начала века, особенность его поэтики определял фольклорный материал. Отсюда изучение фольклорной традиции на уровне поэтики жанра и процесса ее постепенного "растворения" в литературно-художественном тексте, что менее всего изучено марийскими литературоведами, могло бы стать одним из перспективных направлений научного исследования истории марийского рассказа и марийской литературы в целом.

"Поэтика как наука рассматривает средства и законы построения художественного произведения и выступает как некое обобщение стилистики, как ее "алгебра" (1). Такое определение настраивает на то, чтобы при характеристике поэтики жанра марийского рассказа рассматривались два основных ее уровня, на которых как раз и происходит взаимодействие фольклорно-мифологического и литературного начал. Во-первых, влияние фольклора может быть на уровне события, которое лежит в основе рассказа. Именно анализ событийно-фабульной, сюжетной стороны произведения выводит к противоречию (жизненному конфликту) и характеру - жанровому ядру рассказа. Во-вторых, требует изучения фольклоризма на уровне стиля, понимаемого как "система способов выражения идейно-эмоционального осмысления общественно-исторических характеров, творчески воплощенных в героях произведений", как "принцип построения художественной формы, сообщающей произведению ощутимую целостность, единый тон и колорит" (2). В этой связи представляет большой интерес то, как фольклорная стихия отражается на композиционных средствах автора и особенностях художественной речи.

С учетом этих двух основных уровней поэтики жанра рассказа рассмотрим первое прозаическое произведение С. Чавайна - рассказ "Изи лум дене" ("По неглубокому снегу"), написанный в 1906 году и напечатанный в 1910 году в "Третьей марийской книге".

По событийному наполнению и стилю рассказ напоминает такой достаточно распространенный жанр устного народного творчества, как побывальщина (быль). На ориентацию писателя именно на устный народный рассказ, повествующий о действительно происшедшем, указывает и подзаголовок произведения "Пычалзын ойлымыжо" ("Рассказ охотника). В традиционно-фольклорном духе в нем дается зарисовка случая из бытовой жизни марийцев, причем, в центре внимания рассказчика (повествование от первого лица), который является одновременно и главным действующим лицом в произведении, не драматическая сторона жизни, а событие, сопряженное с маленькими радостями, удачей. В одном случае-событии выражены два сюжетных мотива, характерных для устной народной прозы: удачная охота и торг, который, несмотря на некоторые просчеты героя, в связи с чем в конце произведения звучит нотка сожаления, тоже оказался в общем-то удачным. Сожаление и минутная грустная задумчивость героя, которые подчеркнуты в тексте с помощью многоточия, моментально снимаются последней фразой "пазар ак" ("базарная цена"), содержащей житейскую мудрость.

В этом рассказе нет еще ярко выраженного авторского голоса. Пока писатель представлен как тонкий наблюдатель и хороший фиксатор явлений жизни. Но при этом нельзя не обратить внимание на такие моменты, которые говорят все же об авторском участии, о том, что произведение является актом художественного творчества. В рассказе "По неглубокому снегу" запечатлены не случайные, а очень характерные события из жизни марийцев, т.е. имел место писательский отбор, а значит, можно говорить об обобщении, типизации, свойственной художественной литературе. В произведении четко просматривается композиционная и стилистическая выдержанность, подобная той, что бывает в литературном сказе, в данном случае - в речи рассказчика. Язык рассказа от начала до конца приближен к разговорно-народной речи. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на начало произведения. В нем многое указывает на народно-разговорную стилевую ориентацию писателя: разговорные выражения типа "пу деке", "шолен колтышна"; короткие предложения, характерные именно для устной речи ("Кыша йомо"); слова "ончем" ("смотрю"), "ужам" ("вижу") и вопросы "Мо кыша?" ("Чей след?"), "Мом ышташ" ("Что делать"), сопровождающие рассказ охотника, заостряющие внимание на самых интересных местах и придающие ему живость и эмоциональность; слова-повторы ("Кайышна-кайышна"), передающие длительность действия. Звукоподражательные слова также вписываются в общий разговорный тон повествования ("йыр-юр", "йыр-юр", "Рун!"), пока они еще не явля-

ются приемами литературно-художественного характера. Нельзя не заметить, что, при общей стилизации повествования под народную речь, в этом рассказе нет литературной сказовой формы, ибо в нем нет автора-слушателя, со свойственным ему строем речи. Голос автора здесь полностью сливается с голосом героя-рассказчика.

Итак, рассказ "По неглубокому снегу" основан на событиях, увиденных писателем в жизни народа, он интересен диалогом, услышанным в народной среде, - и все это передано в произведении интонациями, языковыми средствами, характерными для устного народного рассказа. Пока нет в нем характера, раскрывающегося через те же, допустим, повествовательные моменты; облик героя-рассказчика очерчен лишь несколькими штрихами. В этом смысле рассказ "По неглубокому снегу" - характерное явление начального этапа в художественном освоении устного творчества и устной речи марийского народа. Однако, некоторые черты народного характера переданы в рассказе Чавайна достаточно отчетливо, к примеру, через детали сюжетного действия и диалога автор показывает понимание героем "языка" природы, умение в ней жить (охотиться тоже) и некоторую беспомощность в "торговом" людском мире - последнее особенно явно высвечивается в словах из диалога, представляющих собой народную поговорку ("Умшатлан йошкар ӱйым пыштен шогена, тый нелын от мошто"). Поговорка указывает на то, что налицо фольклоризм на уровне непосредственных словесных вкраплений, а именно реминисценция, которая в диалоге приобретает важное значение. Безусловно, вспоминаются конкретные народные поговорки со словом "ӱй" (масло), которые характеризуют легкость какого-либо действия или же условие для реализации чего-то: "Ӱй дене шӱкшӧ йыдалымат кочкат", "Ӱй яклака, кӱ моклака", "Ӱйлет гын, орава огеш магыре" и т.д. Вызывающая ассоциацию с этими поговорками фраза из чавайновского текста призвана была указать на некоторую непрактичность героя, неумение воспользоваться возможностью, которая открывалась перед ним.

Рассказ информативно-очеркового плана, запечатлевающий эпизоды из повседневной бытовой жизни марийцев, близкий к устному народному рассказу, сохраняет свою актуальность и в последующие годы творческой деятельности С. Чавайна ("Теле пайрем", 1907; "Ӱдырамаш пӧръеҥ лийнеже", 1908-1918).

Анализ поэтики ранней новеллистики С. Чавайна и соотношения ее с фольклорной поэтикой свидетельствует о следующем: писатель искал для своих произведений такой материал, который действительно мог бы заинтересовать марийского читателя; воспроизводя отдельные моменты его быта, мира его интересов, он пытался уви-

деть поэтическую сторону и эмоциональную наполненность жизни марийцев и передать все это их же глазами и словами. Таким образом, становится совершенно очевидной неуместность грубого социологизированного подхода к изучению ранних марийских рассказов С. Чавайна и выявления социально-классовой природы его творчества. Взгляд исследователя должен быть направлен, прежде всего, на особенности поэтики раннего марийского рассказа - только на этой основе возможно определение особенностей развития форм индивидуально-художественного мышления марийского народа.

Т. Кузнецова
Сыктывкар

КОМИ ПОВЕСТЬ КОНЦА XX ВЕКА В ПОИСКАХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Кризисное состояние, переживаемое страной, нашло многоаспектное отражение в литературе. В коми повести последних лет намечается тенденция к изображению современника, чей характер деформирован влиянием социальных условий, герой переживает глубокий нравственно-психологический кризис. Писатели активизируют многие аспекты поэтики в целях изображения характера героя. Герой проходит своеобразные круги нравственных испытаний. Полосу разочарований переживает главный герой повести А. Попова "Что за люди" (1990); на дне жизни оказался бывший литсотрудник, герой повести Е. Рочева "Долгий сон" (1994). Герой теряет гармоничность связи с окружающим миром, и сложный путь осознания этого представляет читателю автор. Проза последнего десятилетия разрабатывает характер современника, чья духовная жизнь наполнена сложными процессами осмысления прошлого, пережитого. Воспроизводит в памяти непростой жизненный путь Тер Миш, герой повести Е. Рочева "Исповедь Тер Миша" (1986); будучи в преклонном возрасте, чувствует духовную необходимость в искуплении своей давней вины Григорий, герой повести А. Попова "Расплата" (1992). Конечно, этот характер литература почерпнула из нашей действительности, когда каждый ощущает на себе груз переоценки исторического опыта, когда кризисные экономические отношения находят уродливое отражение в личной драме отдельно взятого человека.

Но проза последних лет находится в поиске самостоятельных, независимых от политизированных концепций форм художественного решения в создании образа современного мира и человека. Современные писатели осознают необходимость независимости от политических веяний времени. В прозе формируется тенденция, выражающая стремление писателей оградить свое творчество от всякого влияния социальных и политических факторов. Писатели освобождают жизнь героя от груза идеологии и стремятся ограничить сферу изображения областью чувств и переживаний. Литература как бы пытается изолировать человека от социальной среды и стремится к осмыслению его судьбы исходя из его личностных данных. Утверждение приоритета природных факторов, определяющих нравственное кредо и судьбу личности, - вот основа концепции, намечающейся в современной коми прозе. Эта тенденция открыла возможности изображения и частной жизни героев; писатели обращаются к исследованию мира чувств героев (А. Ульянов "Ты и я", 1992; А. Попов "Все уже прошло", 1991). Запечатлевая лирическое движение чувств, прозаики склонны к осмыслению любви как особого выражения нравственной зрелости. Размышляя об истории несложившейся любви, А. Ульянов в повести "Ты и я" изображает духовную жизнь героя. В попытках анализа героем собственных чувств и поступков автор видит непростое движение его духовного роста. Наряду с тенденцией, утверждающей духовные основы любовных отношений, в современной прозе развивается линия, исследующая физические аспекты любовных чувств. Цикл повестей В. Напалкова (органично формируют цикл тематически и структурно близкие повести "Я тебя люблю", 1992; "Прости меня, женщина", 1993; "Прощай", 1995; "Ягодный месяц август", 1996) все же несколько однобоко рассматривает проблемы отношений мужчины и женщины. Многочисленные истории взаимоотношений героев, которыми пестрят повести В. Напалкова, не насыщаются глубиной художественного обобщения. Свойственная В. Напалкову манера усложнять сюжетно-композиционный рисунок произведения, перегружать систему героев не позволяет выявить художественно значимые аспекты образа, исследующие глубины характера. Однако, несмотря на определенные художественные недостатки, проза В. Напалкова утверждает мысль о природной основе, определяющей гармоничность любовных чувств. Повести В. Напалкова развивают в современной коми прозе эротическую линию, организующую особый стилевой пласт: тематика, столь необычная для коми литературы, определила и некоторые особенности лингвистических аспектов поэтики.

Все настойчивее в повести последних лет заявляет о себе устремленность к исследованию духовной жизни героев, утверждению ее нравственных начал. В повести А. Попова "Расплата" (1992) бурный период современных политических перемен становится лишь фоном художественного действия: судьбы героев, сложные перипетии их жизни определяются факторами морально-этического плана. Автор рассматривает нравственные вопросы как ключевые вопросы жизни. В осмыслении меры ответственности за свои поступки перед самим собой, перед близкими видится автору залог духовного благополучия. Любовная драма, осложнившая жизнь двух семей, рассматривается автором как одна из нравственных коллизий, переживаемых героями. Именно поэтому состояние духовной ущербности, переживаемое главным героем, находит искаженное отражение в характерах его сыновей. Тема родительской вины и ответственности естественно смыкается с проблемой несостоявшейся судьбы (образы Ольöксана и Пети). К утверждению духовных начал жизни близка и киноповесть Ю. Екишева "Ангел рода" (1997). Напряженная духовная жизнь героя, открывающая сложный этап его нравственного развития, позволяет вести речь о проблемах значимых. Вечные проблемы добра и зла, стремление человека к моральной чистоте, естественная его потребность в существовании нравственного опыта, образующего традиционную связь поколений, - вот что составляет содержательную основу произведения.

Таким образом, современная коми повесть, пережив "постперестроечный" синдром, выразившийся в бурном обсуждении политизированных проблем (коллективизация 30-х годов, "гулаговская" тема, экологические и национальные проблемы), тяготеет к исследованию сложных взаимоотношений мира и человека, стремится акцентировать внимание на сущностных аспектах духовной жизни. В связи с этим, наряду с развитием традиционных видов художественного изображения, имеют место быть и некоторые новые для коми прозы формы поэтики (фантастический тип образности, поэтические формы создания образа).

Т. Миниахметова
Уфа

СОСТОЯНИЕ ДРЕВНЕЙ РЕЛИГИИ УДМУРТСКОЙ ДИАСПОРЫ

Изменения, происходящие в нашем обществе в последнее десятилетие, охватили не только многочисленные народы, но и многооб-

разные этнические и этнографические группы. В данном случае будет рассмотрена одна из подобных групп - диаспора. События, имеющие место в малых этнических образованиях, часто не схожи с таковыми, встречающимися в среде материнского этноса. Причины тому разные: исторический опыт становления и развития группы в проживаемой местности, этническое и конфессиональное окружение, политическая ситуация в регионе, взаимоотношения с материнским этносом и др.

Удмуртская диаспора в Башкортостане привлекает интерес многих. Эта небольшая группа удмуртов проживает среди представителей разных национальностей, в основном, башкир, татар, русских, марийцев. По вероисповеданию удмурты являются язычниками, остальные - мусульмане и православные (кроме марийцев). С прошлых времен в Башкирии в религии удмуртов имеются небольшие подразделения по родовому и территориальному признаку, расхождения между ними не существенны. Несмотря на это, компетентные в этих вопросах люди (сами же верующие удмурты) считают неприемлемыми некоторые религиозно-обрядовые особенности других локальных групп, желая сохранить тем самым традиции именно своих предков. Локальные различия, хотя и не заметны особо, не позволяют допустить мысль, что религия удмуртов была единой для всех в одном из этапов своего развития, а впоследствии раскололась и функционировала как самостоятельные направления и толки. По всей вероятности, имея единую систему нравственно-философских норм, она не оформилась в цельную ритуально-этическую структуру. Процесс развития религии как в целом у удмуртов, так и в незначительных группах, не прекращался, в некоторые периоды истории он был ощутимым, заметным. Конец текущего тысячелетия, видимо, оставит существенный след в данном процессе и, возможно, внесет непоправимые изменения в религиозную жизнь удмуртов.

Религиозные нормы соблюдались верующими даже в годы гонений и запретов, исповедовали по внутреннему убеждению и глубокой вере в бога. Но, тем не менее, к концу столетия появилась прослойка людей, которые недостаточно знают религиозные каноны, или же, по оценке людей, "бога бросили", "бога не почитают", "бога забыли". На религиозных мероприятиях они порой выглядят как несерьезные. Кроме того, модным стало проведение массовых общественных молений, не соблюдающих и не обращающих внимания на принадлежность к тому или иному религиозному подразделению. В таких случаях представители старшего поколения не всегда поддер-

живают инициативу некомпетентных энтузиастов и не принимают участия на празднике.

К чему приведет такая волна активистов и деятелей, в данный момент однозначно ответить трудно. Но хочется надеяться, что все же они прислушаются к зову сердца.

Т. Молданов
Ханты-Мансийск

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА, ВОСПРОИЗВОДИМАЯ НА СОВРЕМЕННЫХ МЕДВЕЖЬИХ ИГРИЩАХ

По сей день медвежий праздник - живое явление культуры. В конце XX века традиционное мировоззрение северных хантов продолжает воспроизводиться в обряде.

Следует отметить, что медвежьи игрища, начиная с 1920-30-х годов, были под запретом, поэтому они законсервировались на период более чем 60 лет.

Благодаря ослаблению идеологического давления 1990-е годы оказались благоприятными для раскрытия внутренних механизмов развития традиционных культур. Наиболее жизнестойкие элементы, такие как медвежьи игрища, сохранившиеся внутри этноса в скрытом состоянии, раскрылись в полной мере.

Национальной интеллигенцией было организовано и полностью записано семь медвежьих праздников. Я остановлюсь на одном из них, который проводился в январе 1991 года в деревне Юильск. Ход обрядовой игры подразделяется на две противоположные части (тенденции). Первая связана с нормами воплощения сакрального: благоговейное отношение к происходящему, использование художественных средств принадлежит к высшей ступени в иерархии ценностей в культуре этноса. Вторая тенденция связана с процессом десакрализации действа, культивированием веселья и пародийного начала, созданием ритуального смехового контекста в ходе праздника. Таким образом, в ходе медвежьего праздника фиксируются оппозиции сакрального и профанного. Для выявления воспроизводства мифологической картины мира я остановлюсь на сакральной части праздника. Согласно народной классификации, сценарий состоит из

семи частей. Рассмотрим только две части: так называемые *миш-рат* (песни духов *миш*) и *поякты арат* (песни молитвы).

Часть *мишарат* посвящена духам-охранителям отдельных родов, хозяевам рек, озер и лесов. Песни поются от имени пришедшего божества. Каждый из духов обязательно называет, с какой территории он явился, дает обстоятельные эпитеты своих рек, населенных пунктов и т.д. Духи *миш* называют свои функции. Основная цель их прихода - это оставить после себя "удачу приносящий танец", то есть они ведают изобилием, удачей, счастьем и раздают их всем присутствующим.

В эту же часть входят песни освоения тех или иных земель, распределение и закрепление угодий за родами. Например, дух Юильска поет:

С времен земли творения
Золотой травой поросший славный город,
Площадь города того, охраняющий
С железным посохом мл. слуга,
С глазами как полная луна,
С глазами как полный месяц,
Ваш дядя, я заходил тоже.

Духом-покровителем р. Казым является Казымская богиня. Это ее слуга, *он менчк*. Его посох - лиственница. Всего в этой части представлено 15 божеств.

Следующую часть праздника сравнивают с мистерией, наполненной глубоким социально-религиозным культом. Согласно народной терминологии, *поякты арат* (песни молитвы) или *вен арат* (великие песни). В отличие от песен духов *миш* здесь песню-молитву исполняет специальный человек, который называется *поякты хэ* (молящий человек). Другой актер представляет самого духа. Для примера возьмем песню "Хэймас" (букв. "Нерест дающий"). Актер, представляющий духа, одет в зеленый блестящий халат, его лицо полностью закрыто шелковым платком, на голове лисья шапка, к ней привязаны платки - косы духа. У хантов косы являются обязательным атрибутом духов-богатырей. К платкам привязаны колокольчики, они отпугивают злых духов. Кроме того, по ходу пения "молящийся человек" обращается к нему: "Хэймас, Хэймас, косами, полными речной рыбы, ты потряси". Он потряхивает головой, при этом колокольчики звенят. Считается, что Хэймас таким образом раздает рыбу или дичь, которую он создает. Он сидит и водит стрелой по другой стреле. Считается, что таким образом он творит рыб.

"Если малая стружка из-под его рук выходит, то мелкая рыба поплывет. Если большая стружка - большая рыба поплывет".

В песне поется, что:

У семи морей-океанов, в заливе
У священного моря в начале его
Из чешуек мелкой рыбы узорчатый дом
Он построил себе.

Другой пример дух *Емвошики*. Считается, этот дух способен уничтожить любую нечисть, любое злое начало:

Великий муж,
Если войдет он, то
Девочек пожирающие
Многочисленные злые духи.
Мальчиков пожирающие
Многочисленные кровавые нечисти,
Если они есть в доме,
То с досками пол, под него
Они в страхе ползут, заползают.

Это божество является посредником между миром людей и миром "мертвых".

Таких песен было исполнено 9. Суммируя все песни сакральной части праздника, приходим к выводу, что в космологических представлениях воспроизводится как вертикальное, так и горизонтальное членение вселенной.

Вселенная разделена на три зоны. В верхнем мире проживает *Торум* - отец-создатель людей, вселенной и всех благ. Он родитель главных божеств и медведя. На небесной тверди имеются поселения, подчиненные Торуму. Небесные люди занимаются тем же, что и земные люди, но отличаются отсутствием пупа, т.к. рождены не от женщины. Сам Торум охотится на диких оленей, его дом полон соболей. Его поведение непредсказуемо, как погода - к людям то добр, то гневается. Он имеет жену - "Мать-неба". Когда он ссорится, то начинает рвать ее заячью шубу, после чего на землю начинает падать пушистый снег.

Дети Торума могут попасть к нему разными способами. Многие имеют птичий облик: речная чайка, селезень, гагара. Существуют и небесные лестницы.

Нижний мир на медвежьих игрищах представлен крайне слабо. Известно только, что злые сущности заползают в щели пола.

В среднем мире живут дети и внуки Торума, всевозможные лесные духи. Согласно самой священной песне богини *Калташ*, мир

устроен горизонтально. В основе творения этого мира лежит река "Середина". Это мир людей, обжитая ими территория. Низ у устья реки, верх - верховья.

Калташ всех великих духов мужского рода называет внуками, закрепляет за ними территории, т.е. низводит до уровня подчинения. Здесь явный отголосок матриархата.

Итак, в священных песнях картина мира воспроизводится полностью.

Однако, в настоящее время природная и экономическая среда в корне изменилась. Священные и иные земли отторгаются. Построены многочисленные города и поселки нефтяников. Боги не могут жить на этих отчужденных землях, мифологическое сознание аборигенов начинает активно перерабатывать эти изменения. Например, считается, что Казымская богиня, ее Ис (душа), ушла к отцу Торуму, так как люди от нее отреклись, если же ее внуки попадут в беду и помолятся, то она спустится и всех до одного защитит. Во-вторых, считается, что появилась дочь богини, которая ходит по казымской земле. Ее функции пока четко не обозначены. Пока на нее проецируется образ спасителя от промышленного освоения. В народе созданы образы новых врагов. Это "с железной головой, железным животом большой мужчина" - нефтяная вышка и "в красном сарафане, в красном платке большая женщина" - горящий факел. Для защиты от них нужны новые духи.

Т. Молданова
Ханты-Мансийск

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО ОРНАМЕНТА ХАНТОВ
(семантический аспект)

Геометрический орнамент хантов в основном представлен бордюрами. Бордюры в свою очередь подразделяются, во-первых, на непрерывные, возникающие в результате сложных изломов непрерывной орнаментальной линии, во-вторых, на прерывистые, образованные в результате сочетания относительно самостоятельных элементов. Изучение семантического аспекта орнаментального искусства северных хантов позволяет говорить о том, что номинация узоров,

народная терминология способны раскрыть многие стороны его происхождения.

Непрерывные бордюры встречаются преимущественно на традиционных материалах (мех, береста), причем они всегда имеют названия, представляющие собой стойкие словесные формулы, как правило, связанные с частями животных. Например: *вухсар куныш олаӈ* 'локоть лисы' (букв: *вухсар* - лиса, *куныш* - когти, *олаӈ* - сторона, около); *лов уӈаӆ олаӈ* 'челюсть лошади' (букв.: *лов* - лошадь, *уӈаӆ* - рот, *олаӈ* - сторона, около).

Анализ показывает, что в номинации узоров отражены элементы трех различных систем представлений, две из них связаны с охотничьей культурой, а третья имеет близкие параллели в тюркоязычном и ираноязычном мирах. Первый охотничий компонент восходит к идее "следа", который находится в истоках орнаментальной системы северных хантов. Со следом связаны названия основополагающих мотивов непрерывных бордюров. Прямая линия именуется *туӈ пант* 'прямой след', зигзаг - *щакаряӈ пант* 'буторки обходящий след'. След сакрален. Следы, оставленные ("нанесенные") наиболее священным животным, - медведем - иносказательно называются *ханши* 'узор'. Если сакрален след, то сакральны и те части животного, которые его оставляют. Непосредственно со следом связаны узоры, в названиях которых встречаются слова "копыта", "лапки", "коготки", "ноги" и т.д. Бордюрам с подобными наименованиями соответствуют бытующие по сей день гирлянды из высушенных конечностей мелких пушных зверьков. Те и другие - символы охотничьей удачи. Носители идеологии "следа" маркируются фольклорными персонажами *менк*.

Второй охотничий компонент - это носители идеи "голова" как сущностной части живых существ. Изобилие голов животных - символ богатства. С головой, как частью, отчасти связаны названия, включающие в себя слова "рога", "уши", "нос", "челюсть" и т.д. Черепа и "части" головы (уши, носы) также хранятся в охотничьих амбарах. Считается, что бережное обращение с ними способствует быстрому размножению соответствующих животных, ведет к их изобилию, ношение при себе носа ценных пушных зверьков (лиса, соболь) - к охотничьей удаче. Данный компонент маркируется фольклорным персонажем *миш*, который через связь с лосем наводит параллели с бронзовыми "идолами" кулайской археологической культуры, с "чудскими образами", изображавшими полулюдей-полулосей.

Названия, включающие слова "берёза", "заяц", через посредство их белого (небесного) цвета символизируют верхний (божественный) мир при вертикальном членении вселенной, поклонение березе

характерно для "пермских" народов, для индоевропейских традиций. Стойкие фольклорные эпитеты этого дерева - калька со словесных формул призывных песен хори-бурятских шаманов. Образ зайчихи, тождественный образу лебедя, связан с духом Калтащ, который в свою очередь через них соотносится с богинями-матерями алтайских народов. В образе "березы", "зайца" ("лебедя") просматривается связь с ираноязычным миром, идеологом данных представлений выступает генеалогическая группа, называющая себя Торум шир ёх "(По закону) Неба (живущие) люди)".

Прерывистые бордюры более всего характерны для бисерных, вязаных изделий, частично вместилищ из бересты. Ключевые наименования "лягушка", "змея", "ель". В хантыйской традиции оба животных имеют отношение к богиням-матерям. Параллели видятся во многих земледельческих культурах, где "лягушка", "змея" имеют отношение к воде, дождю, плодородию, взаимодействуют с хтоническим миром. Те же функции фиксируются и у хантов. Данный комплекс представлений связан с мощ ёх "людьми мощ". Ель - дерево мищ через связь своих корней с мыщью (носителем душ умерших) частично соприкасается с венгерской мифологией.

G. Molnár
Budapest

THE HUNGARIAN MYTHIC TREE

Mythic trees are in the German, Celtic and Finnish mythologies. Hungarian tales speak about an Apple Tree Reaching the Sky. It blooms in the morning, gets apples at noon which get ripe at nightfall when they are stolen. The apples have medical effects, therefore, the owner is not glad because of stealing. Apples are stolen by 13 Raven Fairies whose leader is Fairy Ilona. Stealing is revealed by Prince Ardjelus who fells in love with Fairy Ilona. Fairies give up stealing. The love is revealed by a witch who cut a lock of Fairy Ilona's gold-hair when the lovers were sleeping. The fairies disappear and Prince Ardjelus begins to search after Fairy Ilona. He finds her with helps of The Old Mother, The Sun, The Moon, The Wind and The Master of Animals.

A tale speaks about the genesis of the mythic apple tree. Three fairies were closed in an oak. They were the Oak Fairies. The Green King's son went to hunt. He had hare, fox and roe helpers. They told him how

could he get wife from the Oak Fairies. The prince could set free only the third Oak Fairy. While the prince went home to get ready for the commendable reception of his wife, a witch exchanged the Oak Fairy on her daughter. The Oak Fairy was thrown in a well where she changed into gold-fish. The witch let fish out the Oak Fairy and from her scale came up a miraculous apple tree. The Oak Fairy lived in the apple tree and the story told us how she found his real husband, the Green King's son.

On the top of The Apple Tree Reaching the Sky is a castle with 12 rooms. In the 12th room is prisoner the Dragon King, Raven Pine (Hollofemyiges). He was disloved by the dragons and was sold for prisoner to be closed in a stone bath. The castle owner is a princess. Knight Janos climbs up the tree and fells in love with the princess. In spite of the princess's request, he visits the 12th room and sets free the Dragon King. Next day, the Dragon King ravishes the princess who has become Knight Janos's wife just before. Knight Janos begins to search after his wife. The Dragon King has a miraculous horse with 5 legs. He can be defeated only with the miraculous horse of 6 legs. The owner of this six legged horse is the Iron Nose Witch, who puts Knight Janos to the proof. The hero obtains the six-legged horse , defeats the Dragon King and gets his wife.

The children of the Apple Tree are the Apple Sons. They are tree. They are born from an apple. They have to wander because there is nothing to eat. Wandering is dangerous and only the third Apple Son overcomes difficulties. He sees a flying castle with a fairy. He fells in love and begins to search after the castle. He meets the Hero Magiced Cock and sets free from the magic after defeating the Evil Fairy. With the hero's help , the third Apple Son sets free the fairy in the castle after defeating a monster.

The mythic tree has an essential place in the shamanistic view on world of Hungarian and Turkish people. The world tree comes up from the middle of the world and its crown holds the sky preventing its falling. The sky covers the world like an inside out turned boiler and rotates round the world-tree slowly. The sun, the moon, the stars hang on the branches of the tree. The souls sit in forms of birds on this life-tree, fly into the women's wombs and are born in human forms. In some sagas. The Main Spirit in form of predatory birds (eagle, falcon, etc.) lives on the top of the world-tree and fights with dragons or snakes of the lower regions. The monarchs of Hungarian and Turkish people trace back themselves to the sacrificed eagle or falcon and they are The Sons of the Sky.

Л. Никонова
Саранск

ТРАДИЦИОННАЯ МЕДИЦИНА ФИННО-УГОРСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ
(краткий историографический анализ)

Народная медицина в прошлом была основным доступным средством лечения у многих народов. Обобщающих работ по этой теме ранее не отмечалось. В этой статье автор впервые кратко излагает наработки по историографии о традиционной медицине у коми, марийцев, мордвы, удмуртов, башкир, татар и чуваш.

По традиционной медицине коми отмечается у И.Н. Смирнова "Пермяки" (1891), В.П. Налимова "Загробный мир по верованиям зырян" (1907), Н.В. Никольского "Сборник исторических материалов о народностях Поволжья" (1919), В.Н. Белицер "Очерки по этнографии народа коми" (1958) и др. Интересный материал по психологии колдовства содержит работа А.С. Сидорова "Знахарство и порча у народа коми" (1928). Глубокими исследованиями по этой проблеме являются публикации И.В. Ильиной.

Некоторые сведения знахарства, лечебной магии марийцев имеются у С.А. Багина "Гадатели и знахари у царевококшайских черемис", Л. Износкова "Обычаи горных черемис" (1869), К.С. Рябинского "Ардинский приход Космодемьянского уезда" (1900) и др. Большой фактический материал содержит брошюра В.Г. Бирючева "Народная медицина среди горных мари" (1934). По заговорам значительная часть материала собрана Т. Евсевьевым "Обычаи, верования и суеверия марийцев" (1927), а также В.Л. Лукьяновым, М.С. Жилиным, В. Бояриновым, Н. Глуховой, Н.А. Ефимовой, В.Н. Петровым, Л.С. Тойдыбековой.

П.С. Паллас, изучавший в 1766 г. мордву-эрзю по р. Пьяне и мордву-мокшу в д. Шадин Пензенской губернии, отмечал употребление мордвой в качестве лекарства различных трав. Это же подтверждает Е. Зябловский в "Землеописании Российской империи" (1810), Н.Я. Назаркин в работе "Народонаселение и охрана здоровья в Мордовии" (1973). О традиционной медицине мордвы отмечается у Е. Всеволжской "Очерки крестьянского быта Самарского уезда" (1875), А.А. Шахматова в "Мордовском этнографическом сборнике" (1910), в материалах рукописного фонда М.Е. Евсевьева, хранящегося в НИИЯЛИЭ РМ (Л-51, Л-52, Л-57 и др.), а также в сборнике "Устно - поэтическое творчество мордовского народа" (т. 7), часть

которого составлена из заговоров, собранных Х. Паасоненом; У. Харва "Религиозные верования мордвы" (1952). В настоящее время изучением и систематизацией народной медицины мордвы занимается автор: "Тайны мордовского целительства" (1995); ряд публикаций, большой фактический материал содержат полевые записи, зафиксированные на аудио- и видеокассетах.

Достаточно любопытный материал о народной медицине удмуртов содержится у О.Е. Клерр (1878), И. Васильева "Обозрение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний" (1906), Т.Н. Борисова "Изгнание шайтана у вотяков" (1913), Г. Верещагина "Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии" (1889), "Вотяки Сосновского края" (1886), "О народных средствах врачевания в связи с поверьями" (1898) и др.; Г.А. Аптиева "Из быта вотяков Бирского уезда" (1892), И. Яковлева "Как научаются ворожить и колдовать" (1909), а также у М.В. Гришкиной "Народная медицина удмуртов" (1992). Большое внимание изучению народной медицины уделяет Л.А. Волкова (г. Глазов), Г.А. Никитина (г. Ижевск).

Первые упоминания в русской историографии о народной медицине башкир, татар, чуваш появляются в трудах И.Г. Георги (1779), И.И. Лепехина (1802), П.С. Палласа (1773). Д.П. Никольский в докторской диссертации "Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование" (1899) описывает ряд лекарственных растений. Некоторая информация содержится у Н.Ф. Катанова (1910); Н.А. Алексеева "Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири" (1980) и др. О лечебных средствах народной медицины башкир приведены в экспедиционных материалах фольклористов и этнографов (Н. Шункаров, 1960; И. Янсен, 1928; А. Линд, 1930). Наряду с освещением различных аспектов быта башкир, их народная медицина, преимущественно дореволюционного периода, в обобщенной форме изложена С.И. Руденко в монографии "Башкиры: Историко-этнографические очерки" (1955). Особая роль в изучении лекарственных растений на территории проживания башкир принадлежит Е.В. Кучерову, Д.Н. Лазаревой. В.З. Гумаровым опубликована работа "Башкирская народная медицина" (1985).

Первые научные работы по татарам, в той или иной степени касающиеся этой проблемы, появляются в XIX в.: Каюм Насыри "Полезные свойства растений" (1888), статья К. Насырова "Поверья и приметы казанских татар" (1880), В.И. Ламанский "Ворожея XVII в." (1893). Разнообразный материал по народной медицине содержится у Я.Д. Коблова "Религиозные обряды и обычаи татар магометан"(1908), "Мифология казанских татар" (1910), Р.Г. Мухамедовой

"Татары-мишари" (1972), где особый интерес представляет глава "Духовная культура". Сведения по народной медицине татар содержатся в публикациях других ученых: Н.А. Томилова, Л.М. Калыровой "Народные способы лечения у сибирских татар" (1997), С. Шариповой "О "бритоголовых" татарах и секретах женских кос" (1995), а также М. Кутлушина "Табиб Газза-Эби" (1991) и др.

О медицине чуваш сообщали многие авторы этнографических очерков: "Чувашские бабушки и повитухи" (Голос, 1873, № 64), "О лечебных травах д. Масловой" (в протоколах Казанского Общества Естествоиспытателей за 1875 г.) и др. Не лишены интереса заметки священника А. Ив-ва "Чувашские юмзи" (1899), врача В.Ф. Груздева "Народная медицина чуваш" (1912), Г. Комиссарова "Чуваши Казанского Заволжья" (1911). Н.В. Никольский сделал огромный труд по сбору народных средств врачевания у народов Поволжья и Приуралья, в т. ч. и чуваш. Часть этого материала хранится в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (ед. хр. 158, 174, 177, 215, 274 и др.). Достаточно тесно связана с исследуемой проблемой книга А.К. Салмина "Религиозно-обрядовая система чувашей" (1993).

Фактический материал по народам Поволжья и Приуралья содержат полевые исследования автора.

Таким образом, несмотря на наличие определенного количества опубликованных источников, их круг до настоящего времени можно считать достаточно узким в силу их немногочисленности и неполноты охвата различных сторон культуры, в той или иной степени касающихся или соприкасающихся с традиционной медициной исследуемых народов. Что же касается архивного материала, то можно сказать, что он до конца не выявлен не только в центральных архивах, но и даже в местных. Поэтому это дело будущих исследователей, которых заинтересует тематика, связанная с охраной здоровья и лечением болезней у различных финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья. Существенным дополнением к вышеуказанным материалам и источникам будут полевые материалы, собранные учеными в ходе этнографических экспедиций в районы расселения этих народов.

Г. Орлов
Йошкар-Ола

МАРИЙСКИЕ ЯЗЫЧЕСКИЕ МОЛИТВЫ В СВЕТЕ "ТЕОРИИ ЛАНДШАФТОВ"

Под "теорией ландшафтов" подразумевается концепция неразрывной связи и взаимовлияния природно-климатических зон и проживающих на этих территориях этносов, т.е. взаимодействие культурного и природного ландшафтов. Такой подход получил "право на жизнь" еще в трудах известного и неординарного ученого Л.Н. Гумилева. Человечество постепенно осваивало природу, приспосабливаясь к ее многообразным формам, качествам, свойствам. На первых порах это было именно *приспособление* человека к природным условиям, основанное на стремлении получить наибольшую выгоду от рационального использования среды обитания, не нарушая ее естественного самовоспроизведения. С развитием цивилизации человечество входит в противоречие с природной средой, постепенно ухудшая, "подтачивая" ее способность к гармоническому и устойчивому функционированию на планете Земля. Отголоски архаического типа сосуществования и взаимодействия "человек-природа" сохраняются лишь в памяти различных видов и жанров народного творчества и в народных обычаях и традициях, в том числе и в жанре марийских языческих молитв и в самом обряде языческого жертвоприношения животных. Это мировоззрение (отношение к природе как к равноправному партнеру человека в сохранении и приумножении жизни) является чрезвычайно актуальным именно в наш век зарождения ноосферы, предполагающей разумное использование природных ресурсов, энергии и всех факторов биосферы.

Рассматривая содержание и структуру марийских языческих молитв с точки зрения их соотнесенности с ландшафтом этногенеза, можно выделить в них определенные "отпечатки" архаического языческого мышления, связанного с оригинальной географической средой проживания этноса. В молитвах с максимальной полнотой описывается годовой цикл сельскохозяйственных работ, а также моменты охотничьего и рыболовного промысла, домашнего животноводства, пчеловодства, и испрашивается помощь языческих божеств в этой трудной повседневной деятельности крестьянина. Содержание молитв влияет и на их форму. Как и характер сельскохозяйственной деятельности, структура молитв циклически повторяющаяся: они состоят из блоков просьб и пожеланий к божествам с однотипными за-

чинами и концовками, а количество этих блоков может быть практически бесконечным, как и количество различного вида работ у крестьянина, в том числе связанных не только с занимаемым ландшафтом, но и социально обусловленных (например, торговля на рынке натуральным продуктом). Стабильность и упорядоченность, общая монотонность, последовательность трудовой деятельности крестьян, обусловленная характером природно-климатической зоны их проживания, как видим, влияет на структуру языческих молитв.

Но еще интереснее, на наш взгляд, проследить на примере молитв влияние ландшафта на *философско-этические* представления народа. В марийских языческих молитвах изображается картина идеальной, образцовой жизни человека, угодная богам и представляющаяся наиболее привычной и "комфортной" и самому крестьянину, несмотря на его нелегкий труд и борьбу за благополучную жизнь. Этот идеальный мир представлен как вечный, вневременной круговорот периодически повторяющихся годовых сезонов, словно подпитываемый энергией "вечного двигателя" - природных сил и языческих божеств. Этот мир в представлении народа аналогичен совершенному *космосу* как противовесу хаосу неправедной неупорядоченной жизни, т.е. не освященной благодатным влиянием языческих божеств, выступающих в роли блюстителей космических законов природы. И этот космос включает в себя и тяжелый крестьянский труд, и неизменность, цикличность, стабильность жизни как идеал, как олицетворение гармонии природы, свойственной также условиям климатической зоны проживания этноса. А одним из главных признаков идеальной жизни является возможность, как говорится в одной из молитв, "*йодын толшылан пуэн колташ, шужен толшым пукшен колташ*" ("подать просящему и накормить голодного"), т.е. жизнь по потребностям, не нарушая целостности ландшафта. Это важнейший экологический принцип: не завоевывать природу, а приспосабливаться к ее законам.

Такие принципы жизни, этика и философия, выраженные в марийских языческих молитвах, характеризуют этнос, оптимально приспособившийся к природным условиям обитания за свою многовековую историю существования и развития. Ситуация, в которой к настоящему моменту оказалась высокоразвитая западная цивилизация, когда природно-геологические ресурсы все более истощаются, а в мегаполисах недостаточно даже питьевой воды, диктуют современному обществу необходимость бережного отношения к природе, развития новой этико-экологической философии взаимоотношения человека со средой своего обитания. Между тем, как мы можем видеть на примере марийских языческих молитв, сейчас оказываются

актуальными древние экологические воззрения человечества, сохранившиеся и в архаическом фольклоре марийцев. Неумолимая спираль истории поставила нас перед неминуемым обращением к древнему народному опыту.

Итак, мы рассмотрели марийские языческие молитвы (как важнейший элемент обряда жертвоприношения), чтобы показать, как природные ландшафты органично сливаются с ландшафтами культурно-этническими, и акцентировали внимание на том, что такой "конгломерат" рождает бесконечно мудрую экологическую этику и философию народа, необходимую, на наш взгляд, и современному обществу.

С. Сабитов
Йошкар-Ола

О ПОДГОТОВКЕ И ИЗДАНИИ СВОДА "МАРИЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР"

Вопрос о начале работы над сводом "Марийский фольклор" в Республике Марий Эл был поставлен в 1983 году, когда Координационный совет по фольклору и искусству при Совете Министров Марийской АССР в качестве одной из главных задач МарНИИ им. В.М. Васильева в области фольклористики выдвинул подготовку и издание многотомного свода "Марийский фольклор". В том же году Совет Министров МАССР утвердил проспект "Свода марийского фольклора", составленный В.А. Акцориным и А.Е. Китиковым. В Проспекте отражены краткое содержание томов, их исполнители, объем, редакторы.

Составителями вступительных статей, комментариев и других вспомогательных материалов, входящих в свод, являются научные сотрудники отдела фольклора МарНИИ им. В.М. Васильева. В подготовке издания отчасти привлекаются ученые Марийского госуниверситета, Марийского пединститута, работники других учреждений республики.

Мысль о подготовке свода марийского фольклора назрела потому, что в научно-рукописных архивных фондах МарНИИ, МарГУ (с 1973 г.), МГПИ им. Н.К. Крупской (с 1984 г.) сосредоточено огромное количество добротных материалов по марийскому фольклору. Ежегодно организуемые МарНИИ, МарГУ, МГПИ фольклор-

ные, этнографические, диалектологические, музыковедческие экспедиции продолжают пополнять их рукописные фонды новыми материалами, поступают материалы также от отдельных собирателей-энтузиастов. По неполным данным 1978 года "только в рукописном фонде МарНИИ имеются около 30 тысяч песен, более 38 тысяч частушек, 3 тысяч легенд и преданий, 9 тысяч пословиц и поговорок, 5 тысяч примет, 2500 сказок, 6 тысяч загадок, 82 молитвы, 200 заговоров и заклинаний, более 5 тысяч мелодий и других жанров фольклора (1, с.21). Немалая часть произведений марийского фольклора, опубликованная в различных изданиях (учебниках, хрестоматиях, журналах, специальных сборниках, ведомостях и т.д.) XIX и начала XX веков, стала библиографической редкостью, недоступной широкому читателю и даже специалистам. Ограниченная часть этих материалов из прошлых публикаций в дальнейшем специалистами использовалась в исследовательских работах, по мере возможности включалась в сборники фольклорных произведений. Однако значительная часть оставалась нетронутой. Сейчас материалы приводятся в систему, отбираются лучшие варианты и включаются в соответствующие тома свода.

В составе свода планируется охватить все жанры устного творчества марийского народа. В настоящее время точное количество томов свода определить затруднительно. Это зависит от многих факторов. В полном объеме подготовка потребует много времени. До недавнего времени и не мыслилось, например, издание материалов религиозного, магического, суеверного характера. Теперь в связи с пересмотром наших ценностей появилась возможность опубликовать их. Но, к сожалению, до настоящего времени работа над ними должным образом еще не начата. Сказывается отсутствие специалистов. Количественные же показатели свода, на наш взгляд, в ходе подготовки и издания будут уточняться. Свод должен состоять из стольких книг, сколько потребуется для полного охвата всего жанрового состава марийского фольклора.

Каждый том свода открывается вступительной статьей, содержащей историческую справку об изучении и публикациях произведений данного жанра, характеристику основных особенностей, специфику данной жанровой группы текстов, изложение принципов распределения материалов внутри тома. Затем следует публикация текстов произведений фольклора на марийском и русском языках последовательно. Каждый том содержит комментарии и указатели. Перевод осуществляется с сохранением национального колорита произведений.

Принцип распределения материалов внутри томов - жанрово-тематический, отчасти с учетом регионального. Составители намереваются отобрать наиболее ценные в идейно-художественном отношении материалы фольклора, собранные в республиках Марий Эл, Башкортостан, Татарстан, Кировской, Нижегородской, Свердловской, Пермской областях. Конечно, эти принципы в равной степени не могут быть осуществлены при публикации текстов всех жанров. В ходе работы над первой книгой (нумерация томов в дальнейшем не предусматривалась) "Мифы, легенды, предания" выяснилось, что принципом составления внутри этого жанра принят тематический в историко-хронологической последовательности. Весь добротный, качественный материал по этим жанрам составил один том.

Что касается сказок, песен, частушек, то здесь предусматривается издание по тому по каждой этнографической группе мари: "Сказки луговых мари" (издание состоялось в 1992 г.), "Сказки горных мари" (изданы в 1995 г.), "Сказки восточных мари". В такой же последовательности издаются песни и частушки. По этим жанрам в достаточной мере собраны материалы, имеется некоторый опыт в публикации. Во-вторых, достаточно отчетливо проявляются характерные специфические, региональные особенности сказок, песен, частушек луговых, восточных и горных мари.

В песенном, частушечном репертуаре мари Башкортостана и Татарстана, отчасти Свердловской области наблюдается влияние песенного творчества тюркских народов. Такие же закономерности наблюдаются в жанре сказки. Конечно, исключения не составляют в какой-то степени и другие жанры.

Свод "Марийский фольклор" станет подлинным достоянием марийского народа. Он войдет в сокровищницу марийской национальной культуры, будет способствовать сохранению устно-поэтического наследия для будущих поколений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Мифы, легенды, предания (Составитель *Акцорин В.А.*). Йошкар-Ола, 1991.

Р. Садиков
Уфа

СТРОИТЕЛЬНАЯ ЖЕРТВА "ГУЛБЕЧ ТАКА" У ЗАКАМСКИХ УДМУРТОВ

В строительной обрядности удмуртов особое место занимает обряд "гулбеч така вӧсян" (букв. "жертвование подпольного барана"). В этнографической литературе данный обряд трактуется как отложенная строительная жертва. Но, судя по всему, семантическое значение обряда иное, чем строительной жертвы в традиционной ее трактовке как частного воспроизведения "первого жертвоприношения", когда тело жертвы стало сакральным материалом творения. Чтобы разобраться в сути данного обряда, рассмотрим формы его бытования среди буйско-танып ских и татышлинских удмуртов Башкортостана и Пермской области.

По переселении в новый дом хозяин в подполье совершал обряд "сйзйськон" (обещание жертвы). В подполье устраивался маленький костер из лучинок, куда три раза бросались кусочки ритуальной каши и произносилось: "*Жукен сйзйсько гулбечам сьӧд така, возьма вал сюрытозьаз*" ("Кашей обещаю в подполье черного барана, подождал бы до нахождения подходящего барана"). В более модернизированных вариантах обряд сйзйськон проводили во дворе с караваем хлеба или кашей. Суть сйзйськона состоит в том, что обещали, по словам информаторов, жертву домовому и просили его подождать до того момента, как будет в своем хозяйстве подходящий черный баран, т.к. следует жертвовать именно барана из своего хозяйства. Как только в хозяйстве появлялся черный баран, его откармливали и осенью приносили в жертву. Процедура жертвоприношения имела локальные вариации. 1) Жертвенного барана закалывали в подполье, причем кровь его выливали в специально устроенную лунку. Молились в доме кашей с мясом. Кости и внутренности зарывали в ямке, устроенной под передним углом (д. Касиярово Бураевского р-на РБ). 2) Закапывали в подполье, молились в доме, кости относили в место "лы келян" (букв. "костей провожания место") (дд. Байшалы, Сарсаз Бураевского р-на РБ). 3) Закалывали там, где обычно забивали скотину, молились в подполье, кости сжигали в печке (д. Вязовка Татышлинского р-на РБ). 4) То же, но кости зарывали под передним углом в подполье (д. Верхнебалтачево Татышлинского р-на РБ.). 5) Закалывали в подполье, молились там же, кости сжигали в печке (д. Нов. Татышлы Татышлинского р-на РБ). В

некоторых местах молились в подполье с кашей, обращаясь к "гулбеч така" и не принося в жертву барана (д. Вотская Урада Янаульского р-на РБ). В обряде жертвоприношения должны были участвовать только члены данной семьи. Девушки, вышедшие замуж, уже не имели права принимать в нем участия.

Обряд характеризуется такими непременными элементами, как: 1) выбор в качестве места жертвоприношения подполья; 2) зарывание костей и крови жертвы в землю; 3) выбор в качестве жертвы животного черной масти; 4) участие в обряде только членов данной семьи. Все это соотносится с характеристиками жертвоприношений, связанных с культом Му-Кылчина, божества земли. Ему приносили в жертву животных черной масти, жертвенные дары зарывали в землю. Соотнесенность места жертвоприношения "гулбеч така" с подпольем указывает также на связь с землей. Культу Му-Кылчина также характерны обряды, в которых участвуют только члены одной семьи. Хотя то, что в данном обряде участвуют только члены одной семьи, не обязательно связывать его с культом Му-Кылчина. Таким образом, можно считать это жертвоприношение посвященным Му-Кылчину и, к тому же, некоторые информаторы сообщают, что по постройке дома приносили жертву именно ему. Но сам обряд "гулбеч така", по словам информаторов, был посвящен домовому: "*Зырт кузёлы ӟан сетӥськом шуо вал*" ("Домовому душу отдаем, говорили"), причем сам домовой выступал в образе "гулбеч така", который в подполье бодал стены и пугал детей.

По мнению исследователей, посвященность жертвы домовому является лишь поздней трансформацией. Действительно, удмурты в основном никогда не приносили домовому кровавых жертв и, как было уже сказано, этот обряд характеризуется чертами, присущими культу Му-Кылчина. Вероятно, обряд первоначально совершался при строительстве "куа", которая служила жильем до того, как удмурты освоили жилье типа избы, и, таким образом, являлся обрядом выкупа земли у Му-Кылчина. С освоением избы жертвоприношение начало соотноситься с домовым, который также "заселил" избу, в то время как в "куа" он не обитал. Некоторые авторы прямо связывают это жертвоприношение с обрядом выкупа земли для дома у Му-Кылчина. В пользу данного предположения говорит и тот факт, что обряд был обязателен лишь в случае, если дом был построен на новом месте, и не обязателен, если он был построен на месте старого дома, где данный обряд уже был проведен, т.е. участок земли был уже выкуплен. Обряд выкупа земли мы наблюдаем и в похоронных обрядах удмуртов. Например, на землю, предназначенную для могилы, перед ее рытьем клали треугольный кусок холста и разрубали

его, прося место для могилы. Также в могилу кидали серебряные монеты, которыми умерший выкупал себе участок земли. Интересен и тот факт, что гроб и надгробные сооружения воспринимались в качестве жилища умершего: в гробу прорубали отверстия-окна, над могилой возводили срубную ограду и иногда над ней устанавливали жердь, имитируя матицу.

Приведенные факты свидетельствуют в пользу того, что "гулбеч гака вӧсян" является обрядом выкупа земли у Му-Кылчина. Обряд не является строительной жертвой в традиционном ее понимании. К тому же у удмуртов, как и у других финно-угров, отсутствуют мифологические сюжеты о сотворении мира из тела "первой жертвы". Сообщения информаторов типа "если после перехода в новый дом умрет какая-нибудь скотина, то говорят, что взял дом", нельзя связывать с отголосками строительной жертвы. Скорее всего, они являются заимствованиями.

Ю. Сапегина
Йошкар-Ола

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ПРЕДАНИЯХ ЭТНОСОВ МАЛМЫЖСКОГО РЕГИОНА

Предания - наиболее распространенный жанр в фольклоре Малмыжского региона.

Проанализируем предания диалектически с двух сторон: с одной стороны, как часть самобытной культуры каждого из четырех этносов: удмуртов, мари, татар и русских, населяющих Малмыжский регион, с другой стороны - как результат взаимодействий, возникший благодаря межэтническим связям.

Среди удмуртских преданий можно выделить две группы:

1. предания о фантастических существах;
2. исторические предания.

К первой группе, прежде всего, относятся предания об особых водяных конях, записанные в д. Б. Докье. Это два предания о быстрых, неутомимых водяных конях "бурдо вал".

К фантастическим существам относятся и великаны - зэрпалы. Когда-то, еще до появления людей, на земле жили великаны огромного роста. Они были честны, упрямы и правдивы. Предание интересно наличием двух вариантов на сравнительно небольшой терри-

тории. Второй вариант предания наталкивает на мысли о стране великанов - великой и сказочной Биармии, поискам которой посвятили свои труды многие ученые.

Ко второй группе можно отнести исторические (удмуртские предания, в основу которых легли памятные события истории. Среди исторических преданий можно выделить две подгруппы:

1. топонимические предания, связанные с расселением родов;

2. предания о национальных богатырях.

Рассмотрим топонимические предания.

Для малмыжских удмуртов важно предание о Ватке и Калмезах. Предание интересно не только тем, что точно указывает на происхождение малмыжских удмуртов, но и описанием их занятий и межплеменных взаимоотношений. На территории Малмыжского региона записан цикл преданий о географических названиях, о расселении родов - предания о племенах Докья, Уча, Пудга и др.

Второй цикл составляют предания о богатырях. Среди удмуртских богатырей славятся быстрый Узя, отважные Тутой и Янтамир, могучие Бурсин и Бигра, мужественный Селта, справедливый Мордан и сильнейший Идна.

Нетрудно заметить общность сюжетов преданий о восьми богатырях. Они необыкновенно сильны и мужественны, но в решительный момент их подводит либо легая лошадь, либо жена.

Особняком в удмуртском фольклоре стоит предание о марийском князе Болтуше, записанное от гусляра Опоча в д. Б. Докье. Предание испытало влияние марийского, русского и татарского фольклора. Тесное сплетение различных национальных мотивов сделало сказание "Былое могущество Малмыжа" одним из интереснейших произведений устного народного творчества.

Своеобразны марийские предания.

К преданиям о фантастических существах можно отнести предание об Овде. Нет единого мнения о внешнем облике этого существа, предания рисуют его по-разному.

Близки к удмуртским преданиям о великанах-зэрпалах марийские предания о великанах - Онарах.

Исторические предания мари, подобно удмуртским историческим преданиям, можно разбить на две большие группы:

1. топонимические;

2. предания о богатырях.

Среди топонимических преданий можно выделить два цикла:

1. предания, объясняющие географические названия мест - Кинерь, Пижмарь и т.д., предания, отражающие расселение мари в свя-

зи с гибелью марийского княжества. Это предания о Мари-Малмыже и о селе У-Сола-Малмыжка;

2. следующую большую группу составляют предания о марийских богатырях: Алтыбае, Урсе, Ямшане, Ахпатыре, Шикваве и Казакларе, Пасывы, малмыжских князьях Ишкэ и Болтуше. Интересен образ бога-богатыря Чумбулата.

Самым популярным богатырем у мари считается Болтуш. Марийцы настолько влюблены в эту историческую личность, что в некоторых преданиях оставляют его в живых после смерти: таковы предания, записанные в д. Постниково и в с. Мари-Малмыж.

Несколько беднее представлен пласт татарских преданий в рассматриваемом регионе. К ним относятся топонимические предания о расселении булгар в Малмыжском крае. Это 2 варианта предания о деревне Маскара-Ишменево, предание о Кулларово. Топонимические предания татар отразили тесный контакт этнокультур мари и татар. Об этом свидетельствуют предания о д. Шишинерь, Янгулово.

Число исторических татарских преданий ограничено. Это предания об Алыпе, предание о падении г. Булгар, предание о дочери булгарского хана, предание о Мунигери и Алдарове.

Предания русских можно объединить в одну большую группу исторических преданий. Среди них можно выделить:

1) предания о марийском князе Болтуше;

2) предания о разбойниках и поисках кладов;

3) предания об исторических личностях.

Русские предания о князе Болтуше испытали сильное влияние общерусского фольклора.

Существуют 2 цикла преданий о Болтуше, связанных с предположением возможного захоронения князя Болтуша.

Каждый цикл своеобразен.

Три главных сюжета можно выделить в этих преданиях: 1)"заложные покойники"; 2) способ погребения; 3) клад.

Кроме преданий о Болтуше, следует отметить группу преданий о разбойниках и кладах.

12 преданий записано о разбойниках в с. Мари-Малмыж. Из них выделяется своей стройностью и красотой предание, записанное С.К. Кузнецовым. Некоторые из преданий испытали влияние христианской религии.

Отдельная группа преданий связана с известными историческими личностями: царскими воеводами, Михаилом Романовым, Емельяном Пугачевым.

Предания этносов Малмыжского региона отразили пространственно-временные рамки, показали формирование этнически ориен-

тированной среды обитания, конкретные исторические события и исторические личности. Вобрав в себя силу реальной действительности, предания в то же время воплотили богатство фантазии четырех этносов, являясь замечательными памятниками народного слова.

Г. Струёнкова
Саранск

КОМПОНЕНТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ МОРДОВСКОГО ЭТНОСА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В системе жизнеобеспечения мордовского этноса достаточно важное место занимают жилище и одежда.

Комплекс сельского жилища мордовского народа прошёл сложный путь развития, который характеризуется сохранением этнических традиций и возникновением новаций, сложившихся под влиянием активных контактов с другими народами (русскими, татарами, марийцами и др.), а также под влиянием социально-экономических изменений, произошедших в жизни за столетие.

Уже в первой половине XX в. изменения коснулись прежде всего фундаментального назначения жилой избы. Сохраняя собственно жилищную функцию, она постепенно теряла производственно-хозяйственную роль. Процессы обновления, носившие преимущественно характер реконструкции комплекса жилища, привели к смене двухраздельного жилища ("изба" - "сени") к более современным и развитым формам: "изба - прируб", "изба - изба".

Несмотря на распространение новых видов строительных материалов до настоящего времени чаще всего используется дерево. В то же время расширение индивидуального строительства в сельской и пригородной местности привело к заметному распространению кирпича и бетона.

Современные дома строятся более просторными с большим количеством окон, чем прежде. Устойчивой стала тенденция к более чёткой дифференциации жилых и подсобных помещений. Увеличение количества комнат изменило и характер использования традиционных типов жилища, в которых всё чаще выделяются прихожая, кухня, столовая, зал, гостиная, спальня.

В формах крыши, материале кровли и расположении жилых домов обнаруживается больше сходства, чем различий. Жилые дома до сих пор ставятся чаще всего перпендикулярно улице и имеют двускатные шиферные, железные или тесовые крыши.

Заметно изменился и сам интерьер мордовского жилища, характерной особенностью которого прежде являлось преобладание неподвижной мебели, которая была, в общем, весьма рациональна по своим формам и размещению. В течение последнего столетия она практически полностью была вытеснена вначале мебелью кустарно-ремесленного, а затем и заводского производства. Кроме этого, в настоящее время отмечается широкое внедрение в материально-вещевую среду предметов, преобразующих домашнее хозяйство и облегчающих домашний труд.

Одежда, являясь одним из ярких этнических определителей, также постоянно трансформируется под влиянием социально-экономических причин и этнокультурных заимствований и взаимоотношений. В результате этого уже к концу XIX века мужской костюм мордвы становится практически однотипным с русским, что было отмечено В.Н. Майновым. В то же время на протяжении этого столетия в женской одежде мордвы-мокши влияние русского костюма было значительно менее заметным, чем у мордвы-эрзи.

Двадцатый век характеризуется всё усиливающимся процессом исчезновения народного костюма из повседневного обихода. Начавшиеся в 30-е годы изменения в женском костюме к 60-70-м годам привели к самому широкому распространению форм одежды, характерных урбанизированному обществу. В последующие годы городской костюм постепенно занимает господствующее положение во всех сферах жизнедеятельности мордвы. Однако, судя по материалам полевых исследований, и в настоящее время можно отметить относительно более устойчивый уровень ношения национального костюма у мордвы-мокши, нежели у эрзи. Сочетание элементов городского и этнического костюма у мокши также встречается чаще. В то же время национальный праздничный костюм в различной её полноте отмечается у мордвы до настоящего времени в свадебном обряде. Причём интерес к нему не только не исчезает, но и в ряде мест даже усиливается.

В ходе трансформации народный костюм мордвы к настоящему времени не выполняет полностью или частично целый ряд присущих ей в былые годы функций. Во-первых, в определённой форме она утеряла практичность, что связано с выходом из употребления материалов, характеризующихся своей прочностью, гибкостью, воздухопроницаемостью, гигроскопичностью, хорошо сохранявшими тепло

и т. д. Уходит из обихода и просторный покрой одежды, что при физических нагрузках давало возможность сохранять нормальный кровоток в организме. Во-вторых, она в значительной степени потеряла свою эстетическую функцию, а с исчезновением ручной вышивки и украшений смысловую (указание через них на патронимическую и этническую принадлежность, вышивка — оберег, магический смысл) и эмоциональную нагрузку. В-третьих, современная народная одежда мокши и эрзи практически не выполняет свою социальную функцию в той мере, что было ей присуще ранее. Таким образом, несмотря на отмеченные преобразования в культуре и быту современного мордовского сельского населения, в его жилище и одежде еще сохраняются черты, позволяющие говорить о его национальном своеобразии.

М. Сусорева
Саранск

К ВОПРОСУ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ МАРИЙЦЕВ И МОРДВЫ

Многовековые узы дружбы, скрепленные духовной близостью, общностью жизненных интересов, исторических судеб, объединяют мордовский и марийский народы, принадлежащие по своим этническим и языковым особенностям к многочисленной и широко разветвленной семье финно-угорских народов, конкретно к группе, сложившейся в бассейне среднего течения Волги. Между ними существует и генетическое родство. Существование особой генетической мордовско-марийской общности в прошлом признают и многие ученые-языковеды. Не без основания говорят и об общности национального мироощущения и мировосприятия мордовского и марийского народов. Более того, в художественной культуре мордовского народа, как было отмечено на Первой международной встрече финно-угорских писателей, усматриваются и прослеживаются наиболее сохранившиеся формы и элементы традиционной культуры всех финно-угорских народов.

Изучением культуры, этнографии, истории и фольклора марийцев занимались еще в конце XIX - начале XX веков такие известные ученые из мордвы, как М.Е. Евсевьев и М.Т. Маркелов; изучению и

рассмотрению исторической основы и духовно-культурного своеобразия в литературах народов Поволжья посвящали свои труды известные литературоведы Н.И. Черапкин, А.В. Алешкин (Мордовия), Ким Васин (Республика Марий Эл) и др.

Представляют большой интерес творческие связи между марийцами (в частности, С. Чавайном) и известным еще в 20-е годы мордовским ученым М.Т. Маркеловым, к сожалению, надолго забытым в силу небезызвестных причин (погиб в условиях культа личности в 1938 году). Маркелов М.Т. в 1925 году был одним из руководителей Восточно-финской экспедиции на территории тогдашней Марийской области. М.Т. Маркелова, внесшего большой вклад в развитие отечественной этнографии, истории, фольклористики и музееведения, ученые Поволжья и Приуралья знали как крупного исследователя. Марийцам он посвятил свои очерки-исследования "Марийцы" (Очерк верования, 1931), "Культ священной рощи у марийцев" (1929), "Культ умерших в похоронных обрядах мари" (1930) и др. Ученый большой интерес проявлял к одежде и орнаменту марийцев, подготовив к печати большую монографию "Одежда мари-черемис". К сожалению, работа осталась неопубликованной. Рукопись хранится в архиве М.Т. Маркелова в Мордовском республиканском краеведческом музее (Осн. фонд № 3191/3-8).

Свидетельством творческого содружества является и обнаруженная в одном из спецфондов Чувашии фотография, на которой запечатлены участники Восточно-финской экспедиции: мордовский ученый М.Т. Маркелов, чувашский ученый филолог К. Гердт, основоположник марийской литературы С. Чавайн и И. Бондяков (есть основания предполагать, что это тот самый известный мордовский ученый-филолог И.Я. Бондяков, тоже ученик М.Е. Евсевьева. По данным источников, он также участвовал в Восточно-финских экспедициях АН СССР). Эта фотография, в течение многих лет отлученная от народа, проливает свет на многие факты.

При обращении к теме литературных взаимосвязей мордовского и марийского народов следует назвать в первую очередь имена первых в той и другой литературе. Первыми являются З. Дорофеев и С. Чавайн, учителем и воспитателем которых был, по словам известного венгерского ученого П. Домокоша, "великий старец мордовской литературы" М.Е. Евсевьев. В творчестве первых просветителей, основоположников национальной литературы - Чавайна и Дорофеева - с самого начала прослеживаются два направления: национальная и общечеловеческая, одним из главных источников, так сказать, "художественным арсеналом" явилось устно-поэтическое творчество. Литература, как известно, "произрастает" как бы из фольклора, уст-

но-поэтического творчества, предания и мифы которого являются историей народов, историей их родства, генетических связей.

Есть много свидетельств о том, что неолитические финно-угорские племена были объединены общей художественно-образной системой, единым космогоническим представлением о происхождении мира, человека, жизни на земле.

Древние этнические связи таятся и в самобытной песенной культуре наших народов (народные и свадебные песни), они просматриваются и в других жанрах фольклора (сказки, пословицы и поговорки), наблюдается общность и в музыкальной культуре; много сюжетных сходств в мордовских и марийских преданиях (например, в преданиях о богатырях, являющихся наиболее древним пластом исторических преданий). Однако следует отметить, что общие сюжеты имеют у каждого народа свою специфическую окраску, наполнены конкретным содержанием в зависимости даже от естественно-природных условий, географической среды и т. д.

Общим явлением как для отдельных представителей, так и в целом для мордовской и марийской литератур стало то, что каждая литература решала общую проблему - проблему приобщения своих народов к прогрессивным социальным тенденциям, выявляя и обобщая, таким образом, закономерности движения своих народов по пути общественного прогресса.

М. Урмацких
Ижевск

ОБРЯД ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ЖИВОТНЫХ У МАРИЙЦЕВ КАРАКУЛИНСКОГО РАЙОНА

В начале июня 1998 г. в деревне Быргында Каракулинского района мне удалось наблюдать жертвоприношение барана. Обряд был приурочен к так называемым экстраординарным событиям (т.е. эпидемии, стихийные бедствия и т.п.). В данном случае под такими событиями подразумевалось, как объясняли информаторы, обнищание и вымирание деревни.

Обряд проходил в священной липовой роще *Торкан-нер* (*Торкан* - имя собств., мне не удалось выяснить, какому народу оно принадлежит, *нер* "нос" - связан с топографическим расположением рощи). Участниками обряда были жители окрестных деревень Быргында,

Ныргында, Дубровка - всего 12 человек. Обязанности жреца исполняла женщина - жительница Дубровки. Обряд состоял из нескольких этапов. Утром, собравшись в роще у большой липы, они вознесли молитвы, причем женщинам во время моления стоять у липы не разрешалось, они должны были стоять поодаль, метрах в десяти. Мне объяснили, что этой молитвой они просят добрых духов позволить им принести умилостивительную жертву. Перед молитвой у дерева женщины расстелили скатерть, на которую были разложены жертвенные дары (хлеб, рыба). Перед тем, как заколоть барана, разводятся три костра, расположенные на одной линии. Каждый костер символизирует определенную часть барака - переднюю, заднюю и среднюю. Затем барану перерезают горло, собирая кровь в тарелку. Часть ее выливают в средний костер, а оставшуюся - выпивают у липы. Таким образом они жертвуют божеству душу животного. Голову барана, куски мяса от средней части и требуху, распределив по разным кострам, сжигают. Из оставшегося мяса варят на костре похлебку с пшеном (т.е. один из костров используется в качестве очага). Во время приготовления ритуальной пищи первые дары, лежащие на скатерти у липы, огораживают четырьмя колами. Затем участники молятся во второй раз, здесь уже каждый просит от божества то, что хотел бы получить от него, причем каждый стоит с зажженной свечой. Самую большую свечу ставят на липу. Моление продолжается до тех пор, пока не сгорят свечи. Следует отметить, что каждый молится про себя. После того, когда мясо сварилось, лучшие куски уносят под липу, оставшиеся с похлебкой раздают всем присутствующим. Остатки мяса, кости собирают в кучу и сжигают на костре, на котором прежде сожгли требуху. В конце все молятся, благодаря божество. Костры остаются догорать, после чего их забрасывают землей. Во время всех вышеописанных действий одна из женщин сидела в отдалении и, как мне позднее объяснили, она следила за тем - приняли ли жертву духи. И, как потом уже в деревне она сказала, что жертва была принята.

В заключение следует отметить, что подобный обряд является не единичным случаем в этом районе и, вполне вероятно, эта нарастающая тенденция свидетельствует о возрождении древних традиций марийского народа.

Н. Федосеева
Йошкар-Ола

СОВРЕМЕННАЯ МАРИЙСКАЯ ПРОЗА О 30-Х ГОДАХ

В последние десятилетия заметно расширилась тематика марийской прозы об историческом прошлом нашей республики. Пути изображения истории чрезвычайно сложны. От писателя требуется правдиво рассказать о типических сторонах жизни и воспроизвести события прошлого, дух времени и эпохи, показать роль и значение разных факторов как в политике, так и в культуре, в жизни людей. Автор должен воскресить прошлое во всей его многогранности. При этом нельзя не согласиться с мнением известного исследователя Л.П. Александровой о том, что "исторический факт - это объективная реальность, существующая независимо от нашего сознания и имеющая определенное, только ей присущее содержание. Документ - это зафиксированная реальность". Словом, историческая проза затрагивает все стороны минувшего со всеми его "за" и "против". Это заметно в мемуарах и воспоминаниях марийских писателей.

В марийской литературе одним из первых к этому жанру обратился Василий Ошэл. Его повесть "*Айдеме илаш шочеш*" ("Человек рождается жить") затрагивает одну из горьких страниц конца 30-х годов - репрессии периода культа личности. Затем эту тему затронули другие писатели: В. Любимов, М. Швед. "*Кыртни пичы кӧгӹшты*" ("Молодость в железной клетке"), "*Сибирьӹшты, ыжар сиреман сандӓлыкӹшты*" ("В Сибири, отчуждении"), "*Кыце солизш колхозым ӹштенна*" ("Как в деревне организовали колхоз") - так называются очерки М. Шведа. В них правдиво рассказывается о раскулачивании середняков, тех, кто своим трудом зарабатывал на хлеб и горбился в поле, своими мозолями строил свое хозяйство.

"*Ильыш курым - кужу корно*" ("Жизни век - длинная дорога") - произведение известного писателя Владимира Любимова. Если в повести В. Ошэла показана типичная картина лагерной жизни, то здесь В. Любимов описывает репрессии периода коллективизации, коснувшейся его семьи. В воспоминаниях показаны события, которые остро пережил герой, это репрессия родителей, прошение милостыни, смерть отца, начало войны. Рассказано о его первых шагах в литературе. Большое место занимают описания, как в трудные дни люди оказывали друг другу спасительную помощь. В то тяжелое время немало было и таких, кто отказался от своего мужа, жены, близких,

родственников. Почему это происходило? Такие люди хотели сохранить свою жизнь любой ценой. В том числе и предательства.

В произведении В. Любимова образы честных и трудолюбивых людей пробуждают чувства уважения, восхищения. Повествователь является судьей происходящего и судьей своей судьбы. Писатель называет это произведение романом. Сюжет построен на воспоминаниях о тех событиях, которые автор пережил сам. Не одних описаний для жанра романа недостаточно, по своим структурным и художественным особенностям это произведение - автобиографическая повесть.

В повести "*Ава мучи*" ("Сердце матери") В. Иванова изображается детство и юность Эдика Сапаева, прототипом которого является талантливый композитор Эрик Сапаев. Горькие страницы истории нашей Родины показаны в повести, начиная с 1937 года и кончая XX съездом КПСС. Сама форма произведения - это разговор матери с сыном в форме дневника, что помогает писателю глубже раскрыть мир души героев. Основная задача матери Эдика состояла в том, чтобы воспитать в сыне добрые качества, уберечь от зла, вселить веру в торжество справедливости. Варвара, мать Эдика, борется с государственной системой, защищая сына. Твердость ее характера и рассудительность помогают ей в этом сражении. Через редкие письма ее мужа мы узнаем об условиях жизни в сталинских лагерях.

Рассмотренные произведения помогают составить общую картину советской действительности 30-40-х годов.

С. Червонная
Москва

ЯЗЫЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА И МИФОЛОГИЯ В МАРИЙСКОМ ИСКУССТВЕ

Языческая мифология и символика играют важную роль в истории марийского изобразительного искусства, во многом определяя его поэтику, его национальное своеобразие, формируя его арсенал и проблемный тезаурус, придавая особую религиозную одухотворенность, колдовское очарование, романтическую таинственность, экзотическую неповторимость художественным образам, в которых претворяется и преломляется пантеистическое мировоззрение и восприятие мира.

Марийское языческое искусство - далеко не однородное явление как в историко-хронологическом, так и в типологическом измерении.

В этом явлении следует различать, по крайней мере, четыре стратиграфических слоя, которые, несомненно, соприкасаются друг с другом, но все же представляют собой довольно самостоятельные типы художественной культуры.

Первый слой - это древнемарийское искусство, вся изобразительная и знаковая система которого была самым непосредственным образом связана с древней магией, культами, религиозными представлениями об окружающем мире, вырабатывающимися в недрах еще первобытного общества. Определенная преемственность и палеоэтническая родственность археологических культур восточных (волжских) финских племен эпохи неолита, бронзы (чирковосеймийская культура) и раннего железа (ананьинская культура - северная параллель скифской культуры I тысячелетия до н.э.) позволяют рассматривать все это богатейшее историческое наследие - в качестве прамарийского и протомарийского искусства - в единстве с азелинской культурой раннего Средневековья и с собственно "древнемарийским" искусством XI-XIII веков. Семантика изображений (антропоморфных "идольчиков", мотивов "звериного стиля", миниатюрных "всадниц", имеющих свои аналоги в древнебулгарском художественном металле - в языческом искусстве IX-X веков, и т.п.) и знаков, составлявших устойчивые орнаментальные системы, этого древнего искусства, практически во всех его видах и материалах (камень, кость, керамика, металл), определялась религиозным мировоззрением и мифотворчеством людей, которые вкладывали в каждое изображение и символический знак определенное содержание, хорошо понятное им самим и чрезвычайно важное в системе магических заклинаний, духовного общения, связи поколений, в воспроизведении общей "картины мира", формирующейся в их сознании. Эта семантика менялась с течением веков, со сменой стереотипов сознания с изменением самого дискурса взаимоотношений человека с природой, и появление (как и исчезновение) определенных сюжетов и орнаментальных мотивов в искусстве предопределялось развитием языческого мировоззрения, формированием пантеона божеств, олицетворявших силы природы, философским мифотворчеством. Древнее марийское языческое искусство было органичной составной частью этого мифотворчества. Оно было понятно людям, которым оно служило и которых оно объединяло, в высшей степени прагматично, целесообразно, согласовано с верованиями людей, их представлениями о том, как отвести грозящую опасность, как привлечь удачу,

как защитить свой род и т.п., - и аутентично. Подлинно, непосредственно в выражении религиозных чувств, формирующихся этнокультурных традиций.

Второй тип марийского языческого искусства (и соответственно - иной исторический этап его развития) -это богатейший мир марийского народного творчества, известного нам, в основном, по этнографическим собраниям и материалам XIX-начала XX веков (имеющего, впрочем, достаточно сильное подкрепление и в археологических источниках, характеризующих марийскую культуру XVI-XVIII веков). Языческая символика в марийском народном искусстве (прежде всего в орнаментальных узорах, претворяемых в вышивках, в резьбе по дереву, в плетениях из лозы), а также фигурные и предметные изображения, восходящие к языческой мифологии (солярные и астральные мотивы в рисунках тамги, изображения коней и водоплавающих птиц - от "коньков" над крышей дома до фигурных ручек деревянных ковшей) существуют уже в силу определенной художественной традиции. Магическое значение того или иного символа и семантический смысл изображения, восходящий к древнему, уже забытому мифу, могут быть даже непонятны мастеру-резчику или мастерице-вышивальщице, которые воспроизводят эти мотивы скорее в силу эстетической или нравственной потребности ("так красиво", "так хорошо" для дома, для семейного уюта и благополучия) или в силу культурной преемственности ("так делали раньше"), нежели в плане выражения их религиозности. Переживая сложные процессы приобщения к христианской цивилизации, социальной перестройки, модернизации, просвещения, марийское общество, уже вступавшее в XX век, сохраняло память о своем языческом прошлом в народном искусстве.

Третий тип марийского искусства, которое в данном случае лишь условно, в кавычках, можно назвать "языческим", формируется в профессиональной художественной культуре - живописи, графике, скульптуре, театральной декорации - нового времени. В этом искусстве мотивы марийской "языческой старины" репродуцируются как "другая реальность", иллюстрируются как литературно-исторический сюжет, разворачиваются как театральное действие, при совершенно очевидной дистанцированности самого художника от того языческого мира, в который он скорее играет, нежели воспринимает его всерьез. В таком искусстве возможны и ироническая интонация, и отстраненно-объективное "описание быта и нравов", и критическое отношение к "темному прошлому", но не исключены и симпатия, и сочувствие, и эмоциональная романтическая увлеченность художника той марийской языческой экзотикой ("сказками марийского ле-

са"), которая близка его душе. Примеры такой искренней влюбленности в марийскую языческую старину мы встречаем в творчестве многих художников, живших в прошлом, живущих ныне в Марийской Республике (кстати, не только и не обязательно марийцев), причастных к историческому жанру, к интерпретации марийского фольклора, к иллюстрации марийских сказок, к созданию профессиональных параллелей миру народного творчества и к воспроизведению скрытой в орнаментальных узорах языческой символики в монументальном, декоративно-прикладном искусстве, книжной графике и т.п. Вспомним в этой связи работы К. Егорова, Б. Пушкова (вариации темы "Агавайрем"), И. Михайлина, А. Бакулевского (ранние иллюстрации к сказке "Рогатый князь Тукай"), А. Орлова, З. Лаврентьева, И. Ямбердова, Ю. Таныгина, Л. и А. Орловых.

Наконец, четвертый тип марийского языческого (или неоязыческого) искусства формируется в последнее десятилетие внутри по-своему уникального феномена возрождения языческой религии ("чистой марийской веры" - "ошмарий-чимарий") в современной Марий Эл. На примере творчества И. Ефимова можно проследить интереснейший процесс приобщения художника к сакраментальной роли жреца, сближения творческого акта с шаманским священнодействием, переосмысления фольклорного мифологического наследия в плане его духовной актуализации, возвращения искусству волшебной силы вознесенного к божеству моления или магического заклятия.

Л. Шабдарова
Йошкар-Ола

СИМВОЛИКА ЦВЕТОВ В МАРИЙСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ И ЧАСТУШКАХ

В песенном жанре марийского фольклора символика образов растительного мира почти не изучена. Следует отметить, что вся система марийской народной символики, впрочем, как и русской, определяется не закреплением символического значения за отдельными художественными образами, а функциональным значением этих образов. Сами по себе цветы никакого значения не имеют. Художественный образ цветов превращается в символ не в силу своих внешних качеств, а в силу того состояния, той функции, которую он

выполняет в общем контексте песни. По утверждению исследователя русских песен Н.П. Колпаковой, "тот или иной песенный символ никогда не возникает случайно: он всегда тесно связан с содержанием песни и не может рассматриваться вне этого содержания".

По философским взглядам марийцев, жизнь на земле состоит из трех периодов - рождения, расцвета и отмирания. Например, всякая жизнь подобна цветку: рождается, увядает, осыпается и уносится ветром времени: "*Чевер маке пеледыш, сандал маке пеледыш Кучаш ок лий: велалтеш. Мемнан (ы)рвезе умырнажым Чараш ок лий: эртен кая*". ("Маков цвет, красивый, алый. Рассыпается в руках. Не продлишь и не удержишь Нашу молодость никак").

С понятием счастья народная песня, также и частушка (в большей степени лирического содержания) связывают представления о здоровье, красоте, богатстве, общем семейном благополучии и, прежде всего, о счастливой любви.

Символика счастливой любви разнообразна. При изображении в песне любовного стремления и его удовлетворения много художественных образов взято из растительного мира. Как показывает анализ, символом счастливой любви, в частности, в русских текстах, является срывание цветов, веток, цветущих трав. Подобные символы в песенной традиции марийцев встречаются редко. В группу символов счастливой любви примыкает зелень, помятая или надломленная: мять, топтать цветы и траву, ломать ветви - древние символы любовного обладания. В большинстве случаев в лирических песнях исполнители посредством цветов поэтизируют своих возлюбленных. Например, д е в у ш к а и е е п р и в л е к а т е л ь н о с т ь передаются образами **пеледыш** 'цветка', **ош пеледыш** 'ромашки', **мӧр пеледыш** 'цветы клубники', **сандалвож** 'ландыша', **зӓнгӓр сӓскӓ** 'синего цветка' (указывается спектральный цвет) и так далее. Например:

Пеледыш гэй йолташем	Подобно милому цветку
Пеледышла ӧратем	Люблю свою подругу.
Изи чонем йӱлалтарен,	Мое сердечушко горит,
Кошташ эрвак шонкален	Думая о тебе постоянно

Посредством образа маке 'мака' могут ассоциироваться образы н е в е с т ы *Марлан лекше ӱдыржӧ - чевер маке пеледыш* 'Вот невеста - маков цвет', ж е н ы: *Когомакы ганьы вӓтем...* 'Как сортовой мак, моя жена...', д о ч е р и: *Изимакы ганьы ӹдӹрем...* 'Как цветочек мака, дочь моя...'.

Образ лукама 'розы' в марийскую песню вошел из русской поэзии. Первоначально для марийцев роза была лишь комнатным рас-

тением и как символ не употреблялась, но затем она стала отражать взаимную любовь: *Ой, йолташ, меманан коклаш Роза пеледыш пеледын* 'Ой, мой друг, между нами Роза-цветок расцвела'.

В некоторых текстах песенного жанра встречается образ **нарынче пеледыш** 'желтого цветка' (указывается спектральный цвет), с которым сравнивается девичий век. Например: *Алык лапеш пеледеш Нарынзы вуян пеледыш. Нарынзы вуян пеледыш - Ыдыр курым* 'На лугах цветет Желтенький цветок. Желтенький цветок - это девичий век'. А образ **торгавуй** 'василька' сопоставляется с молодецким веком.

Иногда встречаются образы **ал сӓскӓ** 'алый цветок' и **зӓнгӓр сӓскӓ** 'голубой цветок'. К примеру, в похоронной песне первое растение (ал сӓскӓ - *Л.Ш.*) ассоциируется с матерью, которой нет в живых, а второй отождествляется с живыми людьми:

Корно воктен гына зӓнгӓр сӓскӓже.
Ик ал сӓскӓ гына уке маш.
Чыла гына калыкат йырыштем улыт.
Ик аваем гына уке маш.

На обочине-то голубой цветок.
Лишь алого цветка там нету.
Все знакомые вместе со мною.
Лишь матери моей нет со мной.

Итак, самым популярным объектом сопоставления в песнях и частушках марийского народа являются образы-символы из мира растений. Для определения символики нами собрано более 3000 типов песен, где встречаются образы растений. Из них в 504 зафиксированы образы цветов, что составляет 16,8 % от исследуемого материала.

В группе символов "цветы" наиболее употребительны **маке** 'мак' - 21,6 %; **пеледыш** 'вообще цветы' - 19,2 %; **локама** 'роза' - 7,8 %, **нарынче пеледыш** 'желтый цветок' - 5,8 %; **мӧр пеледыш** 'цветы клубники', **ал сӓскӓ** 'алый цветок' - 5,6 %; **онгырвуй** 'колокольчик' - 3,4 %; **канде пеледыш (зӓнгӓр сӓскӓ)** - 'синий цветок', **сандалвож** 'ландыш' - 2,8 %; далее по убывающей **ош пеледыш (висвис)** 'ромашка', **ломбо пеледыш** 'цветы черемухи', **торгавуй** 'василек'; менее 2 % - **гӱл сӓскӓ** 'голубой цветок', **пеледыш сирень** 'цветы сирени', **локама пеледыш** 'цветы шиповника', **олмапу пеледыш** 'цветы яблони', **полан пеледыш** 'цветы калины', **локоншудо** 'лилия'.

Как показывает анализ, образы цветов в песенной традиции исследуемого народа чаще всего встречаются в поздних лирических и новых песнях. Большинство из них - это символы психологического характера человека, олицетворяющие духовное состояние личности. В поздних песнях, в которых эмоции выражаются откровеннее и

свободнее, возрастает число образов (особенно лирические), они начинают выражать индивидуальные смысловые моменты.

И. Ядарова
Йошкар-Ола

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПЕРВЫХ МАРИЙСКИХ ОЧЕРКОВ

Во второй половине XIX века, по мнению исследователей, в литературном творчестве марийского народа начался переход от устной культуры к письменной. Задачу сохранения коллективного духовного творчества своего народа взяли на себя учителя, ученые-краеведы, этнографы.

Для того, чтобы лучше узнать свой народ, им необходимо было изучить традиционный жизненный уклад, его ежедневную обиходную философию, сохранившуюся в преданиях, стихах, сказках.

Как ни один другой жанр, очерк позволял в художественной форме соединить в рамках целого произведения богатый фольклорно-этнографический материал, выполняя задачу восстановления культурного прошлого народа. Поэтому многие литературные памятники второй половины XIX века создавались в жанре публицистического, историко-этнографического очерка.

"Значение первых марийских очерков на этнографическую тематику так велико для последующего развития нашей национальной культуры, что теперь возникла необходимость переиздать их", - пишет К.К. Васин в своей статье "Культовые тексты и этнографические очерки - часть духовного наследия народа".

Так, в 1982 году Йошкар-Олинское книжное издательство выпустило сборник "Сылнымут памаш" ("Родник художественного слова"). В него вошли отрывки из этнографических очерков И. Молярова, С. Нурминского, В. Лукьянова, переведенные на марийский язык.

В очерке И. Молярова (1871) "Кугезе марий илыш" ("Из прошлой жизни мари") обнародованы интересные этнографические подробности о христианизации марийцев. Ведущее место занимает повествование о поступках и действиях персонажей - Акпарса и Макара. Герои очерка имеют свою индивидуальность, логику поведения. *"Акпарс - лудовымӧ, поро чонан (...) суапле пашаже, илышыж*

нерген кызытат марий-влак кугешнен, йӧратен ойлат" ("смелый, с доброй душой, о делах Акпарса, о его жизни и сейчас говорят с любовью и гордостью"). "*Макар - "шемчонан, (...) колымекшат, марий-влак туддеч лӱдын-чытырен ленын, изирак укшымат руал налаш тоштын огытыл*" ("даже после смерти марийцы продолжали бояться Макара с черной душой, не осмеливались срубить даже маленькой ветки"). Но сюжет не строится на столкновении и развитии характеров. Незначительна роль внесюжетных элементов. Нет лирических отступлений. Здесь ясно видна одна из жанровых особенностей очерка: бережное отношение к реалиям живой действительности и исследовательское начало.

Очерк В. Лукьянова "Марий йочан шарнымашыже" ("Воспоминания марийского ребенка", 1898) содержит элементы образного поэтического повествования. Прием сказа позволяет воссоздать правдивые детали жизни жителей села Атьсола (Сосново). Немаловажными являются портреты знахарки и ворожеи, интерьер - образы-вещи, выражающие предметно-бытовую обстановку, пейзаж - красочные картины окружающей природы.

Наиболее очевидная "причина" очерка - его творец, автор. Он сам - главное действующее лицо. Он ведет за собой свое войско фактов, воспоминаний, наблюдений.

В связи с приведенными выше примерами, уместно говорить об использовании в них фольклорного материала в традиционном этнокультурном аспекте. В своей идейно-художественной структуре такие историко-этнографические очерки сочетают в себе качества художественной литературы и исследования в публицистической интерпретации. Фаза активного бытования фольклора в конце XIX века определила закономерность дословного описания обычаев, религиозных верований черемис и сыграла большую роль в дальнейшем развитии реалистической прозы в марийской художественной литературе.

Г. Яковлева
Йошкар-Ола

СОВРЕМЕННАЯ МАРИЙСКАЯ ДРАМА

Период с середины 60-х и до сегодняшних дней принято считать современным этапом в развитии марийской литературы. Лите-

ратура этого времени - явление сложное, многообразное, требующее к себе серьезного внимания во всех ее аспектах. Марийские писатели значительно обогатили национальную поэтику, заметно расширили возможности отображения действительности.

В драматургии в первую очередь расширились проблемно-тематические грани, произошли перемены в жанровом отношении. В отличие от предшествующих музыкальных комедий появляются серьезные драмы, с волнующей современников тематикой. Такие сдвиги связаны как с приходом в драматургию новых талантливых авторов (М. Рыбаков, К. Коршунов, А. Юзыкайн, Г. Гордеев), так и активизацией деятельности уже опытных мастеров (А. Волков, Н. Арбан). В своем творчестве они затрагивают все жанры драмы. Следует отметить, что в литературоведении существует два понятия драмы: драма - как род художественной литературы наряду с эпосом и лирикой и как жанр, в узком смысле. Специфика драмы как рода литературы заключается в том, что она, как правило, предназначается для постановки на сцене. От такого понятия драмы отличается понимание драмы в более узком смысле как одного из видов - или, как иногда называют, одного из жанров драмы. Драма как вид - это пьеса, в основе которой лежит конфликт характера, находящий в финале свое, но отнюдь не трагедийное или комедийное разрешение. Но и трагическое и комическое начала присутствуют в ней, поэтому драму часто называют средним жанром. Кроме этого по своей широте изображаемых жизненных конфликтов и по тематике, драма - самый разнообразный жанр из всех видов драматургии. И поэтому для полного анализа драматического произведения необходимо выявить ее основные жанровые признаки: во-первых, драматический пафос произведения; во-вторых, конфликт между персонажами или внутренний конфликт героя; в-третьих, внутренний драматизм в характере героев; в- четвертых, интонационно-речевые средства.

В творчестве А. Волкова, М. Рыбакова, К. Коршунова наиболее четко проявляется одна из тенденций развития современной марийской драматургии - поворот от событий к характерам. К примеру, в пьесе М. Рыбакова "Кок эрге" ("Братья", 1960) внешних событий, способных заинтриговать зрителя, не так уж и много. Пьеса вызывает интерес самобытными характерами, острыми внутренними коллизиями между героями. Упоминание о производстве - строить или не строить телятник - лишь повод, чтобы приступить к разговору о серьезных жизненных проблемах, о трудностях колхозной деревни, о людях, по-разному понимающих общественно-нравственные нормы действительности.

По зову сердца действует и герой пьесы К. Коршунова "Шочмо мланде" ("Земля родная", 1960) дед Омыля. Он, возмущенный безразличием некоторых своих соседей к сельскому труду, возгорается страстным желанием изменить их отношение к земле, пробудить в них любовь к ней. И поступки героини драмы А. Волкова "Шошо мардеж" ("Весенний ветер", 1964) Лукерьи, вдовы убитого кулаками борца за народное дело, проникнуты мыслью о благе народа.

Здесь названа только часть произведений, затрагивающих важные стороны жизни и деятельности людей, параллельно с общественными проблемами. Их всех по жанровым признакам можно отнести к жанру социально-психологической драмы, к которой в последние годы так часто обращаются современные драматурги. Этому явлению можно дать объяснение. Ведь в основе социально-психологических драм лежат конкретные социальные проблемы (родная земля, отношение людей к ней, их миропонимание и т.д.), переплетающиеся с жизнью героев; сами герои предстают перед читателями как ярко сложившиеся социальные типы. А самое главное, многие авторы этих произведений являются очевидцами перемен действительности, им знакомы переживания своих героев.

С большим вниманием к человеческим характерам связана и другая тенденция современной марийской драматургии - интерес к морально-этической проблематике, к сфере душевной жизни людей. Автора таких произведений интересуют нравственные, душевные коллизии персонажей, вопросы их моральной ответственности за свои поступки и дела. В рамках этой тенденции возникают нравственно-психологические драмы. К примеру, драмы К. Коршунова "Щӹм парым" ("Долг сердца", 1988), М. Рыбакова "Венгр рапсодий" ("Венгерская рапсодия", 1984), В. Регеж-Горохова "Язык" ("Грех") и другие.

Марийские драматурги на современном этапе создали пьесы, отображающие героическое прошлое марийского народа, его борьбу за национальное освобождение. К числу таких пьес относятся, например, драма-легенда К. Коршунова "Аксар ден Юлавий" ("Аксар и Юлавий", 1975), в центре сюжета которой не только личные судьбы любящих друг друга Аксара и Юлавий, но и судьбы разобщенных между собой марийских племен, оказавшихся перед выбором; драма А. Волкова "Алдиар" (1981), в которой изображаются события, связанные с участием марийских трудящихся в восстании Степана Разина. История в этих пьесах раскрывается через судьбы, жизненные перипетии героев.

В 90-е годы в марийскую драматургию пришел новый автор Юрий Байгуза. Его пьесы "Порсын лӱнгалтыш" ("Золотые качели",

1993) и "Поргем умбалне ужара" ("Заря над пропастью", 1995) открывают новую страницу в развитии марийской драматургии в жанровом отношении. По своей тематике, поставленным вопросам, раскрытию характеров героев они относятся к жанру философской драмы. В центре пьес - глубокие размышления о жизни, назначении человека в нашей действительности, душевном богатстве каждого из них, вопросы добра и зла. Устами своих героев автор пытается найти ответы на волнующие современников вопросы, использует новые художественные приемы, средства для решения поставленной цели.

Конечно, в современных марийских пьесах не все идеально, в них есть и свои слабые места. Но в целом эти произведения во многом знаменуют собой возросший уровень художественного осмысления действительности. В интересе к социально-нравственным проблемам, в поисках новых художественно-изобразительных средств, способных расширить внутренние возможности драматических жанров, сделать их более емкими, - одна из примечательных сторон современного драматического процесса.

"Финно-угроведение", 1999, № 2-3

ФИЛОЛОГИЯ

Е. Андрианова
Йошкар-Ола

СТРУКТУРА ТЕРМИНОВ КРОВНОГО РОДСТВА В ВОЛЖСКИХ ЯЗЫКАХ

В науке при изучении системы терминов кровного родства и свойства принято деление родственников по горизонтали и вертикали. Такие компоненты, как пол эго (говорящий), пол альтера (другое лицо), характер родственной связи, линейность, обуславливают членение родственных отношений и, соответственно, деление родственников по горизонтали, а градация по поколенному и возрастному принципам осуществляется по вертикальной шкале.

Структура подсистемы кровного родства рассматривается по восходящей и по нисходящей линиям.

Первую восходящую ступень (+1) составляют кровные родственники старше эго, но младше его родителей.

+1.1. Кровные родственники мужского пола: младшие братья отца, старшие братья эго, племянники эго старше него, односельчане старше эго, но младше его родителей. Мужчин, входящих в эту категорию, эго называет: мар. Л. *изай*, мар. Г. *йза*; морд. Э. *леляй*, морд. М. *альнякай*.

+1.2. В этой ступени находятся родственники женского пола: старшие сестры эго, младшие сестры отца и матери, племянницы старше эго, женщины-односельчане, которые младше родителей и не являются женами кровных родственников: мар. Л. *акай*, мар. Г. *аки*; морд. Э. *патяй*, морд. М. *акай*.

Родители эго представлены во второй восходящей ступени - +2.

+2.1. Эту категорию составляет отец эго: мар. Л. *ачай*, мар. Г. *ати*; морд. Э. *тетяй*, морд М. *аляй*.

+2.2. В эту категорию входит мать эго: мар. Л. *авай*, мар. Г. *ави*; морд. Э. *авай*, морд. М. *авакай*.

Третью восходящую ступень (+3) представляют старшие братья и сестры родителей, младшие братья и сестры дедушек и бабушек.

+3.1. Составляют мужчины: старшие братья отца и матери, младшие братья деда и бабки, мужья старших сестер отца и матери, младших сестер деда и бабки, пожилые мужчины-односельчане старше родителей эго, но младше деда и бабки: мар. Л. *кугызай*, мар. В. *павай*, мар С-З. *кугузай*; морд. Э. *од деда*, морд. М. *патяй*.

+3.2. Женщины: старшие сестра отца и матери, младшие сестры деда и бабки, жены старших братьев отца и матери, младших братьев деда и бабки, женщины этого возраста, но при этом они не являются по отношению к эго тещей или свекровью: мар. Л. *кокай*, мар. Г., С-З. *кукка*; морд Э. *од баба*, морд. М. *ивака* 'тетка со стороны матери', *щака* 'тетя, жена брата матери'.

Четвертую восходящую ступень (+4) составляют дедушка и бабушка, их старшие братья и сестры, посторонние мужчины и женщины их возраста.

+4.1. Мужчины: дед, старшие братья деда и бабки, посторонние мужчины того же возраста. Эго их называет: мар. Л. *кочай*, мар. Г. *тьотя*, мар. С-З. *т'ут'а*; морд. Э. *бодяй*, *атяй*, морд. М. *атяй*.

+4.2. Женщины: бабушка, старшие сестры деда и бабки, все женщины их возраста. Эго их называет: мар. Л. *ковай*, мар. Г. *папи*; морд. Э. *бабай*, морд. М. *бабай*, *щавай*.

В пятой восходящей ступени (+5) находятся прадеды и прабабки.

+5.1. Эту ступень составляют мужчины: отцы деда и бабки, все предки мужского пола: мар. Л. *кугезе кочай*, мар Г. *когот'от'и*; морд. *продеда*

+5.2. В этой ступени находятся матери деда и бабки, все предки женского пола: мар. Л. *кугезе ковай*, мар. Г. *коговапа*; морд. *пробаба*.

Первую нисходящую ступень (-1) составляют младшие родственники эго, кроме его детей.

-1.1. Родственники мужского пола младше эго: мар. Л. *шольо*, мар. Г. *шоля*; морд. Э. *вишка алька*, морд. М. *дуганняй*, *пяльняй*.

-1.2. Родственники женского пола младше эго: мар. Л. *шӱжар*, мар. Г. *шыжар*; морд. *сазор*.

Вторая нисходящая ступень характеризуется детьми эго.

-2.1. Дети мужского пола эго: мар. *эргым*; морд. *цёра*.

-2.2. Дети женского пола эго: мар. Л. *удырем*; морд. Э. *тейтернем*, морд. М. *стирняй*.

В третьей нисходящей ступени (-3) находятся внуки и внучки эго, где дифференциация пола отсутствует: мар. Л. *уныка*, мар. Г. *ыныка*; морд. Э. *нучька*, морд. М. *унок*.

С. Апсатарова
Йошкар-Ола

ФОРМИРОВАНИЕ ФОНЕМ Ӓ И Э В МИШКИНСКОМ ГОВОРЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ КОНТАКТА С ТЮРКСКИМИ ЯЗЫКАМИ

Мишкинский говор относится к восточной группе диалектов марийского языка. Его носители живут в северной части республики Башкортостан, в Бельско-Бирском междуречье.

Из-за отсутствия тесного контакта с луговыми марийцами, а также в связи с интенсивностью тюркского влияния в речь мишкинских марийцев в ней выработались некоторые диалектные черты. На речь мишкинских марийцев большое влияние оказал татарский язык. Доказательством служит лексика говора, а в значительной степени и фонетика, и грамматика.

Остановимся на фонетике, в частности на фонемах ӓ и э.

Фонема ӓ является нелабиализованной гласной переднего ряда, по подъему языка занимает среднее положение между гласными а и е, акустически близка к русскому а в положении между мягкими согласными.

Фонема ӓ в мишкинском говоре, как и в других восточномарийских говорах, относится к числу вторичных образований, возникших в результате межъязыковых контактов с соседними тюркскими языками. Древнемарийский ӓ в говоре изменился в гласные а и е.

Употребление гласного ӓ в мишкинском говоре не ограничено каким-либо фонетическим положением Он встречается во всех позициях слова:

1. в анлауте, например: *ӓзӓл* 'судьба', *ӓмӓн* 'все же, все еще', *ар* 'совесть', *ӓйвӓн* 'хороший';

2. в первом слоге после согласных, например: *рӓвӓ* 'толк', *ӓӓрт* 'дар', *кал* 'сила', *кӓйлӓ* 'причина', *насыл* 'род фамилия', *кӓдыр* 'уважение, честь';

3. в непервых слогах, например: *устарӓш* 'добавить', *шӓйлӓш* 'наблюдать, смотреть', *тӓнталтӓш* 'попадать', *укчӓш* 'жаловаться', *тӓскӓн д'ӓ* 'без пользы, без толку';

4. в ауслауте: *пӧлӓ* 'комната', *ӱвыра* 'комар', *тӧрзӓ* 'окно', *ӓрӓмӓ* 'тальник', *чӓршӓ* 'занавес'.

Фонематический статус гласного ӓ в мишкинском говоре устанавливается не только дистрибутивным анализом его употребления

в различных фонетических условиях, но и способностью выполнять смыслоразличительную функцию. В говоре имеется немало минимальных пар слов, в которых гласный ӓ служит их различителем, например: *акӓй* 'название старинного головного убора замужних женщин у восточных мари' - *акай* 'старшая сестра', *кадӹр* 'честь, уважение' - *кадыр* 'украшение в виде извилистой лишни на верхнем платье восточных марисек', *ран'д'аш* 'сетовать на кого-что-либо' - *рон'д'аш* 'разматывать, раскручивать', *ӓд* 'или, либо' - *ӓ̈й* 'пей', *шап* 'быстро' - *шып* 'тихо'.

Другим специфическим звуком мишкинского говора является гласный звук ə, который характеризуется как неогубленный гласный переднего ряда выше среднего подъема. По своему качеству этот звук идентичен с горномарийским гласным ə.

Гласный ə заимствован из тюркских языков в период самостоятельного развития и бытования мишкинского говора. Например: *мӹндер* 'подушка' < тат., башк. *мендəр*; *мӹскӹнь* 'бедняжка' < *мескенкəй*.

Употребление и позиционное распространение фонемы ə в мишкинском говоре несколько ограничено: она не может выступать в абсолютном конце слова, она употребляется в остальных позициях:

1. в абсолютном начале слова, например: *ынӹ̈ралаш* 'мучать', *ынӹлаш* 'мучать, издеваться над кем-либо';

2. в первом слоге после согласных, например: *тӹ̈кӓ* 'крутой', *тӹнтӓ* 'овод', *д'ӹ̈ʒəр* 'сила, мощь';

3. в непервых слогах: *увӹ̈рӓ* 'комар', *нӓсӹ̈л* 'род, фамилия', *отӹ̈к* 'утюг', *кӓсӹрле* 'уважаемый'.

Фонематичность гласного звука ӹ можно доказать следующими парами слов: *пӹ̈тӹр* 'скалка' < *патыр* 'много', *тӹ̈кӓ* 'крутой' < *тукӓ* 'коснется', *гӹ̈л* 'всегда' < *гул* 'цветок комнатный, голубой'.

На основании вышеизложенного можно заключить, что гласные звуки ӓ и ə в мишкинском говоре являются самостоятельными фонемами. Они относятся к числу вторичных образований, возникших в результате межъязыковых контактов с тюркскими языками.

Л. Барцева
Йошкар-Ола

О СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛОВ МАРИЙСКОГО "ЙОШКАРГАШ" И МОРДОВСКОГО "ЯКСТЕРЬГАДОМС"

В лексике марийского и мордовских языков имеются слова, поражающие лингвистов удивительным фонетическим и семантическим сходством (1, с. 41). Действительно, в марийском языке содержатся немало языковых фактов, свидетельствующих о былых марийско-мордовских языковых связях. В качестве примера в настоящей работе остановимся на семантической структуре глаголов мар. *йошкаргаш* и эрзя-морд. *якстерьгадомс* со значением 'краснеть', 'покраснеть'. Понятийное содержание этих слов определяется рядом соприкасающихся друг с другом ингредиентов, расчленимых на единицы элементарного смысла. В словаре марийского языка (2) лексико-семантические варианты глагола *йошкаргаш* даются в следующей последовательности. 1) краснеть, покраснеть; становиться, стать красным; 2) краснеть, покраснеть; покрываться, покрыться румянцем (от стыда); 3) краснеть, покраснеть; раскаляться, раскалиться докрасна; 4) краснеть, покраснеть; зреть, созревать, созреть (о ягодах, плодах); 5) поджариться, румяниться, подрумяниться; становиться, стать румяным. В эрзянско-русском словаре (3) у лексемы *якстерьгадомс* отмечены два значения: 1) стать красным; покраснеть; 2) перен. испытать стыд; застыдиться (разг.).

С точки зрения современного языкового восприятия наиболее обусловленным парадигматически и наименее - синтагматически является:

1 первое, главное значение 'краснеть, покраснеть', 'становиться, стать красным'. Внутреннее содержание данного лексико-семантического варианта (ЛСВ) состоит из следующих сем: 'становиться красным + вследствие естественного развития или под воздействием другого предмета' Например: мар. *Кава йошкарген* 'Небо покраснело'; *Сылнийын шинчаже койын йошкарга* (К. Васин) 'У Сылвий глаза краснеют на виду'; *Вур дене салтакын шинельжат йошкарген* 'От крови покраснела даже шинель солдата'; морд. *Менелесь якстерьгадось чи валгома енов* 'Небо при закате солнца стало красным'.

Как видно из примеров, субъектом данного действия могут быть только неодушевленные конкретные предметы.

2. второе значение 'краснеть, покраснеть', 'покрываться румянцем (от стыда, злости, повышения температуры, физической нагрузки)'. Например: мар. *Альбина, аважын ойлымыжым колыштын, тарайла йошкарыш* (М. Иванов) 'Альбина, слушая рассказ матери, покраснела, как кумач'; морд. *Апок ульнес евтамс лелянтень мезеяк истямо, мездемть тона якстерьгадоволь* (К. Абрамов) 'Готов был сказать дяде что-нибудь такое, от чего бы тот покраснел'.

ЛСВ-1 и ЛСВ-2 объединяет сема приобретения предметом красного цвета. Производителем действия ЛСВ-2 выступают одушевленные существительные, несмотря на то, что речь идет об изменении цвета лица человека, которое является результатом испытывания людьми чувства стыда, злости, болезни, физической нагрузки. "Человек - часть тела человека (лица)" - это образное представление, возникшее вследствие совмещения впечатлений одного (целого) предмета с другим, смежным с ним в пространстве. Как известно, при метонимии как исходное прямое, так и переносное производное значения представляют собой прямые номинации. Метонимические переносы лишены экспрессивной окраски. Вот почему в словаре марийского языка составители выделили данное значение как прямое, а в эрзянско-русском словаре заслуженно включили его в состав переносных ЛСВ. С точки зрения лексикографии трансформации по смежности не выделяются в словарях пометкой *перен.*, они рассматриваются в качестве прямых значений.

3 'краснеть, покраснеть, зреть, созревать, созреть (о ягодах, плодах)'. Например: мар. *Шошым пеледыш пеледеш, шыжым сюсь йошкарга* 'Весной цветут цветы, осенью созревают фрукты', морд. *Умартне кормасть якстерьгадомо* 'Яблоки стали краснеть'.

Семантическая структура ЛСВ-3 распадается на следующие семантические компоненты: 'становиться красным + вследствие естественного развития + как результат созревания'. Субъектом могут быть только предметы, обозначающие фрукты, ягоды. Приобретение красного цвета данными предметами свидетельствует об их полном развитии.

ЛСВ-3 в эрзянско-русском словаре отсутствует вообще, хотя фактический материал говорит о его наличии в языке.

4 'краснеть, покраснеть; раскаляться, раскалиться докрасна'. Например: мар. *Вашке куртньо конга мугырен йулаш тунале, изиш лиймек, тул семынак йошкарыш* (А. Красноперов) 'Вскоре дрова в железной печи с шумом разгорелись, через некоторое время печь покраснела, словно уголь'; морд. *Кшнись кагямонть эйстэ якстерьгадсь* 'Железо от накала стало краснеть'.

В структурный компонент ЛСВ-4 входят семы: 'становиться красным + вследствие сильного нагревания огнем, жаром'. Производителями действия могут служить твердые предметы, способные подвергаться накаливанию и приобретающие в результате этого процесса красный цвет:

5 'поджариться, румяниться, подрумяниться'. Например: мар. *Кугу конаш мелна кушташ сай, мелна ӱмбалат йошкарга* 'В русской печи хорошо печь блины, блины получаются румяными'; морд: *Трякотне коштомсонть кармасть якстерьгадомо* 'Пироги в печке стали краснеть'.

Данное значение в отличие от предыдущих приобретает новый смысл, новую цветовыразительную силу. Ярко проявленный красный цвет, присущий другим ЛСВ, нейтрализуется, акцентируется коричневый оттенок. Однако семантическое согласование с ЛСВ-1-4 сохраняется, их интегрирует ощущение насыщенности цвета, его пронизывающая сила, яркость.

ЛСВ-3,4,5 в эрзянско-русском словаре не нашли своего места. Однако иллюстративные материалы подтверждают об их активном употреблении в языке.

Сопоставление внутреннего содержания марийского глагола *йошкаргаш* с мордовским *якстерьгадомс* 'краснеть, покраснеть' позволило нам обнаружить их абсолютное совпадение в значениях. Это еще раз доказывает не только фонетическое сходство двух названных выше глаголов, но и общность их семантики. Таким образом, можно констатировать, что данные глаголы являются однокоренными.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Казанцев Д.Е.* Формирование диалектов марийского языка. Йошкар-Ола. 1985

2. Словарь марийского языка. Т. II. И-К. Йошкар-Ола, 1992.

3. Эрзянско-русский словарь. М., 'Русский язык', "Дигора', 1993.

И. Галкин
Йошкар-Ола

ОБ ОДНОМ ИЗ ПРИНЦИПОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ И ФОРМ

В 1977 г. мы писали, что в процессе взаимодействия в одном из языков возникает такой период, когда собственные и несобственные элементы языка (иногда и несобственные, но ставшие собственными) начинают функционировать параллельно (1, с. 107-110). В дальнейшем из этих параллельно существовавших элементов собственный языковой элемент уступает место своему сопернику. Но нередко случается и так, что он сливается с несобственным элементом в единое целое. При этом один из слившихся элементов может деэтимологизироваться или сохранить свое первоначальное значение. В тех случаях, когда один из соединившихся компонентов деэтимологизировался, мы находим сложные слова наиболее древнего порядка, например, волжск. *шужо́р*, горн. *шӹштер* 'молоко', вместо *шор* 'молоко' в других диалектах. Подобные явления характерны любым контактирующим языкам.

Длительные языковые контакты в пределах определенного географического ареала часто приводят к конвергентному развитию контактирующих языков. Конвергентное развитие контактирующих языков возможно, как нам кажется, лишь в том случае, когда эти языки находятся в равных условиях, носители которых по количественному составу почти одинаковы, соседствуют мирно, независимо и имеют тесные хозяйственные и иные связи. В случае же неравного положения, когда носители одного контактирующего языка многочисленнее, чем носители другого языка, или они являются победителями малочисленного этноса, структурное схождение их почти невозможно: язык победителя всегда навязывает свою лексику и свою структуру. При этом носители языка малочисленного или же побежденного этноса обычно почти все становятся двуязычными. При равном же положении контактирующих языков обычно носители обоих языков становятся двуязычными, взаимопроникновение элементов этих языков происходит мирно. Однако, несмотря на это, освоение элементов чужого языка происходит в ходе внутренней борьбы с родными элементами, в результате чего изменяется качество семантической структуры родного элемента или он полностью утрачивается.

При неравном положении носителей контактирующих языков, прежде чем иноязычные элементы начнут преобладать в одном из взаимодействующих языков, наступает период равновесия, т.е. такой период, когда ни один из языков не ассимилируется другим. Носитель малочисленного или побежденного этноса настолько свободно владеет обоими языками, что ему безразлично, на котором выражать свои мысли. Однако и здесь он чувствует некоторое давление языка многочисленного или победившего этноса. В лексике это выражается в том, что в одном из взаимодействующих языков наряду с лексемой родного языка для выражения одного и того же понятия на равных правах начинает употребляться лексема чужого как бы для большего понимания при общении. Это весьма наглядно можно проиллюстрировать на финно-угорских языках Поволжья и Приуралья. Например, в настоящее время на большей территории Республики Марий Эл марийцы хорошо владеют русским языком, лексика русского языка проникает в марийский язык весьма активно и нередко сосуществует с лексикой марийского языка, подвергаясь лишь некоторому фонетическому и грамматическому видоизменению, ср. *справоч - ключ, курго - корма, шуштыкташ - возитлаш* и т.д. При татарско-марийском или чувашско-марийском активном двуязычии происходило это же явление, местами и сейчас происходит с татарскими и чувашскими проникновениями, ср. *вий-куат* 'сила, мощь' из мар. *вий* 'сила' и тат. *куат* 'сила, мощь', *уш-акыл* 'ум, разум' из чув. *ăш* 'ум' и тат. *акыл* 'ум, разум'. Слово *вий* 'сила' финно-угорского происхождения, ср. морд. *вий* 'сила', финн. *voima* 'сила', удм. *катьви* 'сила' из *кать* 'сила', манс. *вог* 'сила', хант. *вей, вег* 'сила'.

В большинстве случаев синонимичная иноязычная лексема отрывает лексему родного языка от обозначаемого понятия, отталкивает на периферию, а затем занимает ее место, ср. *пекракол, тумен* при современных *осётр, миллион*. Слово *тумен* проникло в марийский язык из древнечувашского языка, ср. чув. *тĕмен* 'тьма, бесчисленное множество'. С этим значением оно и воспринято марийским языком, о чем свидетельствует устаревшее выражение *тӱмен-тумесыр* 'бесчисленное множество'.

Сливаться могут синонимичные слова как разносистемных неродственных языков, так и родственных. Например, в западной зоне марийских диалектов употребляется слово *шума, ышма* 'рот', в восточной зоне - *умша* 'рот', которое состоит из двух финно-угорских слов со значением 'рот, дыра': *шу* и *ум*, ср. финн. *suu* 'рот', мар. *ильшу ине* 'иголка' + *шу* 'дыра', т.е. 'ушко иголки', удм. *ыл* 'рот', коми *вом* 'рот'. Противоположное расположение компонентов сложного слова в западной и восточной зонах марийских диалектов воз-

никло под влиянием соседних близкородственных языков, представлявших в древности диалекты финно-угорского праязыка. В сложном же диалектном слове волжск. *шӱжӧр*, горн. *шӹшер* 'молоко' слились два синонимичных слова, проникших в марийский язык из неродственных языков, ср. монг. *сү* 'молоко', перс., курд., тадж. *шир* 'молоко'. Компоненты рассматриваемого сложного слова слились так сильно, что самостоятельное употребление лишает их всякого смысла в этих диалектах. Нельзя сказать *шӱ* 'молоко': это слово совершенно дезэтимологизировалось, хотя слово *шӧр* 'молоко' наличествует в других диалектах.

Наши наблюдения показали весьма интересную особенность расположения компонентов сложных и составных слов, состоящих из синонимичных элементов. Родной или ставший уже родным иноязычный элемент, как правило, занимает препозитивное положение, а не ставший родным иноязычный элемент - постпозитивное, ср. *вий-куат* 'сила, мощь', *шонго-карта* 'старик', *шум-чон* 'душа', *тау-пасибе* 'спасибо', *шүжӧр, шӹшер* 'молоко' и др.

Проведя этимологический анализ подобных слов, мы устанавливаем языковую принадлежность их компонентов. Зная о том, что родной или ставший уже родным элемент занимает, как правило, препозитивное положение, мы с уверенностью устанавливаем хронологию проникновения этих компонентов. Для установления времени проникновения их необходимо воспользоваться данными истории, археологии, этнографии, антропологии и топонимии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Галкин И.С.* Некоторые вопросы контактирования языков. СФУ, 1977, № 2.

Ф. Гордеев
Йошкар-Ола

О ПОЗДНЕСАРМАТИЗМАХ В ГОРНОМ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ДИАЛЕКТАХ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Имеется несколько позднесарматских лексических проникновений в горном и северо-западном наречиях марийского языка

1. *Пытари, пыртари* Г, *пытари* СЗ (шаран.) 'первый (раз), прежде всего; во-первых' Г и 'сначала, сперва' СЗ. Сюда же следует отнести *пытарли* "тж", *пытариш* Г 'первый, первоначальный', как и *пытаришы* СЗ (шаран.) 'последний', в абсолютном исходе которых выступают отыменные суффиксы *-и (-ли), -ли, -иш (-ишы)*. Ср. *первишы* Г 'прежний, старинный'; *первой* 'раньше, в старину' и *первейшы* СЗ 'первый, старинный'.

Праформа рассматриваемых корнеслов может быть реконструирована в виде **пертар-*, отражающая позднесарматский источник **пертар-* 'первый' при авест. *frataro* 'первый из двух', скиф. *fratama* 'первый', др.-инд. *pratama* (1, с. 194; 2. с. 165) "тж".

2. *Нар : нар эдем* Г миф. 'великан' (мар. *эдем* 'человек'). Сопоставляем со скиф. *nar*, авест. *nar* 'мужчина; самец', осет. *nal* 'самец'.

В лугововосточном анализируемой лексеме соответствует *онар* миф. 'великан', в начале которого выступает сарматская привативная частица *а* 'не, без'. Ср. др.-инд. *a-nar-ya* (2, с. 151) 'не мужчина, лишенный мужества' (по М. Фасмеру). По всей вероятности, следует отбросить семантику "лишенный мужества", а, наоборот, *онар* (< др.-мар. **снар* < позднесарматск. **onar* < др.-иран. **a-nar-*) имело значение "не-мужчина, а выше его - великан". Семантический сдвиг мог иметь место на позднесарматской почве. Ср. мар. *рун* Л, В, СЗ, Г *рунг* Л (волж.) 'мокрота, сопли' < общемар. **рунг* < позднесарматск. **рунга/*ронга* 'мокрота', осет *роноз* 'сукровица, кровяная жижа' - восходит к **ranga* (3, с. 420-421) при перс. *rang*, др-.инд. *ran'ga* 'цвет'. *О ~ у* типично и для современного осетинского языка: зап.-осет. *рохс* / вост.-осет. *рухс* 'свет'.

3. Усилит. частица *-ма* '-ка; же': *пу* 'дай' - *пуай* 'дай-ка', *пуэмä* 'тж; дай же'. Сопоставим с осет. *ма* '-ка; пока'. *цäй* 'ну' - *цай-ка* 'ну-ка'; *зäгъ* 'скажи' - *зäгъ-ма* 'скажи-ка мне'.

4. Усилит. частица *ман'е* Г 'да'. Представляет контаминацию двух тех же лексем: *ма* '-ка; же' (см. выше, *-ма*) и *на*, последнее из которых следует сопоставить с осет. (дигор.) *на* 'ведь'.

В таком же виде из различных диалектов позднесарматского языка проникли и другие позднесарматизмы со своими специфическими отклонениями в фонетическом развитии для марийского языка. Обычно финно-угорск. **ä* в луговом отражается в виде э (*е*), в горном, северо-западном - в виде *ä*, ср. фин. *järvi*, мар. *йäр* Г, СЗ, *йэр* Л, В 'озеро'. А позднесарматск. **а* в ряде иранизмов выступает наоборот в виде *а* в луговом, восточном, а в горном в виде э (*е*). Например, *каласаш* Л,В, *келесäш* Г, СЗ 'сказать, рассказать' при осет. *gälas/ɣäläs* 'голос; глотка'. В связи с этим следует указать на ошибочность утверждения В.И. Абаева (3, с. 288-289) по поводу осет.

'голос; глотка' как возможное старославянское проникновление в скифский период.

Оттесненные тюрками (гуннами и булгарами) со своих юго-восточных родных мест (Уфимско-Камско-Елабужского и Заказанского Поволжья) позднесарматские этнические объединения вынуждены проникать в состав численно преобладающих позднегородецких племен и вместе с азелинцами содействовали образованию древнемарийского этноса во II-VI вв н.э. в Казанско-Марийском Поволжье.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
2. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.
3. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2, 1973.

Сокращения

Диалекты вост.-осет. - восточноосетинский, В - восточный диалект марийского языка, Г - горный диалект марийского языка, зап.-осет. - западноосетинский, шаран - шаранский говор северо-западного диалекта марийского языка, СЗ - северо-западный диалект марийского языка

Языки авест. - авестийский; др.-инд. - древнеиндийский; др.-мар. - древнемарийский; мар. - марийский, миф. - мифический; позднесарматск. - позднесарматский; перс. - персидский; скиф. - скифский, фин. - финский.

О. Зорина
Санкт-Петербург

КУЛИНАРНАЯ ЛЕКСИКА ФИНСКОГО ЯЗЫКА

Кулинарная лексика составляет важную часть лексики финского языка в целом. На первый взгляд кажется, что кулинарных терминов совсем немного. Но при более тщательном изучении этого пласта лексики обнаруживается огромное количество слов (существительных, глаголов и даже прилагательных), более или менее имеющих отношение к области кулинарии. При изучении данной темы открывается неограниченная область для исследования этимологии, семантики, словообразования кулинарных терминов. Кроме того, кулинарная лексика интересна сама по себе не только с точки зрения ученого-исследователя, но и простого обывателя, а также человека, изучающего финский язык как иностранный. Наиболее характерные,

с нашей точки зрения, сведения обнаруживаются в этимологии кулинарных терминов.

В качестве отправной точки для определения происхождения слов мы использовали наиболее древние основы глаголов, существительных и прилагательных. Большую часть кулинарной лексики составляют существительные: основы слов исконные и заимствованные. Исконные основы рассматривались нами по хронологии, предложенной Л. Хакулиненом (1): уральские, финно-угорские, пермские, волжские, прибалтийско-финские основы. При этом оказалось, что в исследуемом пласте лексики большинство составляют финно-угорские основы. Наиболее характерными основами финно-угорского происхождения являются такие слова, как *liemi* "бульон", *rokka* "гороховый суп" и др. Второе место по распространенности занимают прибалтийско-финские основы, например, такие, как: *hillo* "варенье", *rahka* "творог", *liha* "мясо" и др.

Древнейшие заимствования в области кулинарии относятся к периоду общения древних финно-угоров с соседними индоевропейскими племенами. Например, к индоевропейским заимствованиям относится слово *mesi* "мед". Существовали также балтийские, германские, славянские заимствования. Все они относятся к так называемым "ранним" заимствованиям. Позднее большая часть кулинарной лексики заимствовалась из шведского языка. В особенности это касается XIX века. Процесс перехода шведских слов в финский язык происходит и сейчас. Но в наше время главенствующие позиции в области заимствований занимает, безусловно, английский язык, который является языком международного общения. Это влияние коснулось и финского языка. Особенно большое влияние оказывает американский вариант английского языка, равно как и американская культура. Например, американизмами являются такие выражения, как *hot dog* "хот дог", *hampurilainen* "гамбургер" и др.

Особой разновидностью заимствований являются лексические кальки. К ним относятся, например, *viinimarja* "черная смородина" (<шведск. *vinbär* букв. "винная ягода"), *vesimeloni* "арбуз" *(vesi* "вода", *meloni* "дыня" < шведск. *vattenmelon* "арбуз"). Причем, слово *vesimeloni* относится к полукалькам, так как *meloni* заимствовалось практически без изменений.

Большой интерес представляет образование кулинарных терминов. Для рассмотрения словообразования использовались понятия немотивированная и мотивирующая основа. К немотивированным или непроизводным основам можно отнести такие существительные, как *kala* "рыба", *jää* "лед", др. Есть также и немотивированные прилагательные, например, *karea* "хриплый", от которого образовался

глагол *karistää* "поджаривать". Исходное слово определялось из словообразовательной цепочки. Например, слово *leivos* "пирожное" является производным от слова *leipoa* "печь", которое, в свою очередь, образовано от исходного *leipä* "хлеб".

Следующим аспектом изучения кулинарных терминов послужила их семантика и употребление. Особую проблему здесь составляют глаголы. Зачастую глаголы настолько близки по значению, что ощутить разницу в их употреблении может лишь носитель языка, а иногда лишь специалист в области кулинарии. Из контекста можно узнать о нескольких значениях одного и того же глагола: *kuoria* может употребляться в значении *чистить* (*kuoria perunoita* "чистить картошку") или *снимать сливки* (*kuoria kermaa*).

Финский язык необыкновенно богат синонимами. Это отразилось и на кулинарной лексике. Так, для глагола со значением *резать, измельчать* можно подобрать вплоть до 30 синонимов. У существительных дело обстоит несколько иначе. Конечно, к одному существительному нельзя подобрать столько синонимов. Но, однако, синонимы имеются и у существительных. Например, существует несколько диалектных наименований малины: *vaapukka, vadelma, vaarain, vattu, vatukka*. Причиной возникновения синонимов могут быть как заимствования, так и то обстоятельство, что в финском языке существует большое количество диалектов, и в каждом из них один и тот же предмет может называться по-разному.

Таким образом, в нашем исследовании мы попытались дать краткое общее представление о кулинарной лексике финского языка. Но это является лишь малой частью сведений о данном пласте лексики, являющемся весьма широким по своему масштабу и требующем дальнейших исследований.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. М., 1953.

И. Иванов
Йошкар-Ола

К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Марийский язык в финно-угорском мире является не единственным, который сегодня требует к себе внимания с точки зрения

его сохранения и спасения от исчезновения в среде окружающего большинства. В условиях коммерциализации общества вступает в действие закон сильного. Вместе с ним заметно ускоряется процесс ассимиляции. В такой обстановке малочисленным языкам очень трудно, или даже почти невозможно, конкурировать с языками, превосходящими их не только численно, но и более устоявшимися традициями самостоятельного развития, своим политическим положением. Такие языки, как марийский, не имеют реально признанное положение в обществе, не являются средством получения образования, не располагают крепкими административными и хозяйственными позициями. Роль этих факторов еще более возрастает в обществе с недостаточной развитостью национального самосознания. В условиях марийской языковой общности она усугубляется еще тем, что отсутствует в ней консолидирующий нацию общенародный единый литературный язык.

Современное марийское общество неоднородно и в отношении владения своим языком. По степени знания языка в нем можно выделить три категории населения: 1) совершенно не знающие языка своего народа; 2) в определенной мере владеющие языком, но не изучавшие и не изучающие его в школе; 3)хорошо владеющие языком и изучавшие или изучающие его в школе как предмет. Если охарактеризовать языковую ситуацию в Марий Эл в общих чертах, то можно сказать следующее: язык является носителем национальной традиции, культуры, в известной степени он язык СМИ, на нем печатаются газеты и журналы, выходят книги, он включен в учебный план школы как предмет, подобно иностранным языкам. Марийский язык в настоящее время не является языком школьного преподавания, средством получения образования. Желание современных марийцев превратить его в таковое не из самых высоких, хотя в последние десятилетия наметилась в этом отношении положительная тенденция. Молодое поколение заметно меняет свое отношение к родному языку и культуре. Но в полной мере развиться процессу не дает сложившаяся окружающая языковая обстановка.

Какой же стратегии и тактики развития национального языка и культуры придерживаться в такой ситуации?

Стратегия, думается, ясна: язык должен быть полновесным средством самовыражения народа, основой развития всей его духовной жизни. Что же касается тактики, то здесь могут быть обозначены различные пути. В условиях развития марийского общества на современном этапе нам видится следующий путь сохранения его языка как средства общения нации.

1. Сохранение языка для будущих поколений следует начать со школы. Необходимо коренным образом пересмотреть школьную систему РМЭ, привести ее в соответствие с демографической и языковой ситуацией марийского общества. В соответствии с названными тремя категориями населения, нам кажется, нужно предусмотреть три модели школы.

1. Дети не знают языка. Часто при этом и родители детей (особенно в городах) не владеют языком. В данном случае важно, что в обществе возникает потребность и политическая возможность для восстановления языка. Политические возможности у нас имеются. Что же касается потребностей, нужна здесь определенная работа - необходимо изменить самосознание поколения, выросшего на нигилистическом отношении ко всему родному. Нужны энтузиасты - учителя, писатели, деятели культуры, ученые и т.д., готовые взять это нелегкое дело на себя. Для детей этой категории сейчас в школах преподается марийский язык как государственный, история культуры марийского народа. Но для овладения языком этого недостаточно. Обучение в школе должно дополняться занятиями в воскресных школах, кружках и т.д. Но и здесь до уровня достаточного знания дело может дойти в том случае, если этим школам, кружкам будут помогать родители. Помощь должна оказываться в виде общения с детьми дома на родном языке, устройства праздников, различных мероприятий и т.д. При этом, однако, нужно иметь в виду одно психологическое обстоятельство - это влияние иноязычной окружающей среды. Преодоление его - самое трудное дело. Поскольку дети охотнее всего обычно говорят на языке школы, двора, друзей, это обстоятельство наиболее труднопреодолимое. Поэтому важно вызвать у них интерес к языку и культуре, желание овладеть этим языком.

К этой категории близка ситуация, когда дети знают разговорный язык, но не изучают его в школе даже как государственный. В сущности это та же модель. Но для таких детей нужно создавать особые классы, и программа для них должна быть другая, равно как и методика. Это обстоятельство также надо иметь в виду, когда мы приступаем к практическому решению проблемы сохранения языка. Важно здесь то, что им не надо давать возможность забыть родной язык в условиях иноязычного обучения в школе. Подобные ситуации возникают не только в городских и поселковых школах, но иногда и в чисто марийских населенных пунктах.

При обучении детей данной категории родному языку представляет интерес так называемый метод языковой ванны, предложенный финским специалистом Э. Гебером на международном сим-

позиуме в Петрозаводске. Метод этот возник в Канаде, когда англоязычное большинство захотело усвоить язык франкоязычного меньшинства. Было разработано три варианта: ранняя языковая ванна, поздняя языковая ванна и частичная языковая ванна.

При ранней языковой ванне ребенок уже в начальной школе (или в детском саду) получает двуязычного преподавателя, который говорит с ним только на одном, новом (в данном случае - марийском)| языке, обучение в основном осуществляется на этом языке. Ребенок постепенно научится читать и писать на нем. Таким образом, он становится для него языком-средством и языком обучения. Некоторые дисциплины можно (а в наших условиях нужно) преподавать на первом (в данном случае - русском) языке. Таким образом, ребенок усвоит сразу два языка - школы (русский) и марийский.

При поздней языковой ванне ребенок сначала несколько лет интенсивно (4-5 часов в неделю) обучается новому (в данном случае - марийскому) языку. Затем постепенно переходит от чисто языковых занятий к обучению и других предметов на этом (марийском) языке, оно будет постепенно возрастать и в старших классах, как и при ранней языковой ванне, будет занимать примерно половину учебного времени.

Эти две модели требуют особых методов и учебных материалов, обычные учебники марийского языка не годятся, так как ребенок должен усвоить язык естественным путем , устно в различных речевых ситуациях, а не путем изучения лексики, грамматики, выполнением письменных упражнений.

При частичной языковой ванне новый язык (в нашем случае - марийский) частично используется в учебном процессе при преподавании других предметов. Но до этого ребенок должен был ранее обучаться этому языку или знать разговорный язык. Данная модель нацелена на то, чтобы углублять традиционные занятия этим языком, приучить ребенка к использованию этого (марийского) языка для доставки информации и для полного самовыражения. Удобство ее в том, что не требуется особых учебных материалов, особых методов. Зато преподаватель должен быть готовым к использованию данного языка в учебном процессе, то есть должен быть двуязычным.

Я сейчас говорю об использовании данного метода в обучении марийских детей, не знающих своего языка. Но его можно применять также в процессе обучения марийскому языку как государственному немарийских детей.

2. Дети хорошо знают разговорный язык, изучают его в школе как предмет. Это типичная школа для РМЭ настоящего времени, ко-

торая неоправданно называется национальной. На первоначальном этапе могут сохраняться и такие школы. Это наиболее марийская школа в условиях современности. В них все учащиеся марийцы и хорошо владеют своим родным языком. Однако все предметы, кроме родного языка и литературы, и даже история культуры марийского народа, преподаются на русском языке. Такое обучение, естественно, мало способствует сохранению и, тем более, развитию марийского языка как средства общения нации.

3. Поэтому для сохранения языка нужно создать третью модель школы, в которой преподавание всех предметов должно вестись на марийском языке. Многих, в том числе и самих марийцев, настораживает такое предложение. Основной аргумент противников такой ориентации - могут ли выпускники этих школ продолжить учебу в вузах? Ответ на этот вопрос может быть следующий: во-первых, обучение на родном языке предполагается, по крайней мере, первоначально ограничить основной школой (1-9 классы); во-вторых, при преподавании точных наук язык обучения не играет решающей роли - разговор там ведется на языке формул и цифр, в пределах необходимости он, безусловно, будет знать русский язык; в-третьих, родной язык еще никому не являлся препятствием для умственного развития ребенка, напротив, он создает наиболее благоприятные условия для более глубокого развития умственных способностей личности, развивает его мышление, логику, способности рассуждать, способствует более тонкому восприятию окружающей среды. В условиях плотного русскоязычного окружения русский язык он всегда выучит, если даже не захочет этого - заставит сама обстановка, к тому же он будет основательно изучать его в школе. Поэтому данный аргумент принимать всерьез нельзя.

Школы с преподаванием всех предметов на марийском языке существовали в республике до середины 60-х годов, до тех пор, когда было официально запрещено преподавание на родном языке. От того, что учились на родном языке, дети не стали менее умными, получали нормальное образование, в том числе высшее, становились учеными, деятелями литературы и искусства, инженерами, руководителями и т.д. Созидательная роль своеязычной школы очевидна. Она станет средоточием языкового общества, его организующим центром, вокруг нее будет создаваться подлинная национальная культура, образ мышления нации, она будет творцом национального самосознания.

Переход к системе обучения на родном языке - дело нелегкое. Он требует определенных финансовых затрат, организационных и иных усилий, времени. Но он стоит этого, так как это основной, са-

мый важный путь сохранения языкового общества, самостоятельного этноса. Что может быть для народа страшнее его полного исчезновения как этноса?

Эта модель школы требует своеязычной школьной системы, создания своеязычных учебников, подготовки преподавательского состава. Важной предпосылкой для начала процесса является достаточная плотность языкового общества, в противном случае родители могут оказать предпочтение иноязычной школе. Но иноязычное языковое окружение нередко у нас создается самими носителями данной языковой традиции искусственно, путем сознательного отчуждения детей от своего языка и культуры, от национальных традиций.

В РМЭ в настоящее время языковая ситуация такова, что коренное население края превращается в языковое меньшинство. Язык большинства (русский) для марийского ребенка находится в положении второго, чужого языка. Его родной язык не имеет такой распространенности, как язык этого большинства. Но меньшинство это является народом, давшим имя региону, оно живет на своей исконной родине, занимает политически признанное, по крайней мере формально, положение, располагает определенными просветительскими традициями, в смысле национальном оно признано, имеет свою развитую культуру, национальные традиции и, главное, желание развивать их дальше. Таким образом, условия для осуществления обучения на марийском языке имеются, и переход к созданию таких школ вполне реален. Конечно, при этом придется преодолеть немалые трудности, и, прежде всего, наверное, психологические и сопротивление языкового большинства. Но следует иметь в виду, что своеязычная школа является, несомненно, самым надежным, сильным и, пожалуй, единственно верным способом сохранения и поддержания высокого национального самосознания народа, развития его языка и культуры.

II. Реальное превращение марийского языка в государственный на территории РМЭ. Формально он им является. В политическом смысле он законодательно признан таковым по Конституции РМЭ, Декларацией о суверенитете. Претворение в жизнь этих законодательных актов способствовало бы реальному расширению функций марийского языка. Важными звеньями процесса фактической реализации данных законодательных актов являются такие моменты, как достижение языкового единства на уровне всей нации - серьезной проблемы марийского народа, решение вопросов, связанных с сохранением чистоты марийского языка, создание необходимых условий для распространения его языка в государственных учреждениях и предприятиях. Марийское население более или менее плотно раз-

мещено в настоящее время только в сельскохозяйственном производстве. Весьма незначительна доля его в руководящих звеньях всех уровней, особенно высшего. Почти не используется марийский язык в торговых и производственных предприятиях, в массовых публичных мероприятиях. Внедрение марийского языка во все эти сферы наравне с русским - один из эффективных путей сохранения его.

III. Развитие письменной формы марийского языка. Возникнув более двухсот лет назад, марийский литературный язык достиг сейчас достаточно высокого уровня развития. Сформировались его стилевые разновидности. Особую роль в упрочении позиции литературного языка сыграли печатание разнообразных книг на марийском языке и издание различных газет и журналов, что привело к возникновению условий для реального достижения языкового единства. Но в последнее время этот процесс не только не развивается, он даже явно замедлился.

Важным моментом этой части программы является необходимость изменения отношения к проблеме пополнения лексики литературного языка. На первый план должно быть поставлено максимальное использование возможностей собственных словообразовательных средств - это, прежде всего, создание новых лексических единиц, приспособление имеющегося арсенала к условиям многостороннего функционирования марийского языка в новом веке, более решительное обращение к диалектным богатствам и так далее. Последнее немаловажное значение приобретает также с точки зрения преодоления диалектной обособленности - весьма серьезного препятствия для достижения языкового единства марийского общества.

Данная сторона культурной жизни марийского общества также должна стать объектом серьезного внимания. Откладывание решения проблемы может существенно отразиться на сохранении марийского языка в будущем веке.

IV. Весьма существенна в сохранении и внедрении языка во все слои общества роль радио и телевидения. Это эффективный и наиболее доступный для всех способ, он может охватить широкий круг населения, и не только своеязычного. Он весьма полезен в смысле приобщения к марийскому языку также иноязычного населения республики. Но для того, чтобы их эффективность была ощутимой, необходимо увеличить эфирное время для передач на марийском языке. В новом тысячелетии это средство должно найти подобающее место в языковом и культурном возрождении марийцев.

V. Последние два момента важны с точки зрения изменения отношения к родному языку у его носителей. Нынешнее поколение

взрослого марийского населения в своем большинстве настроено к своему языку и культуре нигилистически. Это - следствие воспитания его в духе "единого советского народа", запрещения в 60-х годах преподавания в школе на родном языке. Заниматься перевоспитанием их - занятие малоперспективное. их уже не переделаешь. Данное обстоятельство - еще один аргумент в пользу того, что возрождение и сохранение языка должно начаться со школы, с детских садов. Обществу необходимо проявить максимальную заботу о том, чтобы наше будущее поколение еще в дошкольном и школьном возрасте в достаточной мере овладело своим родным языком, получило прочную основу для последующего совершенствования его.

Предлагаемая схема, наверное, не единственный путь сохранения марийского языка в новом веке. Возможны и другие варианты. Тем не менее, для марийского народа с его современной языковой ситуацией, нам кажется, это наиболее приемлемый путь.

А. Куклин
Йошкар-Ола

СОВРЕМЕННАЯ ТОПОНОМАСТИКА: ДОСТИЖЕНИЯ, ПОИСКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ*

1. Ономастика, зародившись в недрах финно-угроведения предыдущей эпохи, стала поистине детищем лингвистики XX века, выделившись в самостоятельную научную дисциплину (Д. Европеус, А.И. Попов, А.П. Дульзон, А.К. Матвеев, В.А. Никонов, И.С. Галкин, А.И. Туркин и др.).

Пожалуй, наибольших успехов финно-угорская ономастика достигла в последние три десятилетия нашего столетия, когда формируются ономастические школы, создаются оригинальные концепции, определяются главные ориентиры ономастических исследований, обусловившие нынешнее состояние ономастики с ее новыми проблемами и старыми противоречиями.

2. Основным стимулом исследовательского интереса к ономастической лексике является исключительная ее значимость в решении многих задач сравнительно-исторического, описательного и об-

---

* Тезисы исследования, выполненного при финансовой поддержке РГНФ (грант № 97-04-06388).

щего языкознаний, например, при изучении истории звуков уральских языков, для выявления законсервированных в топонимах слов, ныне уже исчезнувших из языка.

Необходимо иметь в виду, что многоплановый анализ географических названий, затрагивающий спорные вопросы этногенеза и этнической истории народов уральской языковой общности, позволяет корректировать отдельные существующие положения по теории этнологии финно-угорских и самодийских народов.

Имеющиеся достижения очевидны: предложена классификация ономастической терминологии, описаны структурные типы топонимов и разработаны основы их семантического анализа, очерчены границы компонентного состава гидронимов, сопоставлены и проанализированы парадигмы топонимов, антропонимов и апеллятивов на финно-угорском, тюркском и индоевропейском материалах, выявлены источники возникновения топонимов (топонимизация апеллятива и трансонимизация).

Однако при всех несомненных достоинствах каждая из предложенных концепций страдает недостатками и даже острыми противоречиями: нет единых принципов словообразовательного анализа названий, не раскрыты механизмы формирования уровневого статуса компонентов топонима в системе языка; семантическая классификация топонима лишена единого принципа таксономии; взаимоотношения слагающих элементов названий с апеллятивной лексикой остаются недостаточно изученными.

Совершенно очевидно, что при таком подходе географическому названию нередко приписываются такие особенности, которые вообще не свойственны его природе.

Естественно поэтому, что этимологическая интерпретация топонимов должна опираться как на традиции исторической компаративистики, так и на достижения теории языковых контактов. Несоблюдение указанных установок, а также недостаточная обоснованность анализируемого материала историческими, археологическими, географическими, естествоведческими и другими данными, в конечном счёте приводит исследователя к выводам, которые также недостаточно обоснованы или же совершенно неверны.

3. Перспективы развития диахронических исследований ономастической лексики будут зависеть от того, насколько последовательно в них будут реализоваться принципы системности и историзма в подходе к топонимическому материалу. Остаётся заметить в этой связи, что семантическая реконструкция реликтовой тополексемы, сопровождаемая экстралингвистическими (археологическими, антропологическими, этнологическими, историческими) данными,

учитывающая природно-географические особенности и культурно-исторический фон функционирования реконструируемой лексемы и оперирующая соответствиями и параллелями родственных и неродственных контактирующих языков, значительно уменьшает число беспочвенных гипотез, тормозящих поступательное движение ономастической науки.

4. В общей совокупности различных методов, применяемых для историко-этимологического анализа географических названий, ведущее место должно принадлежать топонимической типологии, оперирующей приёмами и методами компаративистики и контрастивной лингвистики. Компаративистика на основе соответствий апеллятивной лексики родственных языков и их диалектов исследует исторические пласты тополексем, формантов и других элементов топонима, генетически восходящих к праязыку. Проведение такой операции сопряжено с рядом трудностей, преодоление которых возможно лишь привлечением комплекса приёмов сравнительно-исторического исследования. Исходные теоретические положения, как правило, должны подкрепляться материалами родственных и неродственных языков с учётом лингвогеографических данных. Причём, совокупность методов синхронного и диахронного анализа должны корректироваться нетрадиционными подходами к исследованию. Более того, о степени достоверности реконструированной праформы можно судить лишь в том случае, если её содержательная сторона более или менее соответствует физико-географическим реалиям исследуемого региона.

А. Липатов
Йошкар-Ола

ФИННО-УГОРСКАЯ *KURJA И РУССКАЯ "ИЗБУШКА НА КУРЬИХ НОЖКАХ"
(этимология и семантика пракорня*kūr)

Пракорень *kūr-, известный как финно-угорским, так и славянским языкам, проступает в издревле знакомом русскому языку слове курья́ (речной залив, заводь, заболоченный рукав или старое русло реки, угодье, прилегаемое к ним) и встречается в старинных юридических документах русского Севера, относящихся к XIV-XV вв., а как составная часть некоторых названий - уже в 1396 г. В русских

народных говорах (особенно в севернорусских и среднеуральоких) слово курья и поныне остается многозначным.

Обычно слово курья объясняют заимствованием из языка коми, где *kurja* - это "залив", и сближают его с фин *kuru* "борозда". Такое толкование предлагает, например, Я. Калима. В финно-угорских языках **kur-* можно возвести к значению "пропахивать, рыть, ковырять", ср. праперм. **kur-* "прорываться, обваливаться (от размыва водой); резать, разрезать".

Но Ю. Вихман и Т. Уотила считают, что коми, наоборот сами заимствовали это слово у русских. И в самом деле, праславянская основа **kurъ* (дым, пыль), знакомая большинству славянских языков, нашла свое выражение в глагольном деривате **kurti*, который в современных славянских языках имеет значения "курить(ся), пылить", "дымить", "окуривать", "топить печь (отапливать)" и др. Такое мнение финских ученых об исконной "русскости" курьи не лишено основания. Так, во многих говорах севернорусского диалекта глагол курить получил широкое распространение в значениях "дымить, чадить, парить, испускать смрад". В псковско-тверском говоре отмечено также слово кур со значением "дым, чад, смрад", в ряде говоров еще курева и курета "метель", а в орловско-курских говорах - кура - "вьюга, метель". В южнорусских и украинских народных говорах кур имеет еще и значение "запах".

Таким образом, курья - это "залив с болотной, застоявшейся и нередко испускающей смрад водой, дымящей туманом по утрам".

Более того, русский глагол курить (через праславянскую лексему **kurti*) причастен к и.-е. пракорню **gau-* (ср. греч. *kaiw* "жечь", др.-инд. и санскр. *kūlayati, kūdayati* "палит, жжет, обжигает"). И еще. Пракорень **kūr-*, к которому курья несомненно имеет прямое отношение, причастен и к другим языкам ностратической семьи.

В свое время Ю. Покорный, рассматривая общие для всех индоевропейских языков пракорни **kuer-* ("делать, придавать вид") и **ker-* ("жечь, обжигать, гореть"), допускал их генетическое родство, поскольку балт. **kur-* означает "топить", а в лит. *kurti* налицо контаминация обоих значений - "устраивать, строить" и "разжигать огонь, отапливать", причем второе следует признать производным от первого.

И если **kuer-* и **ker-* родственны в этом плане, то необходимо признать родственными урал. **kur-/kor-* ("сплетать, сматывать, скреплять") и дравид. **kur* ("сплетать, строить, устраивать"). При этом древнее значение "сплетать, связывать", сохранившееся в уральских и алтайских языках, испытало длительное семантическое развитие в направлении "строить" (и далее - "устраивать"), отражая, по словам

В.М. Иллич-Свитыча, "процесс развития в древности строительной техники из плетения". И в самом деле, ностратик **kuer-*, общий с и.-е. **kūr-*, был весьма богат значениями ("делать, создавать, строить", "соединять", "отрезать, резать", а также "кипеть", "приходить в состояние страстного желания, жаждать", "дымить, чадить").

Как видно, все значения, связанные с **kur-*, носят общеностратический характер, вот почему курья/*kurja* в ее "чистом" виде не может быть "прописанной" ни в прапермском, ни в древнерусском языке. Слово, по существу, оказалось общим для большинства ностратических языков

Исследование этимологии и семантики слова курья/*kurja* позволяет перебросить мостик к устойчивому русскому словосочетанию (идиоме) избушка на курьих ножках, которое уже на протяжении нескольких столетий бытует в русском языке и встречается, например, у А.С. Пушкина в поэме "Руслан и Людмила" А почему эта избушка именно на курьих ножках? Это озадачивает не только неискушенных читателей. Еще в 1891 г. Д.А. Никольский высказал предположение, что выражение избушка на курьих ножках звучало как избушка на курьях.

И здесь, пожалуй, основа догадки Согласитесь, когда сказочник образно живописал болотную избушку, она легко "вписывалась" в суровый пейзаж северных мест древней Руси А закрепившись в сказках, слово курьи в народной речи стало воздействовать на прилагательное куриные; больше того, появились выражения вроде "кричать по-курьи".

Но такой переход от "избушки на курьях" к "избушке на курьих (ножках)" кажется сомнительным даже очень известным этимологам (М. Фасмеру, например) по крайней мере по двум обстоятельствам: во-первых, во всех русских говорах курья́ имеет ударение на последнем слоге и, во-вторых, притяжательный суффикс (в данном случае -ев) обычно используется при наименовании живых существ.

Однако подобная сомнительность во многом кажущаяся: употребленная в других формах, курья́ теряет конечное ударение. Так, у В. Даля: "Ку́рьевый, к курье́ относящийся" (II, 225) Прилагательное ку́рьевый могло легко, особенно в условиях употребления образного фразеологизма, сократиться до ку́рий. Так "избушка на ку́рьевых ножках" превратилась в "избушку на ку́рьих ножках". Что же касается суффикса -ев-, здесь немаловажную роль могло сыграть олицетворение и самого болота - курьи, и избушки, в которой в сказках обычно помещают бабу-ягу. Случаи подобного переноса притяжательного суффикса на "неодушевленные прилагательные можно, к

тому же, наблюдать и в наше время: "Он рванулся к телескопову оку" (Комсомольская правда, 23 декабря 1978 г.).

Итак, столкновение в языке слов, образованных от давно забытого пракорня **kur-*, общего для всех ностратических языков, со словами, образованными от хорошо знакомого древнерусского куръ "петух", привело в конечном счете к полному забвенью говорящими изначальной семантики слова. Так на длинных путях истории и "породнилась" финно-угорская *kurja* с русской "избушкой на курьих ножках".

В. Максимов
Йошкар-Ола

ПРОНОМИНАЛЬНОЕ ПОСЛЕЛОЖНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Между частями прономинальных словосочетаний, связанных посредством послеложного управления, наблюдается определительное смысловое отношение с разными оттенками. При этом главное слово чаще всего выражается местоимением в именительном падеже, а зависимое слово может быть выражено местоимением и числительным как в именительном, так и родительном падежах. Представляем реализацию определительных отношений в подчинительных прономинальных послеложных словосочетаниях.

1.0. Определительное отношение с пространственно-временным или прочим оттенком. Это отношение в марийском языке реализуется во многих моделях.

1.1. Модель ИС* (и.п.) + **почеш** + М (неопр -лич.) **В.,Л.** Пример: *Миклай почеш ала-кӧ* 'после Николая кто-то'

1.2. Модель М (р.п.) + **почеш** + М (лич.) **Л.** Пример *нунын почеш ме* 'после них мы'.

1.3. Модель Ч (кол.) + **почеш** + М (опр.) **Г.** Пример: *икты паштек весы* 'один за другим' (1, с. 15).

2.0. Определительное отношение с прочими оттенками.

2.1. Модель М (р.п.) + **деч посна** + М (опр.) **В.,Л.** Пример *нунын деч посна моло* 'кроме них, другие' (2, с.151).

---

* Значение и список символов и сокращений смотри в конце работы.

2.2. Модель ИС (и.п.) + олмеш(сер.) + М (опр.) **В**. Пример: *Эля олмеш тудо* 'вместо Эли он'. Л. Пример: *рудыж олмеш нуно* 'вместо сердцевины они' (3, с. 48).

2.3. Модель П (стр.) + олмеш(сер.) + М **В**. Пример: *Пальме олмеш моло* 'вместо знакомого другой'.

Таким образом, при прономинальном послеложном управлении главное слово выражается личным местоимением, а зависимое - именем существительным как в именительном, так и в родительном падежах. В марийском языке прономинальное послеложное управление встречается с 3 релятивными словами.

Такое управление в основном имеет место в восточном и луговом наречиях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1 *Ильяков Н.* Эдемвла да ивла. Роман, 3-шы кн. Йошкар-Ола, 1969.
2 *Юзыкаин А.* Тулото: Роман. Йошкар-Ола, 1978.
3 *Алексеев Г.* Куку муро ойган. Повесть. Йошкар-Ола. Ончыко. 1996. № 8.

Список сокращений

ИС - имя существительное; М - местоимение; Ч - имя числительное; П - причастие; лич. - личное местоимение, неопр.-лич. - неопределенно-личное местоимение; сер. - серийный послелог; и.п. - именительный падеж, р.п - родительный падеж; кол - количественное имя числительное

Л. Матросова
Йошкар-Ола

ОСЛОЖНЁННЫЕ ФОРМЫ ИМЕННОГО СОСТАВНОГО СКАЗУЕМОГО В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Формы и способы выражения предикативности многочленны и разнообразны, составляют целую систему разных видов сказуемого.

Основные типы сказуемого проявляются в соответствующей системе форм. Элементы форм того или иного структурного типа сказуемого также имеют элементы различия и сходства.

Каждый структурный тип сказуемого проявляется в системе форм, выражающих только его основное значение, а также воплощающих добавочные грамматические значения. В каждом структур-

ном типе сказуемого традиционно различают основные и осложнённые формы.

В зависимости от способа морфологического выражения, сказуемое может быть глагольным и именным.

Вопрос о сложном и осложнённом сказуемом в марийской научной литературе оказался совершенно незатронутым.

Нас интересует многочленное сказуемое, включающее в свой состав более двух компонентов, главным образом глагольно-именное.

Осложнённое сказуемое отличается как от сложного, так и от составного сказуемого. От сложного оно отличается присутствием именной части, от составного - наличием инфинитива, стоящего между глаголом с фазисным или модальным значением и именной частью.

Например: *Калык книгаче лияш тунамеш* (1, с. 168) 'Народ становится начитанным'.

Сочетание двух и трёх компонентов осложнённого сказуемого повторяет конструкцию сложного глагольного сказуемого, представленного личной формой фазисного глагола и неопределённой - другого.

Сочетание одного и двух компонентов сказуемого повторяет составное именное сказуемое, но не конструктивно, а по составу: те же глаголы-связки, что и в именном составном сказуемом, только в инфинитивной форме, а не в личной, и, конечно же, привязочная часть. Осложнённые формы именного составного сказуемого строятся на базе основных форм и отличаются от них добавочными грамматическими значениями.

Глаголы или другие аналитические формы, употребляемые в качестве составного глагольного сказуемого, могут осложнять формы именного составного сказуемого, так как именно эти указанные осложняющие средства вносят в именное составное сказуемое фазисные и модальные значения.

Глаголы, обозначающие начало, продолжение и конец обладания признаком, способны иметь при себе инфинитив с именем, образуя с ними осложнённые формы именного составного сказуемого.

Например: *Тулеч вара Андрийлан почтовый шкафысе кажне письма чонан гае чучаш тунале* (2, с. 20) 'После этого каждое письмо в шкафу Андрею стало казаться живым'.

Многочленная конструкция: именная часть, деепричастие (или инфинитив) и личный глагол выполняют роль сказуемого в том случае, если личный глагол обозначает действие, исходящее от одного лица, выраженного подлежащим.

Объективный характер модального значения связки в основной форме именного составного сказуемого при осложнении её модальным глаголом ослабляется. Выражаемое модальным глаголом отношение субъекта к обладанию признаком направлено на связку.

Например: *Гришалан угыч лап лияш логале* (3, с. 204) "Грише снова пришлось наклониться".

Следует отметить, связка в составе осложнённой формы не выражает грамматических значений наклонения и времени, эти значения передаются формами осложняющего глагола. Функция грамматической зависимости сказуемого от подлежащего выражается также спрягаемым глаголом.

Связка связывает именную часть с осложняющим глаголом.

Осложнённые формы именного составного сказуемого сохраняют основные структурные особенности именного составного сказуемого:

1. Функционально разделяются основные вспомогательные компоненты.

2. Им свойственны те же средства и формы выражения именной части.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Орай Дим.* Тутыра вошт. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1978.

2. *Абукаев-Эмгак В.А.* Шочмо тувыр: Роман, икымше книга. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991.

3. *Ялкайн Я.* Кечан кече. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1959.

Р. Мухамадеев, Ж. Сабанцева, Н. Сорокина
Йошкар-Ола

ЧАСТОТНЫЕ СЛОВАРИ МАРИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Частотный словарь является начальным этапом изучения структуры текста, представляющего "язык в целом". В последние годы не ослабевает интерес к частотным словарям, актуальность которых для разных прикладных и исследовательских задач широко известна. Количество составленных в разных странах частотных словарей в настоящее время приблизилось к 500 (1). Интерес к частотным словарям и к количественной лингвистике в целом вызван не модой, но является частью общего процесса математизации современного зна-

ния. Частотный словарь отличается от других словарей тем, что, во-первых, он включает в себя только те слова или другие лингвистические единицы, которые зарегистрированы составителем в исследуемых им текстах и, во-вторых, составитель указывает при этих словах (или других лингвистических единицах) частоты их употребления, то есть цифры, показывающие, сколько раз они встретились в этих текстах (1). До сих пор нет ни одного частотного словаря луговомарийского или горномарийского языка. В настоящее время в Марийском государственном университете на кафедре иностранных языков ведется работа над созданием частотных словарей луговомарийского и горномарийского языков. Одной из важнейших целей словаря является представление живого словоупотребления образованного человека наших дней. Назначение словаря видится в том, чтобы дать полные сведения о современной лексике с учетом ее живой дифференциации (2). Для составления словарей нами были определены 4 группы текстов-источников, исходя из наличия функциональных сфер речи: художественная проза драматургия, научные тексты, газетные и журнальные статьи. Объем выборки по каждому языку составил на данный момент 60 тыс. словоупотреблений. При решении вопроса о текстах-источниках словаря мы опирались главным образом на представление о том, что словарь должен, в первую очередь, отражать устойчивую часть лексики, общеупотребительную и нейтральную относительно темы и жанра, которая бы составляла общую основу для всех жанров и разновидностей современной речи. Отбирая авторов, названия произведений, мы стремились оценить их с точки зрения "чистоты" их языка. На начальном этапе планируется определить ту часть словника, в которую входят слова с высокой частотой появления независимо от типа текста. Составление частотных словарей потребовало обращение к компьютерной технике. Создается компьютерная программа, представляющая собой информационно-поисковую систему, которая способна выдавать сведения о различных сторонах словаря - общее количество инвентаризованных слов, статистические характеристики отдельного слова и целых словников и т.п. Статистические данные частотных словарей могут быть использованы для решения многих лингвистических и практических задач. Так, словарь даст материал для анализа словообразования и определения активных средств словообразования луговомарийского и горномарийского языков. Данные частотных словарей могут быть полезны и при создании автоматического транскриптора

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Алёксеев П.М.* Статистическая лексикография. Ленинград. 1975.
2. Частотный словарь русского языка. М.: Русский язык. 1977.

З. Остапова
Сыктывкар

ВКЛЮЧЕНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКОГО И ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ КОМИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДЕТСКОГО САДА

Общепризнано, что содержание работы национального детского сада должно включать в себя и национально-региональный компонент. Это отражено и в статье 6-ой Закона Республики Коми "Об образовании": "содержание национального образования определяется наличием в учебно-воспитательном процессе национальных компонентов, включением детей в традиционную этнокультурную среду". Поэтому в содержание занятий, проводимых в коми национальных детских садах, включается краеведческий материал, который дает возможность формировать у детей представление о культуре, истории, литературе Коми края, что способствует пробуждению национального самосознания у дошкольников, их творческой активности, в процессе которой формируется устойчивое эмоциональное отношение к явлениям общественной жизни: любовь к республике, к родному селу, к людям своего края. В работе детских садов краеведческий, этнографический материал включается в разные виды заданий и по развитию связной монологической речи: пересказ, рассказ-описание, рассказ о чем-либо из личного опыта, творческое рассказывание. Вот тематика некоторых занятий, на которых используется краеведческий материал: пересказ сказки "Яг морт" ("Лесной человек"), рассказа И. Коданева "Ош да сан" ("Медведь и росомаха"), сказки Г. Юшкова "Катша рӧмпӧштан" ("Сорочье зеркало"), стихотворения В. Лыткина "Ичӧтдыр" ("Детство"); описание куклы "Коми ижемка"; составление описательного рассказа "Выставка коми утвари", "Выставка изделий коми мастеров", составление рассказов на темы: "Как я в лес ходил", "Наше село" (при их составлении дети опираются на свой личный опыт); рассказы по картине "Олени в тундре", серия "Из жизни домашних животных" (авторы С.Н. Николаева, Н.Н. Мешкова, художник В.А. Горбатов.); творческое расска-

зывание по опорным словам: Пера багатыр, Аннуш, Ема, шовк тупыль, Ворса (Пера богатырь, Аннушка, Баба-Яга, шелковый клубок, Леший), по предложенному началу ("Был солнечный летний день. Дети собрались в поход. Договорились, что..."); по предложенной теме "Как мы встречали Новый год"; по литературному произведению с заменой главных персонажей, с изменением места или времени действия; составление рассказов по картинам с последовательно развивающимся сюжетом "Яг Морт", "Пера Богатырь" (художник М. Игнатов).

На занятиях по темам кукла "Коми ижемка" и "Выставка изделий коми мастеров" решаются не только речевые задачи, но и воспитывается у детей чувство гордости и уважения к труду мастеров, национальному искусству народа коми.

Использование этнографического материала на речевых занятиях дает большие возможности для развития связной речи, т. к. обеспечивается условие для эмоционального сопереживания происходящему, повышения речевой активности детей.

В занятиях большое место отводится теме "Коми народные ремесла". В целях обогащения знаний и представлений детей проводится целая серия занятий. Для сосредоточения предметов старинной домашней утвари в одном месте, создания обстановки традиционной коми избы в детских садах выделяется специальная комната, называемая "коми горнича". Здесь проводятся занятия, театрализованные представления, встречи с интересными людьми. Сама атмосфера "коми горницы" действует стимулирующе на речевую и творческую активность детей. Занятия в ней более эффективны, чем занятия в групповой комнате, где проходит основная жизнь детей. Рассматривая старинное зеркало (рӧмпӧштан), посуду (тасьтi-пань), полотенце (чышкӧд), скатерть (пызан дора), дети запоминают исконно коми названия предметов, обогащается их словарный запас. У детей возникает желание больше узнать о жизни народа коми в прошлом. Знакомясь с изделиями из бересты, дети удивляются, почему из берестяной посуды не вытекает вода, почему в ней не закисает молоко. Кто же догадался делать посуду из бересты? В поисках ответа дети на "машине времени" устремляются в прошлое. Звучит рассказ воспитателя: "Давным-давно это было. Жил в тайге охотник. Добывал себе пропитание охотой и рыболовством. Однажды пошел он на охоту. Долго бродил по дремучей тайге, много дичи наловил и вдруг услышал он журчание звонкого лесного ручейка. Увидев прозрачную воду, охотник протянул было руки к ней, но вода стекала между пальцами. Что делать? Как достать воды и напиться? И тут охотник нашел кусок бересты и ловко сделал ковшик-чибльӧг. На-

брал воды и насладился ею от души. И такой вкусной показалась вода из этого берестяного ковшика, что по дороге домой охотник набрал бересты. Вечерами, после работы он начал мастерить из этого чудесного материала домашнюю утварь - чуманы, гуисы, пестеры, а для жены и дочерей - украшения... "

Рассказ воспитателя вызывает у детей желание самим попробовать сделать что-то из бересты. На занятиях по ремеслу воспитатель знакомит детей с элементарными приемами работы с берестой, например, с изготовлением чибльӧгов (ковшиков).

После занятия каждый ребенок получает задание познакомить дома родителей с процессом изготовления берестяных изделий. Через определенный промежуток времени, когда были готовы изделия нескольких видов, проводится выставка для воспитанников и работников детского сада. На этой выставке дети - "экскурсоводы" знакомят посетителей (рассказывают) с поделками и старинной коми утварью: какие они, как сделаны, чем отличаются и т. д. Особенно привлекает внимание детей берестяная коми утварь (представленная в натуральном виде), которая до сих пор используется во многих домах, семьях воспитанников детских садов.

Большой интерес и восторг у детей вызывает выставка, на которой представлены игрушки, сувениры, предметы из меха оленя (камуса). Свои впечатления, знания дети отражают в связных высказываниях. Это описательный рассказ "Выставка коми сувениров", рассказ "Мы - маленькие мастера" (из личного опыта), творческий рассказ "Я придумываю игрушки".

Полученные результаты показывают эффективность использования краеведческого и этнографического материала в воспитательно-образовательной работе детского сада, а именно на занятиях по развитию связной речи. Связь темы рассказов с продуктивной деятельностью детей обеспечивает речевую активность на занятиях. В детских рассказах отмечается точность употребления слов, разнообразие средств выразительности, дети стараются придерживаться заданной структуры рассказа. Во время рассказывания дети используют соответствующую интонацию и темп, подкрепляя их жестами для усиления эффекта от сказанного

О. Сергеев
Йошкар-Ола

К ПРОБЛЕМЕ СОСТАВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Зарождение марийской лексикографии связано с XVIII веком. Свое продолжение словарное дело нашло в XIX веке. Именно в этих столетиях по разным социально-политическим причинам готовятся разного объема двуязычные словари. Если подготовленные в XVIII в. все словари остались в рукописи, то в XIX в. они уже стали издаваться как в России, так и за рубежом. Немало словарей остались и неопубликованными (по нашим данным, насчитывается около 35 словарей и словников, где содержатся свыше 37404 лексических единиц, в т.ч. "Марийско-немецкий словарь" академика Ф.Й. Видемана). Одним из ценнейших лексикографических произведений является "Словарь языков разных народов..." Нижегородского и Алаторского епископа Д. Дамаскина.

Собранные материалы имеют непреходящее значение как непосредственные источники, и остается сожалеть, что значительная их часть за 200 с лишним лет так и не была введена в научный оборот.

От скромных переводных словарей XVIII века марийская лексикография пришла к созданию таких капитальнейших словарей, как этимологический, толкового типа и некоторые др. Теперь перед марийскими лексикографами стоит другая более ответственная работа - создание исторического словаря (ИС), базой для чего может служить один из вариантов (нижегородский или петербургский) двухтомного рукописного сочинения Д. Дамаскина. Чтобы полностью отражать лексический состав той эпохи, к словарным статьям словаря Д. Дамаскина могут быть добавлены лексемы и из других рукописных памятников или их фонетические варианты. Например: шургэ́кЕикъ, каекъ, каикъ каикъ, чодра каикъ, чодра-каикъ ширгэ-кекъ, чодра-каикъ 'дикий (недомашний) зверь'; тюё, тюа, тюя, туЕ, поё, тюэ, тюэ, туэ 'верблюд'; цятяракъ, цатырыкъ, цятяракъ чаржаву, чарша, чаршау, царша, царшау, чаршау 'занавес, занавеска, зонт' и другие.

На пороге нового тысячелетия особо остро должен стоять вопрос о подготовке исторического словаря, так как с его изданием мы можем вводить в оборот новую старую лексику, которая так необходима для современного литературного языка. С другой стороны, исторический словарь должен вдохновлять на работу по развитию и

исследованию марийского языка и служить источником для этой работы. Сейчас перед общественностью стоит задача формирования культурной, специальной и общественно-политической терминологии. В решении этой трудоемкой работы, безусловно, может помочь исторический словарь. Тем более, еще составителями давнишних глоссарий всегда ставилась задача осознанного терминотворчества. С созданием ИС мы сохраним для будущего поколения старую лексику разных диалектов/говоров марийского языка.

В заключение отметим, что отдельные словарные статьи памятников XVIII-XIX веков содержат поистине энциклопедические сведения обо всех проявлениях человеческой жизни. Поэтому подобные словарные статьи должны рассматриваться с точки зрения лингвокультурологического источниковедения. В исторических лексиконах отражена живая разговорная речь той поры и отражается духовная и материальная культура народа, которая, в свою очередь, отражает народный менталитет.

Г. Тужаров
Йошкар-Ола

ИМЕЮТ ЛИ СТАТУС ПАДЕЖА В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ АППРОКСИМАТИВ И ЭЛАТИВ?

В истории исследования морфологии марийского языка проблема системы падежей и их функций являлась и является предметом постоянных дискуссий. Были высказаны различные гипотезы о том, должны ли определенные формы рассматриваться как падежные формы имен существительных, как наречия или же как послеложные конструкции. Поэтому ученые финно-угроведы и авторы учебников определяли разное количество падежей. Так, автор первой грамматики считал, что в марийском языке существует шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный (1, с 1). Он правильно отметил первые четыре падежа, которые выражают субъектно-объектные отношения (им., род., дат., вин.). В то же время он не признает форм, выражающих пространственно-местные отношения (мест., напр., обст.), он их квалифицирует как предлоги. Словосочетание существительного в форме им. п. и послелога он ошибочно трактует как форму творительного падежа, а имя в номинативе, оформленное притяжательным

суффиксом, - как форму звательного падежа. Ф. Васильев указывает только на четыре падежа: им., род., дат., вин. (2, с. 5-7). М. Кастрен насчитывает десять падежей: номинатив, генитив, аккузатив, датив, иллатив, инессив, аблатив, суперлатив, каритив, инструктив (3, с. 14). Он не обратил внимания на формы обстоятельственного и некоторых др. падежей. Ф. Видеман выделяет восемь падежей: номинатив, генитив, аккузатив, датив или аллатив, иллатив, инессив, предикатив, абессив (4, с. 24-37). Вместо термина каритив у М. Кастрена Ф. Видеман вводит термин абессив. Послелоги, которые М. Кастрен квалифицирует как падежные формы, Ф. Видеман не считает падежными формантами. Ф. Видеман указал на обстоятельственный падеж, который им назван предикативом. Э. Беке трактует о девяти падежах. Однако его названия не совпадают с названиями М. Кастрена и Ф. Видемана: номинатив, генитив, аккузатив, латив, иллатив, инессив, аллатив, аблатив, элатив (5, с. 232). Ю. Вихман различает тринадцать падежей: номинатив, аккузатив, генитив, латив, модаль, аллатив-датив, аблатив, инессив, иллатив, элатив, инструктив, комитатив, каритив (6, с. 113). Э. Леви дает следующую парадигму склонения: штаммформ, генитив, аккузатив, кӱрцерер иллатив, ленгерер иллатив, инессив, датив, аблатив, элатив, эссив, комитатив, аллатив (7, с. 118-122). Таким образом, ни один из перечисленных ученых не пришел к объективному выводу о количестве падежей и характере именного словоизменения. Отметим еще три работы, написанные в последнее время, - Б. Коллиндера (8, с. 554), А. Алхониеми (9, с. 175) и Г. Берецки (10).

Б. Коллиндер в марийском языке выделяет 13 падежей: номинатив, генитив, аккузатив, инессив, элатив, иллатив, аблатив, аллатив, латив, инструктив, комитатив, абессив, модал (8, с. 253). Мы считаем все же, что количество падежей в марийском языке иное (11,с. 72-109). Монография А. Алхониеми, на наш взгляд, выгодно отличается от других работ о марийском языке. В луговомарийском литературном языке он выделяет девять падежей, в горномарийском - десять. Такую систему падежей мы неоднократно предлагали задолго до А. Алхониеми. Заслуживает внимания система падежей, предложенная известным венгерским исследователем марийского языка Г. Берецки. 1 Nominativusz. 2 Genitivusz. 3 Akkuzativusz. 4 Dativusz. 5 Lativusz. 6 Illativusz. 7 Inesszivusz. 8 Ablativusz. 9 Approximativusz. 10 Komparativusz. 11 Komitativusz. 12 Karitivusz.

Марийские лингвисты также исследовали категорию падежа. В.М. Васильев (1918) устанавливает следующие падежи: именительный, родительный, дательный, винительный, местный, обстоятельственный, входный, падеж с послелогами и наречиями, употребляе-

ребляемыми в значении послелогов (12, с. 11). Он правильно констатирует факт наличия первых семи падежей. Однако восьмой падеж нет оснований считать за самостоятельный. В последующие годы одни авторы насчитывали 4 падежа, другие - до 16. П. Ярускин (1933) в ГМЛЯ выделял следующие падежи: 1. Лӹмдӹмӓш - *кӱ? ма?* 2. Ӹшкээмдӹшӹ -*кӱн? ман?* 3. Пумаш - *кӱлан? малан?* 4. Ӱжмӓш - *кӱм? мам?* 5. Вӓрӓнмӓш - *кӱэш? маэш? (кышак?).* 6. Ӹштӹмӓш - *кӱдон? мадон? кӱндоны? мадоны?* 7. Лишӹлеммӓш - *кӱндокы? мадокы?* 8. Каранмаш - *кӱндоц? мадоц?* 9. Пырымаш - *кышкы? машкы?* 10. Лӓкмӓш - *кышец? магыц?* 11. Кӧргӹшты - *кышты? машты?* 12. Тӱнӹ - *кӱндоран? мадоран?* 13. Кӱтишӓн - *кӱгишӓн? магишӓн?* 14. Цымырын - *кӱге? маге?* 15. Укээммӓш - *кӱтэ? матэ?* 16. Тӧрэштӓрӹмӓш - *кула? мала?* (13, с. 35-36). Как видно, П. Ярускин, на наш взгляд, необоснованно падежными окончаниями предложил называть послелоги: *дон, докы, доц, гыц, доран* и др. Проф. Н.Ф. Яковлев и М.И. Пекунькин (1936) в ГМЛЯ выделяли, кроме других, падеж отсутствия с суффиксом *-тэ /-де* и подобия с суффиксом *-ла / -лӓ* (14, с. 14). В трудах П. Ярускина и проф. Яковлева, как и их зарубежных предшественников, не представлено научное доказательство существования в марийском языке компаратива, комитатива, абессива. В работах Н.Т. Пенгитова дана система склонения, которая в настоящее время является господствующей в научной грамматике и в учебниках для школ: именительный, родительный, дательный, винительный, местный, направительный, обстоятельственный (15; 16, с. 104; 17, с. 43; 18). Однако система падежей, предложенная и Н.Т. Пенгитовым, не является свободной от недостатков.

Обращаясь к вопросу о грамматической категории падежа, о состоянии изученности теории морфологии марийского имени существительного, мы все же должны признать, что существует несоответствие между тем, что есть в языке, и тем, что и как зафиксировано в науке и лингво-методической теории. В лугово- и горномарийском литературных языках нами дополнительно исследованы и описаны сравнительный (компаратив), совместный (комитатив), а в горномарийском - еще и лишительный (абессив) падежи. Исследованиям о названных падежах И.Г. Ивановым дана следующая оценка: "Ему (Тужарову Г.М.) принадлежит заслуга научного доказательства существования в марийском языке ряда новых падежей (компаратива, комитатива, каузатива)" (19, с. 115).

Г. Берецки *-ла* рассматривает не как коаффикс показателя иллатива. Он считает, что *-шкыла* на современном этапе является отдельным падежным суффиксом аппроксиматива: *олмашкыла* 'в сторону яблока'. Однако возникает вопрос, правомерно ли выделение на-

званного падежа в современном марийском языке? Необходимо отметить, что вторичный аффикс *-ла* может присоединяться и к показателю инессива *-ште*. Кроме того, он регулярно присоединяется к *к*-овым, *н*-овым, *ч(ц)*-овым показателям падежей местнопространственной ориентации, а также к различным послелогам (*гыч* 'из' и т.д.). Все это говорит о том, что аппроксиматив как реальный падеж Г.Берецки выделен без должного анализа языковых фактов. Включить этот падеж в систему склонения нет достаточных оснований.

Необходимо отметить также, что термин аппроксиматив (от лат. approximo - приближаюсь) адекватно не отражает сущности падежной семантики соответствующих словоформ.

Как уже было отмечено, Ю. Вихман, П. Ярускин и др. в марийском языке выделяют элатив с показателем *-гыч, -гӹц*. Однако следует все же признать, что в горномарийском литературном языке, горном и северо-западном наречиях *гӹц* является самостоятельным словом (послелогом), потому что не подвергается действию закона гармонии гласных. И если послелоги мы начнем писать слитно с именами и квалифицировать их как падежные окончания, то это, по нашему мнению, был бы необъективный и нереальный подход в исследовании и установлении системы падежей в марийском языке. Включить элатив в систему склонения марийского языка нет логико-грамматических оснований.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка. Санкт-Петербург, 1775.

2. *Васильев Ф.* Пособие к изучению черемисского языка на лутовом наречии. Казань, 1887.

3. *Castren M.* Elementa grammaticae tscheremissae. Kuopio, 1854.

4. *Wiedemann F.* Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache. Reval, 1847.

5. *Beke Ö.* Cseremisz nyelvtan. Budapest, 1910-1911.

6. *Wichmann Y.* Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichnis und grammatikalishem. Abriss. Helsingfors, 1923.

7. *Lewy E.* Tscheremissische Grammatik. Leipzig, 1922.

8. *Collinder B.* Survey of the Uralic languages. Stockholm, 1969.

9. *Alhoniemi A.* Marin kielioppi. Helsinki, 1985.

10. *Bereczki G.* Chrestomathia ceremissica. Budapest, 1990.

11. *Тужаров Г.М.* Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола, 1987.

12. *Васильев В.М.* Записки по грамматике языка народа мари. Казань, 1918.

13. *Йарускан П.* Грамматыкы да сирăш тымэньмăш. М.:Учпэдгиз, 1933.

14. *Яковлев Н.Ф.* Падежи в марийском языке // Тезисы к докладам. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1936.

15. Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола, 1961.

16. *Серебренников Б.А.* О современной и другой системе марийских падежей // Вопросы марийского языкознания. Йошкар-Ола, 1964

17. Основы финно-угорского языкознания: марийский, пермский и угорский языки. М.: Наука. 1976.

18. *Учаев З.В.* Марий йылме. Теорий: 5-9 классылан учебник. Йошкар-Ола, 1993.

19. *Иванов И.Г.* Марийские филологи. Биобиблиографический сборник. Йошкар-Ола. 1988.

"Финно-угроведение". 1999. № 2-3.

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ: СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Л. Абукаева
Йошкар-Ола

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРИСУБСТАНТИВНО-ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном марийском языке в качестве одного из основных средств выражения подчинительных отношений выступают сложноподчинённые предложения.

Известно, что эти конструкции возникли в марийском языке в то время, когда уже существовали другие способы и средства выражения и оформления подчинительных отношений: примыкание простых предложений друг к другу, причастные, деепричастные, инфинитивные обороты как синтаксические средства, а также некоторые лексические и морфологические средства. Эти вопросы нашли своё освещение в трудах Б. Коллиндера и П. Равилы (1), Н.И. Исанбаева (2, 3), Ф.И. Гордеева (4), Г. Дечи (5), К.Е. Майтинской (6), И.С. Галкина (7), Б.А. Серебренникова (8), Л.П. Васиковой (9), Ю.В. Андуганова (10).

Если сложноподчинённые предложения расчленённой структуры (конструкции, придаточная часть которых относится ко всей главной части) рассматривались исследователями как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах, то нерасчленённые сложноподчинённые предложения (конструкции с придаточной частью, относящейся к слову или словоформе главной части) отдельно не выделялись и специально не изучались.

Присубстантивно-определительные конструкции характерны, прежде всего, для публицистического стиля, например: *Да, тугай коммунист-влакат лийыныт, кудышт тунам коммунизмыште илеңыт* (Марий Эл 31.05.1996) 'Да, были и такие коммунисты, которые

жили тогда как при коммунизме'. *Эртен тугай жап, кунам ме йомак ден легендым але акрет годсо преданийым койдарыме кумылын колыштынна* (Марий Эл 4.06.1996) 'Прошло то время, когда мы с насмешкой слушали сказки и легенды или старинные предания'.

В художественном стиле присубстантивно-определительные предложения чаще употребляются в поэтических текстах, в которых эти конструкции оправданы также требованиями ритмической организации стиха, например: *Мый тугае жапеш кушкынам, кунам илыш пелед тушланен* (10, с. 16) 'Я подрастал в такое время, когда жизнь, поднимаясь, цвела'.

Использование присубстантивно-определительных структур связано и с тем, что на субстантив падает особая смысловая нагрузка, например: *Уке тудо йолташем, кудын дене пырля пашам ышпен улына. Уке тудо пелашем, кудын дене шудо солымо годым пырля мурен улына* (11, с. 32) 'Нет того друга, с которым вместе работала. Нет того супруга, с которым вместе пела во время сенокоса'.

Существование в языке различных способов и средств выражения подчинительных отношений несомненно свидетельствует не только о богатстве языка, но и о том, что процесс формирования сложных предложений, в особенности сложноподчинённых нерасчленённой структуры, до конца не завершён. Употребление этих конструкций, их усиленное проникновение в язык, иногда неоправданное, ведёт к постепенному снижению роли исконно марийских способов выражения подчинительных отношений. Особенно остро это проявляется в официально-деловом и публицистическом стилях, в языке переводных документов. При переводах с русского языка на марийский зачастую структура сложных синтаксических конструкций русского языка целиком переносится на марийский текст, используются нехарактерные для марийского языка средства. В разговорный язык проникают изъяснительные сложноподчинённые предложения нерасчленённой структуры с союзом **что** и расчленённые сложноподчинённые предложения цели с союзом **чтобы**. Это не может не влиять на процессы дальнейшего развития сложноподчинённых предложений марийского языка, на его чистоту и структурную целостность. В связи с этим возникает острая необходимость нормирования употребления тех или иных синтаксических конструкций.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Collinder B.* Comparative Grammar of the Uralic Languages. Uppsala, 1960.
2. *Исанбаев Н.И.* Деепричастия в марийском языке. Йошкар-Ола, 1961.

3. *Исанбаев Н.И.* Особенности употребления *манын* и *лийын* в марийском языке // Вопросы языка, литературы и фольклора. Труды МарНИИ, Вып. XIV. Йошкар-Ола, 1961.

4. *Гордеев Ф.И.* К вопросу о происхождении сложноподчиненных предложений в марийском языке // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Вып. 3. Йошкар-Ола, 1964.

5. *Decsy Gy.* Einführung in die finnich-ugrische Sprachwissenschaft . Wiesbaden. 1965.

6. *Мартынская К.Е.* Вопросы сравнительного синтаксиса финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.

7. *Галкин И.С.* Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис. Йошкар-Ола, 1986.

8. *Серебренников Б.А.* Синтаксис уральского праязыка - синтаксис тюркского типа // Советское финно-угроведение. 1987, № 2.

9. *Васикова Л.П.* Синтаксическая структура деепричастных конструкций в финно-угорских языках // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 2. 1990.

10. *Андуганов Ю.В.* Историческая грамматика марийского языка. Синтаксис. Ч. I. Йошкар-Ола, 1991.

11. *Волков А.* Удыр кумыл. Йошкар-Ола, 1988.

Л. Васикова
Йошкар-Ола

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАРИЙСКИХ ЯЗЫКОВ: ВОПРОСЫ ОРФОГРАФИИ

В Республике Марий Эл функционируют государственные языки: русский и марийский (горный и луговой). Это зафиксировано в статье 15 Конституции РМЭ, принятой на Государственном Собрании РМЭ 24 июня 1995 года, и в статье 1 Закона "О языках в Республике Марий Эл", принятого на Государственном Собрании РМЭ 26 октября 1995 года.

Литературный язык функционирует в двух основных формах, устной и письменной. Письменные нормы как обязательные для всех пишущих (от письма в школе до официального документа) устанавливаются академическими институтами под управлением государства. У мари два литературных языка, имеющие свои орфографические и орфоэпические нормы.

Вопрос об орфографии как научная проблема впервые был поставлен на первой научной языковой конференции (январь 1937 г.), где рассматривались вопросы установления алфавита, правил орфо-

графии и количества падежей в марийских языках. В итоговом документе конференции "Проект алфавитов и орфографий марийских языков (лугово-восточного и горно-марийского)", изданном в 1938 г. на правах рукописи, были определены 48 правил орфографии для луговомарийского языка, 45 - для горномарийского.

На основе решений этой конференции были изданы: в 1939 году "Марийский лугово-восточный орфографический словарь" (сост. К.Ф. Смирнов, И.Ф. Андреев), в 1940 году - "Марийский (*кырык марла*) орфографический словарь" (сост. А.С. Мурзаев). Это были первые марийские орфографические словари с определением количества букв: для луговомарийского - 35 (есть буква **ӧ**, которой нет в горномарийском), для горномарийского - 36 (есть буквы **ӓ**, **ӹ**, которых нет в луговомарийском).

В оба алфавита были введены йотированные буквы **е, ю, я**. В обоих алфавитах даны правила использования букв **е, ю, я, ь, ъ**; правописание корня и окончания, заимствованных слов, слитное, раздельное и дефисное написание; образцы спряжения двух глаголов I и II спряжения. В 1948 году было переиздание луговомарийского орфографического словаря с некоторыми уточнениями и дополнениями, в частности, в луговомарийский алфавит была введена буква **ё**.

Вторая языковедческая конференция состоялась в декабре 1953 года. Она ставила иные задачи в становлении и развитии орфографий, а именно: создание общей, единой орфографии для двух литературных языков — горномарийского и луговомарийского. После конференции вышли из печати орфографические словари по луговомарийскому языку в 1954 г. (сост. А.А. Асылбаев, З.В. Учаев), по горномарийскому - в 1956 г. (сост. А.А. Саваткова).

В орфографические нормы горномарийского языка были внесены принципиальные поправки по вопросам соотношения букв и звуков. Прежде всего, это касалось изменения алфавитных значений букв, обозначающих переднеязычные гласные звуки **ӓ, ӹ**. Знак умляута ставился на них только в первом слоге (*ӓвамлан* вместо *ӧвамлӓн, шӹргышты* вместо *шӹргӹшты*), что нарушало один из основных фонетических законов горномарийского языка - закон палатальной гармонии гласных.

В последующих переизданиях луговомарийского орфографического словаря 1972 г. (сост. И.С. Галкин, З.В. Учаев), горномарийского 1978 г. (сост. А.А. Саваткова) существенных изменений не было, главным образом пополнялся словник словаря. Орфографии обоих марийских языков нуждались в совершенствовании.

Распоряжением Совета Министров Марийской ССР от 2 июля 1991 г., № 298-Р были утверждены Правила орфографии луговома-

рийского языка, от 23 июля 1993 г., № 385-Р - Правила орфографии и пунктуации горномарийского языка. Так были внесены принципиальные изменения в нормы орфографии в последних изданиях луговомарийского орфографического словаря 1992 г. (научный редактор И.Г. Иванов), горномарийского орфографического словаря 1994 г. (сост. Л.П. Васикова).

В горномарийском словаре "Кырык марла орфографи лӹмдер" (1994) сформулированы принципиально отличающиеся от предыдущих изданий правила по разделам буквенных обозначений звуков, правописания заимствованных и сложных слов, уточнены правила правописания словоформ, частей речи, употребления прописных и строчных букв; дан свод правил по пунктуации. В словаре более 37600 слов и словосочетаний.

Вскоре после выхода в свет луговомарийского орфографического словаря "Марий орфографий мутер"(1992) многие читатели, особенно учителя, стали выражать несогласие с правописанием многих слов, данных в словаре.

С чем не согласны пишущие? Таких положений немало. Прежде всего, формулировка правил орфографии. Они нуждаются не только в стилистической правке, но и теоретическом обосновании. Много неувязок в использовании принципов орфографии, в частности, лексико-синтаксического (написание слитное, раздельное и через черточку), морфологического, или морфематического (написание морфем в слове), фонематического и фонетического (передача фонем и звуков буквами), традиционного (письмо по традиции). Особенно много нареканий вызывает правописание сложных и заимствованных слов.

Принципиальные недостатки орфографического словаря (1992) в правописании сложных слов следующие: 1) отсутствие чётких правил по разграничению сложных слов и словосочетаний; некоторые из перечисленных в словаре правил вовсе не являются таковыми; 2) смешение сложных слов, образованных способом подчинения, и словосочетаний, что зиждется на непонимании лексико-грамматической сущности названных категорий. В словаре написано слитно: *кидпарня* - палец руки, *кид-паша* - ручная работа, *йӹдомо* - ночной сон, *пӧрткӧрӧ* - внутренняя часть дома, *курыкмарий* - горный мариец, *олыкмарий* - луговой мариец. А как писать *йол парня* - палец ноги; *вуй паша* - работа головой, *йол паша* - работа ногой; *кечывал омо* - дневной сон, *кудо кӧрӧ* внутренняя часть лачуги, *сарай кӧрӧ* - внутренняя часть сарая, *эрвел марий* - восточный мариец, *Пошкырт марий* - мариец Башкирии?

Нет системы в правописании заимствованных слов. Существительные, оканчивающиеся в русском языке на безударный гласный а, о, в лугово-марийском орфографическом словаре (1992) пишутся трояко: 1) как в русском языке (интернациональные слова тоже заимствованы через русский язык): *кафедра, наука, техника, теорема, актриса, акустика...*', 2) сообразно с лабиальной гармонией лугово-марийского языка: а) с буквой о на конце: *формулировко, проводко, точко, формо, прозо, фортепьяно..*, б) с буквой е на конце: *фирме, министерстве, системе, проблеме, странице, балалайке...*; 3) без последних гласных букв а и о: *культур, температур, литератур, библиотек, гитар, пианин...*

Не посмотревши в орфографический словарь (1992), никто не сможет определить, какую из этих букв (а, о, е) надо написать в конце заимствованных существительных. Например, в словаре дано слово *политик*, но нет формы *политика* или *политике*. Поэтому непонятно, что означает *политик*: человека (политического деятеля) или политическую деятельность.

Можно привести не одну сотню слов, с правописанием которых трудно согласиться. В результате использования названного словаря почти у каждой газеты, журнала, автора книги стали свои правила письма, вернее, отсутствие всяких правил.

Орфографический словарь (1992) не является справочником, устанавливающим нормы грамотного письма, и препятствует выполнению филологических и социальных функций лугово-марийского литературного языка. Орфографические словари - основа всей лексикографической работы: любой тип словаря, кроме диалектного или, возможно, специально транскрибированного, начинается с орфографического.

Работа по составлению и использованию орфографических словарей определяет уровень грамотности и общей культуры населения. Примером для подражания могут служить Германия и Япония. В прошлом году в средствах массовой информации сообщалось о том, что по указу канцлера Гельмута Коля была создана комиссия по усовершенствованию немецкого языка (за исторический период развития правописание нуждалось в совершенстве). С августа этого года в Германии вступили в силу новые правила правописания. Они обязательны для Германии и Австрии. Кстати, одним из самых трудных вопросов в немецком языке было правописание сложных слов. В парламенте Японии разрабатывается проект о всеобщем, обязательном, высшем (!) образовании. А Россия в результате демократических преобразований потеряла одно из самых больших своих достижений - всеобщее, обязательное среднее образование.

В заключение Орфографический словарь луговомарийского языка "Марий орфографий мутер" (1992) негоден к пользованию. Получилось обратное ожидаемому: орфографический (греческое orthos - правильно, graphō - пишу) словарь не учит грамотному письму.

Орфография - дело государственное. Так почему же негодный к пользованию словарь не был изъят из обращения сразу, пока не было нанесено столько духовного и материального ущерба? За шесть лет издавалась учебная, научная, художественная литература, шло обучение в школе и вузе. Ещё в 1994 году на совещании интеллигенции у Госсекретаря Республики Марий Эл Н.Ф. Рыбакова пришли к единому мнению: словарь нуждается в исправлении, усовершенствовании. Как бы ни было трудно, мы должны признать свою вину, свои ошибки, вернуться к этой работе и довести её до конца.

Некоторые мысли в порядке рекомендации. 1. Когда орфографический словарь не отвечает своему назначению, он подлежит изъятию; если возможно, усовершенствованию. 2. Для работы по усовершенствованию орфографического словаря луговомарийского языка надо создать комиссию. В ней, кроме учёных-лингвистов, должны быть работники, связанные с преподавательским и издательским делом. 3. При назначении председателя комиссии занимаемая должность, звания и степени не являются решающими. 4. Комиссия не может создаваться при министерстве культуры: подобная работа - область академической науки. 5. Первым шагом в работе комиссии является созыв республиканской конференции по основным проблемам орфографии.

Л. Громова
Тверь

ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА В ТВЕРСКОМ РЕГИОНЕ

История тверских карел (по данным переписи 1989 года их насчитывается около 23 тысяч) - это трагическая история части карельского этноса, около 4 веков назад покинувшего родные земли, поселившегося на территории другого этноса , сохранившего родной язык и культуру и оказавшегося на пороге второго тысячелетия на грани исчезновения.

Историю развития карельского языка в Тверском регионе можно разделить на несколько этапов.

Первый этап (с XVII до XIX вв.) развития карельского языка в новой русской этнокультурной среде характеризуется нерегулируемыми государством, стихийно проникающими процессами аккультурации карел. Патриархальный уклад жизни способствовал сдерживанию процесса ассимиляции. Карельский язык был полифункционален.

Второй этап ознаменовался попытками со стороны церкви повлиять на культуру карел, во многом сохранивших корни языческих верований. В начале XIX века было переведено Евангелие от Матфея священниками Г.Е. Введенским и М.А. Золотинским на тверской диалект карельского языка, которое было написано буквами русского алфавита. Это был первый письменный текст на карельском языке. В 1887 году был издан букварь А. Толмачёвской, написанный на основе толмачёвского говора, к которому прилагался словарь в 1300 слов и статьи для чтения. Если согласиться с учёными, полагающими, что отсчёт времени возникновения литературного языка начинается с издания первого букваря или Библии (как это трактуется у финнов, венгров, эстонцев), то конец XIX века для тверских карел был временем первых попыток создания письменности.

В середине XIX века русское государство начало заниматься вопросами образования. С 1840 года открылись школы для карельских детей, где они могли учить русский язык.

Развитие капиталистических отношений способствовало росту активности контактов между русскими и карелами. К 1897 году грамотность среди карел - мужчин составила 37, 1 % , а среди женщин - 6,7 %. К 1917 году почти всё мужское взрослое население карел знало русский язык. Установилось двуязычие, в котором карельский язык обслуживал бытовую и социально-культурную сферы общения, а русский язык - деловую. Карельский язык существовал в устной форме.

Третий этап (с 1917 до 1939 гг.) характеризуется активной деятельностью по созданию письменности и литературного языка. (Подробнее этот период описан в сообщении). (Утверждён новый карельский алфавит на латинской основе, составленный Милорадовой А.А.; выпущены учебники карельского языка; открылись национальные школы, курсы для подготовки учителей карельского языка, карельское педагогическое училище; переведены и изданы произведения русских писателей на карельском языке, издаются карельские газеты). Создание в 1938 году Карельского национального округа и его разгром в 1939 году положили конец возрождению ка-

рельской культуры и языка. В сознании карел произошёл перелом: молодое поколение стремилось забыть свою национальность и как можно быстрее освоить русскую культуру на уровне родной. Билингвизм был разрушен, многие карелы стали русскоязычными.

Четвёртый этап (с 1939 до 1990 гг.) можно считать временем стремительно нарастающего процесса ассимиляции. Это подтверждается статистикой. Карельский язык испытывал массированное влияние русского языка во всех сферах общения. Произошло качественное изменение карельского языка: увеличилось количество неоправданных заимствований из русского языка, употребление русских слов при наличии эквивалента на родном языке, остановилось лексическое обогащение языка посредством словообразования. Резко сузилась сфера функционирования карельского языка. К 90-ым годам он использовался как средство общения лишь в бытовой сфере носителями, проживающими в деревне, возраст которых в основном превышал 30 лет. Существование карельского языка в устной форме делало его чрезвычайно уязвимым.

В настоящее время состояние карельского языка следует оценивать как критическое. Тверские карелы всё ещё находятся на грани утраты родного языка, хотя с 90-х годов начался новый позитивный этап его развития.

Произошли многие положительные перемены: образована Культурно-национальная автономия (декабрь 1997 года), которая своей основной задачей считает возрождение национальной культуры, сохранение и развитие языка. Изданы учебные пособия (Bukvari М. Орлова и "Книга для чтения" "Armas sana" З. Туричевой), выпущен "Словарь карельского языка (Тверские говоры)" А.В. Пунжиной, в Хельсинки вышел "Диалектологический атлас карельского языка" Д.В. Бубриха, А.А. Белякова, А.В Пунжиной. В школах ведётся факультативное преподавание карельского языка. В педагогическом училище начата подготовка учителей начальных классов. Планируется в Тверском университете создать условия для подготовки преподавателей карельского языка высшей и средней школы. Началось создание средств массовой информации (выходит газета " Karielan sana" и радиопередача "Tverin karielat"). Началось возрождение письменности на тверском карельском говоре. Формируется творческая интеллигенция.

Однако все предпринятые меры на сегодняшний день не внесли кардинальных изменений в структуру функционирования карельского языка, сферу его использования пока не удалось достаточно расширить. Нужны более энергичные и целенаправленные действия по изменению сознания сегодняшних карел. Для многих молодых и да-

же пожилых представителей карельской национальности характерен пессимизм по отношению к возможностям родного языка, недопонимание роли родного языка в духовном развитии личности, незнание собственной истории и забвение культуры. Важная роль в языковом воспитании населения должна быть отведена карелоязычным средствам массовой информации и учебным заведениям. Сегодня решение многих проблем упирается в отсутствие материальных средств.

Для сохранения и развития карельского языка в Тверском регионе главным направлением в языковой политике (как со стороны общественных организаций карел. так и со стороны государственных структур) необходимо считать направление языковой экологии по отношению к карельскому языку, которое обеспечивается:

1) возвращением молодому поколению родного языка в устной и письменной форме;

2) расширением сферы функционирования карельского языка до установления оптимального двуязычия, созданием полноценных карелоязычных средств массовой информации;

3) целенаправленным языковым воспитанием всего населения Тверского региона по формированию положительного отношения к культуре малых народов и, в частности, к карельской культуре;

4) объединением усилий творческой интеллигенции всех карело-язычных регионов на пути создания карельского литературного языка; разумным вмешательством в процесс его формирования;

5) формированием творческой интеллигенции, способной участвовать в развитии национальной культуры;

6) расширением культурных контактов с родственными народами, что позволит тверским карелам осознать себя частью финно-угорского мира.

З. Зорина
Йошкар-Ола

РУССКАЯ РЕЧЬ МАРИ КАК МОДЕЛЬ ФОНЕТИЧЕСКОГО СУБСТРАТА

В современной лингвистике предметом разного толкования является вопрос о том, что представляет собой речь билингва: является ли это некоей третьей языковой системой - реальным автономным

языком (не считая случаев пиджина в креольских языках) или это - подсистема L_2 (изучаемого неродного языка).

При рассмотрении этих вопросов важно иметь в виду, что в ту или иную интерпретацию вопросов билингвизма заложены разные теоретические концепции. Кроме того, различные теоретические положения созданы на материале изучения очень разных условий существования двуязычия и с применением разных методик исследования. Наконец, при изучении вопросов билингвизма нелингвистами (например, социологами, психологами) часто опускаются вопросы собственно лингвистические, следствием чего может быть неполная и нечеткая трактовка общих и частных вопросов двуязычия.

Очевидно, в зависимости от реальной ситуации сосуществования и взаимодействия разных звуковых систем результат может быть различным.

Для исследования использовалась уникальная языковая ситуация, сложившаяся на территории Республики Марий Эл. Она характеризуется сосуществованием территориального варианта русского языка, включающего местные диалектные группы (Козьмодемьянск, Юрино, Ветлуга и районы, граничащие с Кировской областью), и двух близкородственных финно-угорских языков: горномарийского и лутовомарийского.

Исследовалась реализация информантами (информантами были представители разных социальных групп, всего - 200 человек) гласных, согласных и консонантных групп во всевозможных встречающихся позициях.

Обработка материала проводилась методом слухового, статистического, спектрального анализа.

Отношения между марийскими и русскими языками характеризуются длительными контактами. На ранних этапах марийские языки соприкасались с диалектами севернорусского наречия, в XX в. - с литературной речью, подкрепляемой средствами массовой информации (радио, телевидение и т.д.).

Марийское население широко пользуется русским языком, особенно в городах (во всех сферах культурно-образовательной жизни), в деревне русский язык используется меньше. Сферой его употребления могут быть школа, трудовая деятельность, реже - семья. При этом марийский язык для русской речи мари можно рассматривать как аналог субстрата.

Русское же население не использует марийские языки, поэтому при контактах с билингвами - мари, говорящими на русском языке, и русские могут испытывать влияние ненормативной русской речи мари. Таким образом, марийский язык может играть роль адстрата.

Это различие социолингвистических условий отражается в характере отклонений от русской произносительной нормы.

Русские - жители республики сохраняют в своей речи диалектные черты: *оканье, еканье, яканье*. О влиянии марийских языков на русский свидетельствуют в некоторой степени [э]-образные реализации в заударных неконечных слогах вместо нормативного русского [ь] (редуцированного /а/ или диалектного русского /о/).

В русской речи носителей марийских языков ярко проявляются различия по социально-географическому признаку: произношение жителей Йошкар-Олы - столицы республики (как горных, так и луговых мари) содержит в целом значительно меньше отклонений от литературной нормы.

Условия речевой коммуникации в сельской местности не требуют использования русского языка в таком же объеме и с той же частотой, а марийские языки, напротив, находят более частое применение, чем в городе. Жители села имеют меньше поводов слышать нормативную русскую речь. Все это создает условия для значительного влияния звуковой системы родного языка на русскую речь.

Относительно реализации гласных в русской речи мари следует отметить, что наиболее яркими нарушениями нормы на сегментном уровне являются произношение [ɪ] вместо [ы] на месте буквы и, отсутствие чередования /о/ и /а/ в безударных слогах, т.е. произношение гласного [а] на месте буквы а и произношение [о] на месте о. Русской речи мари свойственно произношение [а] вместо нормативного [і] на месте буквы е.

При реализации твердых согласных в речи всех мари отклонения от нормативного произношения обнаруживались в основном для губных /f, v/ и заднеязычного /g/. Однако в речи луговых мари отклонения от нормативных реализаций не превышали 50 %.

В русской речи горных мари губно-зубные [f], [v] в большинстве случаев заменяются губно-губными [ɸ], [β]; вместо заднеязычного [g] предпочитают произносить щелевой [γ].

Следует отметить специфичность конкретной реализации тех или иных согласных горными и луговыми мари. Так, при реализации /h/ характерной ошибкой горных является глухость: [h], у луговых - щелевой характер: [β]; при реализации /c/ горные нарушают признак твердости и произносят [c'], луговые нарушают признак смычности и артикулируют щелевой [s].

Важным и трудным для усвоения дифференциальным признаком согласных для всех мари является мягкость. При этом количество ненормативных реализаций у горных мари всегда больше, чем у луговых

С отклонением от нормы свыше 50 % горные мари произносят все губные согласные и переднеязычный /s'/ перед гласными переднего ряда, обычно реализуя их твердыми. Перед гласными заднего ряда согласные /z',s'/ горными мари в большинстве случаев произносятся твердыми: [z], [Š]. В их речи переднеязычные [t'], [n'], [l'] свободно варьируются со среднеязычными [h], [n], [λ].

Горными мари практически не усвоено произнесение трех мягких согласных /r', g', x'/.

В русской речи луговых мари трудной для реализаций перед гласными переднего ряда оказывается согласный /h'/, здесь реализуется в большинстве случаев твердый звук. Перед гласными заднего ряда вместо мягкого [f'] луговые мари предпочитают произнесение твердых [f] или [ф].

Произнесение переднеязычных [n'], [l'] заменяется произнесением среднеязычных [n], [λ]. Следует отметить, что наряду с [t'] в речи луговых реализуется и среднеязычный [h], имеющийся только в горномарийском языке.

Практически не усвоенными луговыми мари являются два мягких согласных [r'], [x'].

Наиболее трудными для произнесения в русской речи мари оказываются сочетания согласных. Основное нарушение нормы при реализации консонансов согласный +C' заключается в несоблюдении ассимиляции по твердости/мягкости. Одновременно искажаются характеристики согласных по способу образования.

Анализ реализации согласных в консонансных группах свидетельствует о том, что при их произнесении горные и луговые мари имеют несовпадающие артикуляторные программы.

Таким образом, горные и луговые мари, как носители близкородственных языков, имеют общие по типу тенденции в отклонениях от нормативного произношения. Однако каждый язык в силу своей индивидуальной фонетической системы и своих собственных внутренних закономерностей представляет собой единственную в своем роде исключительную базу, свойства которой особым образом отражаются на уровне речепроизводства на L_2. Свидетельством этого являются все различия в реализациях той или иной фонемы в русской речи горных и луговых мари.

Несмотря на значительное сходство между обоими языками по составу фонем и характеру их артикуляции, оказывается, что существующие достаточно небольшие различия в фонетическом строе этих языков отражаются на усвоении русского языка, неодинаковая основа - горномарийский язык и луговомарийский язык - приводит к несовпадающим результатам при говорении на русском языке. По-

следнее заставляет предположить некоторые особенности артикуляционной базы в каждом из языков, что до сих пор не привлекало внимания, а также и то, что при любом уровне владения билингвом L_2 та или иная степень фонетической нормативности / ненормативности будет зависеть прежде всего от фонологической системы его родного языка. Одни языки (родные) могут быть более благоприятными для усвоения одного и того же L_2, а другие - менее благоприятными.

Проявляя свой характер при речепроизводстве на L_2, т.е. русском языке, горномарийский и луговомарийский языки выступают как бы отдельными аналогами субстрата в русской речи горных и луговых мари.

В целом фонетическая система "наивного" билингва, свободно владеющего L_2, - реальная речевая деятельность, которая представляет собой отражение психофизиологических произносительных возможностей членов данного коллектива в данное время. Однако количество отклонений от русской нормы только для трех фонем превышает 50 %, а чаще всего составляет от 30 % до 50 %. При этом одно и то же слово может реализоваться с разными отклонениями и с разной степенью их выраженности. Поэтому нет убедительных фактов, которые заставили бы говорить о существовании какой-либо устойчивой системы. Система требует последовательности в употреблении ее единиц на уровне синтагматическом и определенных границ в их реализации на уровне парадигматическом. Ни то, ни другое нельзя констатировать для русской речи марийцев, потому считаем, что нет оснований говорить о наличии здесь третьей языковой системы. Русская речь горных и луговых мари, отражающая модель фонетического субстрата в русском языке, сегодня представляет собой фонетическую реальность, имеющую лишь тенденцию к развитию в самостоятельную систему. Лишь те или иные социально-исторические, а затем и лингвистические условия развития языковых контактов могут привести к тому, быть ей (этой системе) или не быть.

Языковую ситуацию в Республике Марий Эл можно рассматривать как некую модель такого двуязычия, которое в истории разных языков было источником явлений субстрата.

Разумеется, для марийских и русского языков не может идти речь о вытеснении родного вторым, тем более нельзя говорить об изоляции русской речи носителей марийского языка от их родного языка или от влияния русской литературной речи. Поэтому отождествлять языковую ситуацию в Республике Марий Эл с той, которая имела место в истории, например, романских языков, было бы гру-

бой ошибкой. Отношения между русским языком и родным (марийским) языком вовсе не представляют полной аналогии с тем, что имело место в эпоху Римской империи. Тем не менее, в обеих ситуациях есть сходные черты, ибо в том и другом случае речь идет о массовом двуязычии, которое является неизбежным этапом, предшествующим образованию нового языка с элементами субстрата.

Р. Игнаева
Йошкар-Ола

ТОЧНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ, ОПРЕДЕЛЯЕМАЯ ПОСРЕДСТВОМ ЕДИНИЦ ИЗМЕРЕНИЯ, В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Окружающий мир бесконечно многообразен, но все виды и формы материи характеризуются свойственной им количественной и качественной определенностью.

Теоретически осваивая мир и воплощая свои теории в практику, человек уже в древности разработал два пути определения количества: посредством счета, дающего число, и посредством измерения, дающего величину (1, с. 8). Создатель первой классификации категорий Аристотель отмечал, что "всякое количество есть множество, если оно счислимо, а величина - если измеримо" (2, с. 164).

Категория количества рассматривалась в трудах таких исследователей, как А.А. Холодович (3), Е.В. Гульга, Е.И. Шенделькс (4), Т.П. Ломтев (5), И.П. Перетятько (6).

Различаются две разновидности точной множественности: а) определяемая согласно тем или иным параметрам посредством измерителей и б) устанавливаемая без измерителей, путем прямого счета. Точное определение геометрического, физического и т.п. характера параметров предметов и явлений, как утверждает В.В. Акуленко, выражается сочетанием числительных с названиями единиц измерения. Системы измерителей являются результатом скрещения естественных языков с метаязыками точных и естественных наук, экономики (1, с. 20). Это - наименования единиц меры веса, длины, площади, объема, стоимости, времени и возраста, температуры и трудовой деятельности.

Время и возраст. Восприятие времени человека - это, прежде всего, отражение последовательности сменяющих друг друга явлений, т.е. продолжительности явлений объективного бытия, их тече-

ния в пределах того или иного отрезка времени. Длительность существования всего происходящего, всех явлений и предметов измеряется годами, часами и т.п., а возраст определяет период в росте, развитии человека, он указывает на определенное состояние и силу организма.

Нет необходимости подробно описывать лексико-грамматические особенности многочисленных наименований единиц измерения времени и возраста в марийском языке (*курым* 'век/столетие'; *идалык/талук/ий* 'год/лет'; *тылзе* 'месяц'; *арня* 'неделя'; *кече* 'день'; *шагат* 'час'; *минут* 'минута'; *секунд* 'секунда' и т.д.). Мы остановимся лишь на некоторых средствах их выражения: а) субъективные композиты, включающие единицы измерения времени: *Мемнан Лайсола кандашияш школна ял мучашке садер коклашке верланен* (7, с 124). "Наша Лайсолинская восьмилетняя школа находится в конце деревни, посреди садов"; б) единицы измерения времени с нулевыми и дробными количественными показателями: *Икымше пелийым шудо йочаже "ныпытан" да "визытанлан" тунем пытарен* (8, с. 15) "Сто учеников первое полугодие закончили на "четыре" и "пять".

Выше названные наименования единиц измерения времени с отсутствующими количественными показателями сообщают о субъективно ощущаемых авторами больших, зачастую неопределенных промежутках времени, а в сочетании с количественными числительными - о точном времени.

Точная множественность как квантативный смысл единиц измерения с нулевым количественным показателем ощущается в большей мере, когда эти лексемы снабжены интенсивом *путынь* 'целый' или усилительной частицей *-ат*. Коннотация "малый промежуток времени" передается при помощи слов *секунд* 'секунда' и *минут* 'минута' с частицей *-ат* (*минутат* 'ни минуты', *секундат* 'ни секунды').

В число народных наименований единиц измерения времени можно включить следующие слова: *умыр* 'жизнь - время от рождения до смерти', *теле* 'зима', *шошо* 'весна', *шыже* 'осень', *кенеж* 'лето', *кастене* 'вечером' и т.п. Они выражают неопределенное приблизительное время, например: *Чапле паша кок умырым ила* (9, с. 272). "Хорошая работа две жизни (века) живет".

Вес. Время и возраст универсальны и всеобщи, в них протекает, формируется все сущее. Поэтому добавление к единицам измерения времени и возраста того, что измеряется, избыточно: выражения типа *кум ий жап* 'три года времени' воспринимается как интенсивы,

экспрессивные варианты тех выражений, в которых отсутствуют упоминания о времени, возрасте

Что касается параметра "вес", то он приложим к вещам, бесконечное разнообразие которых требует конкретизации: *вич килограмм мо?* 'пять килограммов чего?' Ввиду этого указание измеряемого вещества при единицах измерения веса обычно, например: *Столовыш парекым ик килограммжым ик теҥге дене колта* (10, № 67) 'В столовую отправляет картошку по одному рублю за килограмм'. Здесь идет счет посредством такой единицы измерения, как килограмм. Килограмм представляет собой точную множественность - 1000 граммов. В тех случаях, когда исчисляемое вещество не называется, то его подсказывает тезаурус знаний, или оно не актуально.

Среди народных наименований можно назвать такие меры веса, как *кремга* 'фунт - 409,5 г.', *пуд* 'пуд - 16,3 кг'.

Длина. При помощи мер длины измеряются геометрические фигуры (предметы), вещества или предметы, охватывающие большие пространства, имеющие какую-либо протяженность и т.п. Среди них чаще других встречается земля. Точными единицами измерения длины в современном мире являются километр, метр, дециметр, сантиметр, миллиметр. Народными единицами меры длины могут быть *ошкыл/йолташкалтыш* 'шаг', *шеч* 'пядь', *меҥге* 'верста - 1,06 км', *важык* 'сажень - 2,12 м', *кынергут* 'длина с локоть - приблизительно 0,5 м', *аршын* 'аршын - 0,71 м'. Приведем пример. *Кугорно деч лу метр ӧрдыжто окопышто Смирнов Вачай шинча* (11, с. 12). 'В десяти метрах от шоссе в окопе сидит Смирнов Иван'. "Длина с локоть", "пядь", "шаг" являются приблизительными единицами измерения длины.

Площадь. Единицами измерения площади являются *квадрат метр* (*кумдык*) 'квадратный метр', *сотык* 'сотка - 100-ая часть га', *десятин* 'десятина - 1,09 га'. При помощи названных единиц мер определяется площадь земли, квартиры и т.п. В большинстве случаев наименование того, что измеряется, опускается, например: *6 сентябрьлан 720 (шым шӱдӧ кол) гектарыште туреме* (10, № 180) 'На 6 сентября сжато 720 гектаров'. В художественной литературе встречаются народные единицы измерения площади: *копа/сово* (*кумдык*) 'площадь с ладонь' и т.п.

Объем. Стандартными единицами измерения объема являются кубический метр, литр, например: *Тиӧлан чылаже ик литр шӧр кӱлеш* (10, № 180) 'Для этого нужен всего один литр молока'. Но в художественных текстах, в наибольшей мере отражающих разговорную речь, они встречаются нечасто. В роли единиц измерения объема в живом общении выступают наименования самых различных по

форме и величине вместилищ веществ. Это - бочка, ведро, чашка, стакан, чайная ложка, котелок, мешок, воз, горсть, телега и т.п. Опущение наименования измеряемых веществ подсказывается контекстом или тезаурусом знаний читателей.

Температура. Единица измерения этого параметра - градус - используется и в других параметрах (географическая широта и долгота, крепость спиртных напитков), но не столь часто, как для измерения температуры. Это позволяет в художественных текстах при слове *градус* словоформу *температуры* не употреблять, например: *А шошым шуки мланде умбак юж 15 градус марте ырымек веле лектеш* (10, № 220) 'А весной червяк выползает наружу (на землю) при 15-ти градусах тепла'

Стоимость. Средством выражения стоимости мы считаем наименования денежных единиц. Носители языка легко обходятся без названия самого слова *окса* 'деньги'. В художественных текстах при выражении стоимости оно может присутствовать. Причины экономического порядка привели к частому употреблению наименований денежных единиц, обращающихся вне "рублевой зоны", то есть доллары, марки и т.п. Характерной особенностью разговорной речи является активное замещение сочетания числительных с денежными единицами наименованиями купюр, как включающими компонент *тенгеаш кагаз* 'рублевая бумага, купюра', например: *Чыла сомылышко ойырымо 315 (кум шудо латвич) миллион тенге пеш писын пӧртылталтын* (10, № 71) 'Выделенные на все дела 315 миллионов рублей были быстро возвращены'. *Чужган кугыза Сакарын ончыкыжо коло вич тенгеаш кагазым да кок ший тенге оксам луктынат пыштыш* (12, с. 90) 'Сакар ничего не успел сказать, как старик Чужга выложил перед ним двадцатипятирублевую купюру и две новые серебряные монеты'.

Трудовая деятельность. Выделить этот параметр нас побудило наличие в марийском языке историзма *трудодень*, например: *Колхозын чумыр доходшо гыч Архип кугызалан 710 (шым шудо лу) трудоденьжылан 2065 (кок тужем кудло вич) тенге оксам тулаштеш* (13, с. 45) 'Из общего дохода колхоза старику Архипу на его 710 трудодней выплатят 2065 рублей'. Наши наблюдения, касающиеся данного параметра, пока носят лишь предварительный характер.

В заключение необходимо сказать, что новые сведения о сфере структуры квантативных значений добыты исключительно благодаря тому, что исходным пунктом анализа были не форма и не функции языковых единиц, а их содержание - квантативные смыслы. Степень семантической вариативности при этом особой роли не играет: структура выражения точной множественности, не столь бога-

той в семантическом отношении, как единичность, неточная множественность, оказалась более разветвленной. Точная множественность представляет собой функционально-семантическое поле.

Таким образом, исчисляемые, вещественные имена актуализируются путем условной квантификации. Недискретные вещества взвешиваются, измеряются, раскладываются в пучки и т.п. Названия этих мер и массы конкретизируются посредством числительного Этот случай называется косвенной считаемостью и на синтаксическом уровне реализуется в модели *Num NN* (*кок килограмм ложаш* 'два килограмма муки'). Взаимосвязь количественных компонентов сочетаний этого типа вытекает из семантической согласованности, так как оба компонента реализуют общую сему количества, каждый из них дополняет друг друга семантически

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Акуленко В.В.* О выражении количественности в семантике языка // Категория количества в современных европейских языках. Киев: Наукова думка, 1990.

2. *Аристотель.* Метафизика. 33 сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1975.

3. *Холодович А.А.* Категория множества в японском языке в свете общей теории множества в языке // Ученые записки Ленинградского университета. № 69. Л., 1946. Вып. 10.

4. *Гулыга Е.С., Шендельс Е.И.* Грамматические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969.

5. *Ломтев Т.П.* Квантативы современного русского языка // Памяти академика В.В. Виноградова (сборник статей) М.: Наука. 1971.

6. *Перетятько Т.П.* Лексические средства обозначения неопределенно большого количества. Автореф. дис. канд. филол. наук. Алма-Ата, 1972.

7. *Иванова З.К., Тимофеева В.Т.* Марий йылме пунктуаций дене диктант сборник. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во. 1994.

8. Ямде лий. Йошкар-Ола, 1994. № 15

9. *Китиков А.* Марий калыкмут. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1991.

10. Марий Эл. Йошкар-Ола. 1994. № 180; 1995. № 67 и 71; 1996 № 270.

11. *Лекайн Н.* Куртньо вий: Роман. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1987.

12. *Чавайн С.* Элнет: Роман. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1975.

В. Константинова
Йошкар-Ола

ПРОБЛЕМА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

Народная мудрость гласит: "Жив язык - жив и народ. Умер язык - умер и народ". Долгие годы мы постепенно забывали марийские

обычаи, традиции, обряды. Это понятно, ведь во многих образовательных учреждениях обучение велось только на русском языке. Речи о преподавании марийского языка в русских школах не было и быть не могло. И только с 90-х годов, сначала как эксперимент, а в настоящее время во всех русскоязычных школах Республики Марий Эл введен предмет марийский язык как государственный по 2 часа в неделю.

Обучение марийскому языку в школах Марий Эл должно преследовать реализацию практической цели. А практическая цель заключается в обучении школьников марийскому языку на уровне понимания и общения.

Л.В. Щерба указывал, что особенность языков как учебных дисциплин заключается в том, что, изучая предмет "родной язык" и "неродной", они обладают определенной спецификой. Суть отличий в том, что, изучая предмет "родной язык", учащиеся уже владеют этим языком как средством общения в устной форме. Из этого следует, что коммуникативная цель обучения родному языку - формирование умений в письменной речи и совершенствование умений в устной речи. При обучении же неродному языку ведущей является коммуникативная функция.

В процессе обучения марийскому языку учащиеся овладевают говорением (устной речью), чтением, аудированием. Письмо же служит средством обучения, помогающим более прочному усвоению материала. В начальной школе закладывается основа владения лексикой, в среднем и в старшем звене усвоение лексического материала закрепляется грамматикой языка, совершенствуются навыки в устной речи и чтении. Учитывая эту специфику, есть необходимость отступления от традиционной методики обучения родному языку и разработки новых, адекватных запросам общества методов преподавания марийского языка как неродного. А для этого надо готовить кадры методистов, которых у нас очень мало.

Известно, что двигателем всякого учения является мотивация. Большое значение она приобретает и при обучении марийскому языку в русских школах.

Кто не знает, что, хотя школьники изучают иностранный несколько лет, пользоваться им как средством общения они не могут. Хотя нам всем известно, что мотивация при обучении иностранному говорению намного выше, чем при обучении марийскому. Да и методика преподавания иностранного языка давно уже разработана.

В чем причина? Причина в отсутствии языковой среды. Окажись ребенок в естественной языковой среде, через несколько месяцев начинает понимать чужой язык и говорить на нем.

А почему же нам не удается или плохо удается обучать марийскому языку, живя в Марий Эл?

Во-первых, отсутствие той же языковой среды. Скажете, парадокс? Да, так и есть. Учащиеся говорят по-марийски только на уроках марийского языка и во внеклассной работе. Даже в марийских семьях дети не говорят на родном языке. По Конституции Марий Эл государственным языком признаны русский, марийский (луговой и горный). Но пока в большинстве случаев деловым является только русский язык. Хотя выходят газеты, журналы на марийском языке, по радио и телевидению проводятся передачи. На улицах города видим вывески на марийском языке.

Во-вторых, отсутствие методики преподавания марийского языка в русскоязычных школах. К нашему предмету очень близка методика иностранного языка, поэтому мы в своей работе опираемся именно на нее.

В-третьих, несовершенность программы. Раз нет методики, то нет и хорошей программы.

В-четвертых, не хватает учебников, хотя в рукописном варианте они есть до 9 класса. Для их выпуска нет финансов.

В-пятых, до последних лет не было целенаправленной подготовки учителей данной категории.

Все причины взаимосвязаны между собой, но остановимся на проблеме учебников. Помочь сохранить интерес (а значит и мотивацию) к изучению языка должны сами учебники. Учебник должен быть внешне и внутренне привлекательным, чтобы ученик с большим желанием брал его в руки. Цветное оформление, высокий уровень исполнения рисунков, раскладка материалов и заданий, использование условных знаков, все это должно вызвать положительные эмоции у детей.

Процесс обучения языку надо строить на системе упражнений в говорении, чтении, аудировании, переводе, письме. Необходимо обеспечить коммуникативную направленность и ситуативную обусловленность упражнений. Грамматический материал, предназначенный для построения правильной речи, осваивается в большинстве с помощью структур. Тексты, диалоги должны сопровождаться сюжетными рисунками. Они должны усилить мотивационный, познавательный аспекты учебного материала.

Роль же учителя в процессе обучения неродному языку огромна. "Искусство учителя заключается в учете общих закономерностей в конкретных условиях обучения и воспитания". Учителю хорошо известно, что нет плохих классов и групп, хотя возраст, условия подготовки в общем виде одинаковы. Учитель должен приспособить

идеальную модель обучения к условиям конкретной группы учащихся. На уроках учитель наталкивается интуитивно, неосознанно на те или иные методы и приемы подачи материала.

Современная социолингвистическая ситуация действительно требует такого подхода к освоению иноязычных систем в школе и вне ее, который позволил бы интенсифицировать и дифференцировать процесс обучения национальным и иностранным языкам исходя из конкретных коммуникативных целей, учебного времени, профессиональной направленности, уровня знаний. Сегодня действуют немало эффективных курсов интенсивного освоения иностранных языков. К сожалению, эта же задача в преподавании национальных языков не решается. А, по-моему, есть большая необходимость в разработке курса интенсивного обучения марийскому языку. Разработав интенсив, можно было бы организовать курсы для желающих изучать марийский язык. Это помогло бы поднять статус языка намного выше. Если подрастающее поколение изучает марийский язык в ДДУ и школах, то на таких курсах обучалось бы взрослое население.

Вера Воробьева, кандидат педагогических наук из Института педагогических инноваций, в своей работе "Психолингвистика" приходит на помощь, говорит, что процесс освоения языковых систем и речевого развития соотносится с закономерностями и этапами порождения речи, поэтому обучающие программы должны отражать специфику этого психолингвистического процесса, а не только особенности языковых и речевых структур изучаемого языка. Речевое действие происходит только при условии, что оно подкреплено соответствующим речевым и языковым материалом. Для всех уровней освоения неродного языка на начальном этапе конечная цель едина - овладеть умением конструировать элементарные предложения, т.е. овладеть способом развития механизмов порождения речи. И только на этом фундаменте могут строиться программы, формирующие усложненные навыки диалогической и монологической, устной и письменной речи по схеме речь-язык-речь.

Таким образом, перед нами стоит очень трудная и сложная задача, от решения которой зависит будущее нашего языка. Только сплоченность, согласие между собой помогут решить названные выше проблемы

Р. Насибуллин
Ижевск

МЕСТО РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Появление частотных словарей по отдельным языкам, в частности, по русскому (ЧСРЯ) и финскому (ЧСФЯ) дало возможность не только с конкретной точностью разграничить активную и пассивную лексику, но и по-новому решать многие вопросы в современной лексикологии, в том числе исследовать частотность употребления слов в отдельных понятийных полях, например, сопоставительный анализ показал, что частотность употребления названий месяцев и дней недели в каждом отдельном языке находится на одном уровне (название среды - чаще), а частотность слов, относящихся к отдельным семантическим полям, например, слов, употребляющихся для цветообозначения, представлена крайне неравномерно. Понятия, обозначающие цвета в русском и финском языках, располагаются в следующем порядке убывания: "черный", "белый", "красный", "зеленый", "синий", "голубой", "серый", "желтый", "розовый", "бурый", "коричневый", "фиолетовый", "вишневый", "алый" и т.д.

Примечательно, что в лексической системе активный слой лексики не находится в неизменном виде, чаще всего он расширяется за счет заимствованной лексики, в которой основное место занимают так называемые "культурные слова". При внимательном обзоре видно, что, например, иноязычная лексика, вошедшая в удмуртский язык из иранских, тюркских и русского языков, оказывается в составе как активной, так и пассивной лексики.

К какому слою лексики относятся те или иные русские лексические заимствования, вошедшие в удмуртский язык в дооктябрьский период? На этот вопрос было бы очень легко ответить, если бы существовал частотный словарь удмуртского языка. Но пока еще такой словарь не составлен. На этот вопрос можно ответить косвенным путем, опираясь на частотные словари других языков. Сопоставительный анализ данных частотных словарей русского (ЧСРЯ) и финского (ЧСФЯ) языков показывает, что слова, выражающие одни и те же понятия, находятся почти на уровне, близком друг к другу. Незначительное расхождение частотности употребления слов в этих словарях объясняется тем, что, во-первых, эти словари содержат неодинаковое число слов: первый - 39268, второй - 46919, во-вторых,

состав источников, использованных при их составлении, не совсем идентичен, например, в ЧСРЯ не представлены материалы радиопередач, но в то же время в нем использованные тексты содержат больше военных терминов, чем финские. Однако это обстоятельство суть названных словарей не меняет: слова активного или пассивного употребления, выражающие одни и те же понятия, имеют примерно одну и ту же частотность употребления, данные сводного словаря удмуртского языка дают основание полагать, что слова активного или пассивного употребления имеют также идентичную частотность употребления со словами русского и финского языков. В определенной степени сводный словарь удмуртского языка, составленный на основе 15 словарей удмуртского языка с использованием компьютерной техники, заменяет вышеназванные частотные словари. В сводном словаре напротив каждой лексемы указан индекс источников-словарей. В сводном словаре активная лексика зафиксирована большинством словарей, менее пассивная - меньшинством, т.е. если какое-нибудь слово обнаруживается во всех пятнадцати словарях, то это наиболее активное слово, в четырнадцати словарях - менее активное слово, в тринадцати словарях - еще меньше активности слов и т.д., а редко встречающиеся слова зафиксированы только одним из пятнадцати словарей, именно за счет этих слов увеличивается количество слов как в частотных, так и в сводных словарях. Если заимствованное слово в языке-датчике относится к активному слою лексики, то обычно и в заимствующем языке повышает свою активность употребления до уровня употребления языка-датчика.

В составе активной лексики современного удмуртского языка оказалось более ста лексических заимствований, вошедших в удмуртский язык в дооктябрьский период. Ниже приводим часть слов по мере убывания их частотности: *а* 'а' (союз), *эшшо* 'еще', *самой* 'самый', *первой* 'первый', *война, город, книга, завод, стекло, американской* 'американский', *армия, партия, машина, главной* 'главный', *комната, час* 'час' (единица измерения времени), *военной* 'военный', *общество, государство, кышканы* 'боятся', *условие, союз, однако, укно* 'окно', *газет* 'газета', *класс, сразу, задача, солдат, история, ульча* 'улица', *минут* 'минута', *власть, командир, закон, бой, школа, простой, коть* 'хоть, хотя', *лист* 'лист бумаги', *ученой* 'ученый', *служить карыны* 'служить', *область, правительство, матрос, работник, партия, офицер, кораблик, начальник, станция, государственной, январь, председатель, статья, пример, чай, ответ, бумага, французской, порядок, инженер, директор, министр, программа, сад, зал, метр, студент, лампа, телефон, черк* 'церковь',

час 'часы', *музей, профессор, вагон, порт, секунд* 'секунда', *автомобиль, договор, фабрика* и некоторые другие,

К пассивному слою лексики относятся такие слова, как *алтарь, апостол, батрак, бес, варенье, веник, венок, вишня, графин, каземат, козырь, линейка* и т.п

Почти половину заимствований составляют редко употребляющиеся слова: *акрида, аллилуя, алой* 'алоэ', *амвон, амынь, аналой, архиепископ, архиерей, белобилетник, броненосец, бурлак, валежник, вершок, вотчина, вьюшка, гидроплан, гиена, гиря, горбун, горилла, грифель, грубиян, двойник, декаполь, дербень* 'изба при мельнице', *десятник, дикобраз, домбра, драгун, дранча* 'дранница', *дубец* 'било цепа, часть ручной молотилки' и многие другие.

Общий вывод: по мере убывания частотности употребления слов увеличивается количество слов, употребляющихся в малой частотности

сокращения

ЧСРЯ - *Засорина Л.Н.* Частотный словарь русского языка. М.: Русский язык. 1977.

ЧСФЯ - *Pauli Saukkonen, Marjatta Haipus, Antero Niemikori, Helena Sulkala.* Suomen kielen taajuus sanasto. Porvoo-Helsinki-Juva, 1979.

Г. Некрасова
Сыктывкар

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОСТИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ КОМИ ЯЗЫКЕ

Система суффиксальных средств выражения множественности существительных в коми языке включает морфемы *-яс, -ян, -н, -ӧсь*, которые проявляют функционально-дистрибутивные отличия.

Регулярностью функционирования, дистрибутивной неограниченностью и разнообразием в выражении значений множественности отличается суффикс *-яс*. Основное значение формы заключается в выражении разделительной множественности, что проявляется в ряде частных значений, например, дискретная множественность: *Сэсся катша шыӧос петаіс, бӧрья коръяссо кыдз пуяліысь шырзис* (Г. Юшков) 'Потом посыпал снег крупой, оборвал последние листья с берез', дифференциальная множественность: *Ва доро лэччан тушсӧ*

дед мöдіс вуджны шойччаломъясöн... (Е. Козлов) 'Ведущую к реке дорогу дедушка стал переходить отдыхая (букв. отдыхами)...'; репрезентативно-собирательная множественность: *Кывтісны Пеӧьӧяс вой, лун да нӧшта ӧти вой* (Б. Шахов) 'Плыли Федя и те, кто с ним, ночь, день и еще одну ночь'.

Для суффикса *-яс* характерны также другие типы употребления грамматических форм - переносной и нейтрализованный. Он может использоваться для гиперболизированного представления единичного предмета при выражении эмоционально-экспрессивной оценки предмета, например: *Он кисьмы некор шондіястӧг*... (И. Куратов) 'Никогда не созреешь без солнца (букв. без солнц)...' или в значении "один из однородных предметов" с оттенком неопределенности, например: *Чойыс регыд и лэччис карӧ, бӧръя теплоходъяснас* (А. Ульянов) 'Сестра скоро и уехала в город, одним из последних теплоходов (букв. 'последними теплоходами')'.

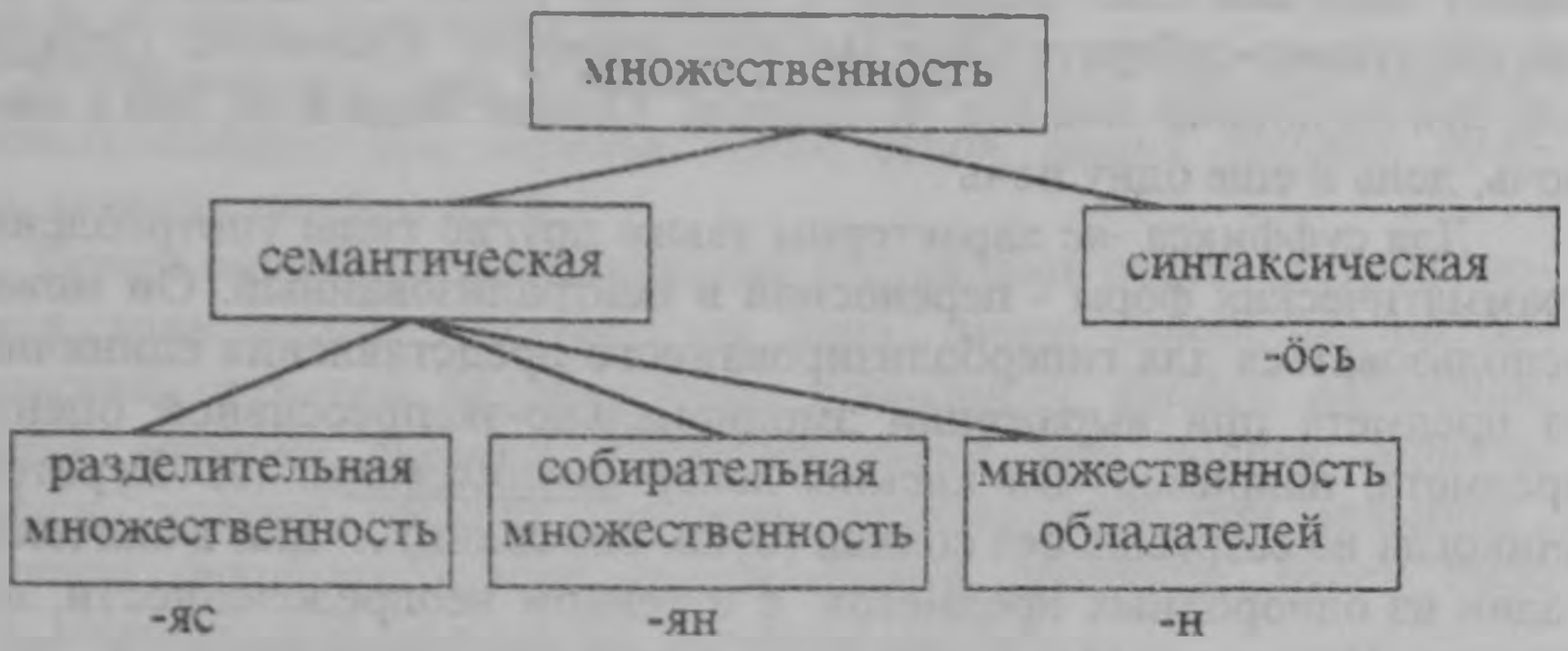
Другие формы множественности *-ян, -н, -ось* - проявляют только противопоставленный тип употребления.

Функционирование суффикса *-ян* ограничено дистрибутивно. В литературном языке и в большинстве диалектов суффикс употребляется только со словом *ти* 'сын': *тиян* 'сыновья', *каньтиян* 'котята', *козпиян* 'еловая поросль, елочки', в вымском, нижневычегодском и лузско-летском диалектах-с собственными именами лиц и с терминами родства, реализуя при этом значение собирательной множественности, например: нв. *Батейян мунісны карӧ* 'Отец мой и другие с ним уехали в город', лл. *Вокысьян тиӧктӧнӧ вузалны керкасӧ* 'Братья и другие родственники заставляют продать дом-то'.

Суффикс *-н*, самый древний по происхождению, имеет функциональное ограничение - используется только для указания множества обладателей в составе посессивных суффиксов *-ным, -ныд, -ныс*: *керканым* 'наш дом', *маминым* 'наша мать', *керканыд* 'ваш дом', *маминыд* 'ваша мать', *керканыс* 'их дом', *маминыс* 'их мать'.

Суффикс *-ӧсь* имеет чисто синтаксическую функцию - используется как средство координации отдельных форм сказуемого с подлежащим по числу. Дистрибуция *-ӧсь* ограничивается инессивными и элативными формами, например: *Челядь гортынӧсь* 'Дети дома'; *Найӧ вӧлiны ӧти сиктысьӧсь* 'Они были из одного села'.

Функциональную модель форм множественности существительных можно представить следующей схемой:

В. Перова
Йошкар-Ола

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ПАРЫ АНТОНИМОВ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В марийском языкознании взаимосвязь синонимов и антонимов изучена недостаточно. Выявление их взаимодействия позволяет глубже проникнуть в сущность данных языковых явлений, дает возможность показать появление системных отношений в лексике и открывает богатый материал для разработки вопросов стилистики.

Известно, что понятие об антониме возникает лишь в том случае, когда существует "соотносительное противопоставление двух или более слов, противоположных по самому общему и наиболее существенному для их значения семантическому признаку" (1, с. 113). Поэтому нельзя, например, сказать, что слово *ӓнгыӹсыӹр* 'узкий' - антоним. Необходимо при этом сразу уточнить: *ӓнгыӹсыӹр* 'узкий' - антоним слова *кымда* 'широкий'. Следовательно, антонимы, как и синонимы, существуют попарно.

Антонимы в марийском языке нередко образуют группу слов, семантически близких по функции противопоставления. Нередко каждое из двух (и более) семантически противопоставленных слов может иметь синонимы, которые образуют синонимические (по вертикали) и антонимические (по горизонтали) ряды. Например:

ава 'мать' *ойхыра* 'горюет' - *сусулана* 'радуется'
сылыклана 'грустит' - *веселӓйӓ* 'веселится'
тошнаа 'тоскует' - *ӹвыӹрта* 'ликует' и т.д.

Между словами двух синонимических рядов, вступающих в антонимические отношения, существуют два вида связи: радиальная и линейная (2, с. 449).

При радиальной связи слова одного синонимического ряда образуют пары антонимов с каждым словом другого синонимического ряда. Приведем для примера два синонимических ряда:

1) *кого* 'большой', *шалдыра* 'крупный', *армыж* 'огромный';

2) *изи* 'маленький', *тыгыды* 'мелкий', *пыйырка* 'крошечный'.

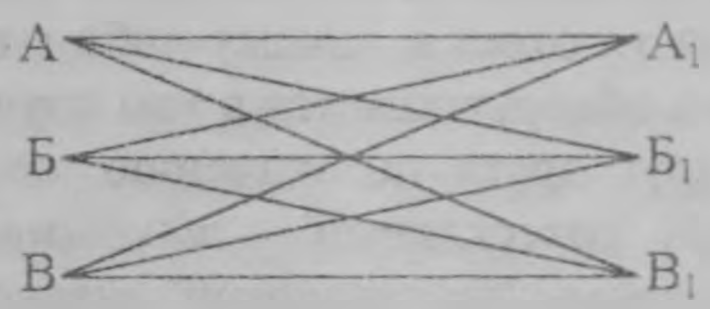
Слова первого синонимического ряда вступают в антонимические отношения со словами второго ряда и образуют три пары антонимов, синонимичных между собой.

кого 'большой' - *изи* 'маленький'

шалдыра 'крупный' - *тыгыды* 'мелкий'

армыж 'огромный' - *пыйырка* 'крошечный'.

Если первый ряд синонимов условно обозначим буквами А, Б, В, а второй ряд - буквами $А_1$, $Б_1$, $В_1$, то радиальная связь на схеме изображается следующим образом:

Радиальная связь проявляется тогда, когда слова каждого синонимического ряда "сочетаются со значительным количеством слов, противопоставляясь в одинаковых позициях" (3, с. 81). Например, слова двух синонимических рядов с противоположным значением: *пуры* 'добрый', *ласко* 'ласковый' и *шӥйдан* 'сердитый', *костан* 'грубый' сочетаются со значительным количеством слов различных тематических групп: *шачак* 'слово', *юк* 'голос', *анжалтыш* 'взгляд', *лица* 'лицо', *йӥдӥр* 'девушка', *атя* 'отец', *эргы* 'сын' и т.д. Приведенные выше синонимы "обладают общим предметно-лексическим содержанием и отличаются лишь дополнительными смысловыми оттенками" (4, с. 10), поэтому все они объединяются в следующие пары антонимов:

пуры 'добрый' - *шӥйдан* 'суровый'

пуры 'добрый' - *костан* 'злой'

ласко 'ласковый' - *шӥйдан* 'суровый'

ласко 'ласковый' - *костан* 'злой'.

При радиальной связи возможна более свободная замена антонимов синонимичными им парами антонимов, не приводящая к изменению содержания высказывания, например, в предложении:

Мыньын ласко авамжы изиэм годымок колен кеш, варешыжы атям токына костан варшавам кандыш 'Моя ласковая мама умерла, когда я была маленькой, вместо нее отец привел в дом злую мачеху'.

Вместо антонимов *ласко* 'ласковый' - *костан* 'злой' можно употребить другие противопоставления. Ср.:

Мыньын пуры авамжы изиэм годымок колен кеш, варешыжы атям токына шыдан варшавам кандыш 'Моя добрая мама умерла, когда я была маленькой, вместо нее отец привел в дом суровую мачеху'.

Это же самое происходит в пословице: *Пысы эдемын йыдал чучеш, ялахайын - кавал* (5, с. 135) 'Обувь расторопного человека изнашивается с носка, ленивого - с пятки'. Вместо антонимов *пысы* 'расторопный' - *ялахай* 'ленивый' можно использовать другие пары антонимов: *шытыр* 'суетливый' - *мыши* 'неповоротливый'. Ср.: *Шытыр эдемын йыдал нер чучеш, мышин - кавал* (5, с. 135) 'Обувь суетливого человека изнашивается с носка, неповоротливого - с пятки'.

Линейной связью называется такая связь, когда каждый синоним одного ряда тяготеет к какому-либо одному синониму другого ряда. Такая связь обнаруживается в том случае, если слова, противопоставленные друг другу по значению, являются однокоренными, например: *шекан* 'совестливый' - *шекшымы* 'бессовестный', *лудшы* 'боязливый' - *лудшымы* 'бесстрашный', *шеклаңыдымаш* 'осторожность' - *шеклаңыдымаш* 'неосторожность' и т.п. При линейной связи не допускается замена синонимичных пар антонимов или такая замена приводит к изменению смысла всего высказывания. Так, в предложении *Вучымо ужа - торышто, вучыдымо - терыште* (6, с. 41) 'Ожидаемый гость - за столом, нежданный - на санях' нельзя заменить ни одно из слов-антонимов синонимичным ему словом.

В тех случаях, когда образуются несколько синонимических пар антонимов, одна из них является основной, доминантной. Как правило, доминантную пару составляют стилистически нейтральные слова, которые лишены дополнительных смысловых оттенков и наиболее употребительны в речи. Пример синонимических пар антонимов:

кого 'большой' - *изи* 'маленький'

шалдыра 'крупный' - *тыгыды* 'мелкий'

армыж 'огромный' - *пыйырка* 'крошечный'

Доминантной является первая пара: *изи* 'маленький' - *кого* 'большой'.

Ниже рассмотрим синонимы двух рядов с противоположными значениями

1) *яжо* 'хороший', *пуры* 'добрый';

2) *худа* 'плохой', *шукшы* 'плохой, рваный'.

Они различаются между собой стилистической окраской. Слова *яжо* 'хороший', *худа* 'плохой', *пуры* 'добрый' стилистически нейтральны, а слово *шукшы* 'плохой' относится к разговорному стилю. Приведенные выше слова образуют синонимические пары антонимов. Например:

1) *яжо* 'хороший' - *худа* 'плохой'; *Цила яжо, - манеш Марья, - ик тыл веле худа: атям уке* (7, с. 55) 'Все хорошо, - говорит Марья, - одно только плохо: у меня нет отца';

2) *пуры* 'добрый' - *худа* 'плохой'; *Пуры эдем сага ыпаш яжо, худа эдем сага - нелы* 'С добрым человеком жить хорошо, с плохим - тяжело';

3) *яжо* 'хороший' - *шукшы* 'плохой'; *Самырык годым веле яжо ыльыла, а шонгемыкы шукшы пати лиймла* 'В молодости бываешь хорошей, а состаришься - будешь плохой'.

Из данных примеров первая пара является доминантной, остальные же относятся либо к разговорному стилю речи (*пуры* 'добрый' - *худа* 'плохой'), либо несут в себе эмоционально-экспрессивную оценку (*яжо* 'хороший' - *шукшы* 'старый').

Отдельные синонимические пары антонимов в марийском языке например: *шокшы* 'жаркий' - *читы* 'холодный', *ливы* 'теплый' - *юлгы* 'прохладный', в частности, указывают на большую или меньшую степень проявления признака.

Такие же отношения характерны и для следующих синонимических пар антонимов, например:

кого 'большой' - *изи* 'маленький';

шалдыра 'крупный' - *тыгыды* 'мелкий';

тоша 'тощий' - *таза* 'толстый';

кужынди 'худошавый' - *цапкыды* 'крепкий'.

В заключение отметим, что наличие синонимических пар антонимов пользующемуся языком предоставляет возможность наиболее адекватно выразить необходимую мысль.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Фомина М.И.* Современный русский язык. Лексикология. М., 1983.

2. *Вверенская Л.А.* Словарь антонимов русского языка. Ростов-на-Дону, 1995.

3. *Новиков Л.А.* Логическая противоположность и лексическая антонимия // Русский язык в школе. 1966. № 4.

4. *Завьялова В.М.* Антонимы. М., 1969.

5. *Сабаткова А.А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1981.

6. *Китиков А.Е.* Марий калыкмут мутер. Йошкар-Ола, 1991.
7. *Лекайн Н.* Монлапдымы курым. Йошкар-Ола, 1965.

А. Ракин
Сыктывкар

АНАТОМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА И НОРМАТИВНЫЕ СЛОВАРИ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ
(сравнительный анализ)

Сравнительный лексикографический анализ анатомической лексики проводится на материале трех словарей современных пермских языков - Коми-русского словаря (М., 1961). Удмуртско-русского словаря (М., 1983) и Коми-пермяцко-русского словаря (М., 1985). Эти издания, несмотря на то, что первый из них появился более тридцати лет назад, а два других в 80-е годы, являются однотипными и на сегодняшний день наиболее полно отражают словарный состав коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского литературных языков.

Основная масса анатомических названий в анализируемых лексикографических источниках является исконной. Заимствования составляют незначительный удельный вес. Вся антропотоминимическая лексика сосредоточена в 726 словарных статьях. Сомонимические названия даны в 359 статьях, спланхнонимические - в 139, остеонимические - в 128, ангионимические и сенсонимические - в 100. Больше всего словарных статей с анатомической лексикой в удмуртском словаре - 284, в коми-зырянском словаре 222, в коми-пермяцком словаре 220 словарных статей. В 576 словарных статьях названия, относящиеся к анатомии человека, даны в качестве заглавных слов. В соответствии со структурными особенностями словарных единиц выделяются три типа заглавных слов: однокомпонентные несоставные названия, двухкомпонентные названия в слитном или дефисном написании и названия, представляющие собой несвободные сочетания слов. В словарях коми языков преобладающим является первый тип заглавных слов, в словаре удмуртского языка - второй тип. Составные названия, состоящие из двух и более слов, расположены внутри словарных статей. Всего здесь содержится 111 коми-зырянских, 96 удмуртских и 85 коми-пер-мяцких названий

Во всех трёх словарях одни и те же названия иногда даются в разных словарных статьях. Примеры показывают, что при этом не всегда соблюдается принцип единообразной подачи материала. Разнобой в подаче одних и тех же обозначений имеет место, как в исходной, так и в переводной части словарной статьи: удм. *ныртысы* 'ноздря, ноздри' и *ныр тысы* 'ноздря', кп. *пиньсӧз* 'нижняя часть зубов (под дёснами)' и *сӧз*: *пинь сӧз* 'десна'. Часть названий одновременно даётся либо как заглавное слово, либо как незаглавное слово и, соответственно, различается орфографически: кз *юрбӧр* 'затылок' и *юр бор* 'затылок'. Некоторые названия различаются месторасположением: в одном случае они оформлены как свободное словосочетание, в другом случае как устойчивое сочетание, находящееся в ромбовой части, например, кз. *лов гӧрт* 'дыхательное горло' и ◊ *лов гӧрт* 'дыхательное горло'. Разнобой между одними и теми же названиями в разных словарных статьях проявляется также в снабжении пометами, в одном случае они не маркированы, например: удм. *пичи кыл* 'язычок', в другом случае маркированы, удм. *пичи кыл* (анат.) 'язычок'. Рассмотренные выше несоответствия между одними и теми же названиями, содержащимися в разных словарных статьях, следует признать как недостаток в лексикографической подаче анатомической лексики. Наряду с нарушением принципа единообразной подачи материала встречаются также примеры недостаточной полноты представления семантического содержания включённых в словари названий: кз. *кымӧс* 'лоб' (отсутствует значение 'лобок'), кз. *ан* 'нёбо' (отсутствует значение 'десна'), кз. *дзир* 'петля, навес, шарнир', удм. *зиры* 'шарнир, шарнирный' (отсутствует значение 'сустав').

Основная масса анатомических названий является общеупотребительной, поэтому никаких помет не имеет. Для маркировки названий, имеющих ограничения в своём употреблении, или обладающих определённой стилистической окраской, в анализируемых словарях используется 13 видов помет. Четыре пометы применяются во всех трёх словарях: *анат.* (анатомия), *диал.* (диалектизм), *дет.* (детская речь), *разг.* (разговорное слово). Пометы *перен.* (в переносном значении) и *груб.* (грубое слово) встречаются в двух словарях - в коми-зырянском и коми-пермяцком. Только в отдельных источниках используются пометы: *прост.* (просторечие), *уст.* (устаревшее слово), *мед.* (медицина) - в коми-пермяцком словаре, *ласк.* (ласкательная форма), *физиол.* (физиология) - в удмуртском словаре, *собир.* (собирательное слово), *неол.* (неологизм) - в коми-зырянском словаре. В составе маркированной анатомической лексики подавляющее большинство составляют названия с пометой *анат.* и *диал.* Диалектных

названий в удмуртском и коми-пермяцком словарях значительно больше, чем в словаре коми-зырянского языка. Словари диалектной лексики коми-пермяцкого и удмуртского языков пока отсутствуют, поэтому включение большего количества диалектных слов в нормативный словарь вполне понятно. Помету *уст.* имеют кп. *сера голя* 'калык', *сюв* 'кишка', *ты* 'лёгкие' и т.д. Вместо них в активном словарном запасе употребляются заимствования *кивтык* 'кадык', *лёгко* 'лёгкие', *кишка* и т.д. Приведённые примеры показывают, что данные исконные лексические единицы становятся менее употребительными не по причине выхода обозначаемых понятий из повседневной сферы общения, а из-за небрежного отношения к ресурсам родного языка и восприятия иноязычных названий как более престижного средства номинации анатомических объектов. В результате такого подхода заимствования могут полностью заменить исконные названия и стать единственными обозначениями соответствующих понятий.

Анализируемая анатомическая лексика в рассматриваемых словарях характеризуется не очень высокой степенью обеспеченности иллюстративным материалом. В коми-русском словаре, например, иллюстративные примеры содержатся в 90 словарных статьях, а в 118 отсутствуют. В удмуртском и коми-пермяцком словарях это соотношение выглядит следующим образом: 96 - 118, 98 -123. Следует отметить, что современный уровень художественной литературы, особенно её крупные жанры, дают возможность снабдить цитатным материалом почти все названия, данные в словарях без иллюстраций. Результаты исследования также показывают, что имеются значительные резервы не только для корректировки и улучшения словарных статей, но и для существенного пополнения самого корпуса анатомических названий в словаре литературного языка.

З. Строгальщикова
Петрозаводск

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В КОНСТИТУЦИЯХ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

Полномочия образованной 8 июня 1920 года Карельской трудовой коммуны (КТК) - карельской государственности были закреплены Международным договором между Финляндией и РСФСР (г.

Тарту) 14 октября 1920 года в "Заявлении о самоуправлении Восточной Карелии".

В нем статус государственного в карельской автономии придавался "местному народному" (карельскому) языку. На I съезде карел (1-3 июля 1920 года), одобрившем декрет ВЦИК РСФСР от 8 июня 1920 года о создании КТК, было признано необходимым вести преподавание на "родном народном, русском или финском, по желанию родителей, языке. Организовать в каждой деревне библиотеки и читальни. Издавать газеты на родном языке".

Но руководство республики, в котором преобладающую роль играли "красные финны" (участники рабочей революции в Финляндии в 1918 году, вынужденные после ее поражения эмигрировать в Россию и Швецию), было убеждено, что вся культурная и просветительская деятельность среди карел и вепсов должна вестись на финском языке, уже готовым для этой цели. Уже на I Всекарельском съезде Советов (февраль 1921 года) было заявлено, что "возрождение карельской грамоты является ненужным и невыполнимым делом". Школы в карельских и вепсских местностях стали переводиться на обучение на финском языке, на нем стали издаваться газеты, печататься общественно-политическая литература. Однако для большей части карел (южных) и вепсов финский язык был мало понятен, и, естественно, не воспринимался как родной. Руководителям Карелии - Э. Гюллингу, Г. Ровио и др. пришлось приложить немалые усилия для распространения финского языка во всех сферах общественной жизни. Но за пределами Карелии у карел Тверской губернии и вепсов Ленинградской области в то время успешно шло преподавание на родных языках. Там была подготовлена и издана для карел и вепсов учебная литература на родных языках.

После снятия в 1935 году с постов Э. Гюллинга и его сторонников была предпринята попытка образования в 1936-1938 годах карельской письменности, общей для всех карел. В отличие от существовавшей для тверских карел письменности на латинице, в Карелии она была создана на кириллице. Существующие значительные диалектные различия в речи собственно карел (северных) и южных карел пытались сгладить созданием усредненного карельского языка, который, однако, не был воспринят ни южными, ни северными карелами. И вскоре карельская письменность была отменена.

В 1937 году была предпринята попытка ввести преподавание у вепсских детей на родном языке в Шелтозерском вепсском национальном районе, - использовав имеющуюся учебную литературу, подготовленную для вепсских школ Ленинградской области. Но уже в конце 1937 года вепсская письменность была запрещена и в Ле-

нинградской области, и в Карелии. В итоге - оба коренных народа республики до 1989 года оставались бесписьменными.

Все эти колебания и противоречия в языковой политике нашли отражение и в республиканских Конституциях. В подготовленный в 1926 году Э. Гюллингом проект Конституции Автономной Карельской Социалистической Советской Республики была включена отдельная глава (II) "О государственных языках АКССР", где равноправными государственными языками признавались карело-финский и русский языки. Все законодательные и административные акты должны были публиковаться на двух языках, а делопроизводство, судопроизводство и обучение в отдельных местностях проводиться на языке большинства населения или на обоих государственных языках. Реально же до отстранения Э. Гюллинга и его сторонников от власти в роли второго государственного языка использовался, особенно в национальных районах, финский язык. Утверждение данного проекта Конституции не состоялось, и первая Конституция (Основной Закон) Карельской Автономной Советской Социалистической Республики была принята 17 июля 1937 года. В ней, хотя и не было введено понятие государственных языков, предписывалось публиковать все решения органов власти (статья 24), вести судопроизводство (статья 78), использовать символику (статья 111) на трех языках - карельском, финском и русском.

В связи с изменением статуса КАССР на Союзную Республику - Карело-финскую Советскую Социалистическую Республику - 9 июля 1940 года была принята новая Конституция (Основной Закон) КФССР. В ней из числа языков, на которых необходимо публиковать законы (статья 25), вести судопроизводство (статья 84), иметь соответствующие надписи на гербе и флаге (статья 117), оставлены лишь два языка - финский и русский

Во всех последующих текстах Конституций, начиная с Конституции 1957 года, принятой после возвращения республике в 1956 году вновь статуса автономной, Конституции 1978 года с изменениями и дополнениями, внесенными в 1984 и 1991 годах, и до принятия в декабре 1993 года ныне действующей редакции, указывались такие же нормы по применению финского и русского языков. На них была обязательна публикация всех решений органов государственной власти, предусматривалась возможность выбора одного из языков при ведении дел в судопроизводстве, равном их использовании в государственной символике

Особо отметим, что во всех Конституциях, начиная с 1937 года, провозглашалось, что право на образование обеспечивается и "обучением в школах на родном языке", что дало возможность нацио-

нальной интеллигенции требовать в 1988-1989 годах восстановления карельской и вепсской письменности и изучения этих языков в школах республики.

В редакции действующей Конституции, принятой в декабре 1993 года, осталась лишь норма, что республика имеет право устанавливать наряду с русским свой государственный язык. Но возможность реализации этого права весьма проблематична и зависит от представительства коренных народов в парламенте Республики Карелия.

Представительство карел, финнов и вепсов в Верховном Совете Республики, который по Конституции до внесения изменений в 1993 году являлся высшим органом власти, было весьма значительным - от 30 до 40 процентов, хотя доля этих народов в общей численности населения республики неуклонно снижалась. Так, по переписи 1989 года из 790-тысячного населения республики 10 процентов составляли карелы, около процента - вепсы и 2,3 процента - финны. Существующая этнодемографическая структура населения Карелии при первых же в 1990 году свободно проведенных выборах в Верховный Совет привела к резкому снижению - до 13 процентов - представительства в нем карел, вепсов и финнов, но оно оказалось примерно равным их доле в общем населении республики.

При выборах в 1994 году удалось не сократить долю представительства коренных народов на данном этапе в парламенте Карелии. Однако выборы 1998 года привели почти к полному отсутствию представительства карел, вепсов и финнов. Сейчас их доля составляет всего 0,6 процента.

Одной из первых инициатив представителей ЛДПР во вновь сформированном Законодательном Собрании было предложение о внесении поправки в Конституцию, предусматривающую использование в качестве государственного в Карелии только русского языка и необходимости проведения референдума в случае введения наряду с русским другого государственного языка. Поправка при обсуждении была снята инициаторами.

Таким образом, принятые на съездах карел (1990 г., 1993 г.) решения о необходимости придания карельскому языку статуса государственного при нынешнем составе Законодательного Собрания вряд ли будут реализованы в ближайшее время и, очевидно, Республика Карелия останется единственной республикой в Российской Федерации, где язык титульного этноса не имеет перспектив получить статус государственного.

Э. Фомин
Чебоксары

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЧУВАШСКОГО И МАРИЙСКОГО ЯЗЫКОВ В СФЕРЕ НАУКИ

Стилистическое есть результат традиционного употребления языка в той или иной сфере. В настоящее время использование чувашского и марийского языков во многих сферах жизнедеятельности, например, в делопроизводстве, науке, сужено до минимума. Данные языки еще недавно - в 1920-60 гг. - в пределах республик являлись полнофункционирующими: статус чувашского определялся как доминирующий, употребление марийского и русского языков было уравновешенным. Однако полувековой период явно недостаточен для того, чтобы сложились прочные стилистические предпочтения. Под воздействием ряда социальных причин, приведших к относительно полному двуязычию носителей национальных языков и все чаще с преобладанием русского компонента, привело к тому, что "использование двух разных языков в тождественных ситуациях и функциях оказывается избыточным, функционально неоправданным" (1, с. 105), в результате чего происходит сужение сфер функционирования чувашского и марийского языков и качественное развитие их стилей или затормаживается (научный стиль), или прекращается вовсе (официально-деловой стиль).

Усеченное функционирование рассматриваемых языков в научной сфере, выражающееся в обслуживании ими не всей науки, а лишь подсферы гуманитарных дисциплин и в последнее время - только филологии, привели к тому, что часть лингвистов подвергает сомнению само существование какой-либо их научной разновидности. "....такое заключение создается именно на основе подхода к стилю с позиций наличия в нем лишь маркированных стилистических средств, вне учета речевой системы. Если же на этих языках есть научная литература и, естественно, научное мышление, то оно не могло не проявиться в речи..." (2, с. 16).

Научный стиль чувашского и марийского языков больше стиль (особая манера пользования языком), нежели некое надстилевое образование со своими особыми средствами и даже правилами их сочетания, каким он чаще всего представляется в настоящее время в западных старописьменных языках. Безусловно, такой "высокий" статус есть результат продолжительной внутристилевой эволюции. Однако уже сегодня многие ученые указывают на все усиливающие-

ся процессы интеграции в системе функциональных стилей, ведущих к сокращению количества лингвистических примет той или иной речевой разновидности, и на процессы дифференциации, суть которых заключается в возрастании роли речевой системности стилей.

Немногочисленные стилистически маркированные средства слабо характеризуют разновидности употребления обоих языков на всех периодах развития. Даже поверхностный просмотр образцов донациональных типов чувашского и марийского языков - фольклорной и культовой - позволяет сделать вывод, что цели коммуникации достигались особой организацией речи. То, что из всей совокупности языковых единиц лишь небольшой процент обладает яркой коннотацией, объясняется отсутствием непрерывной письменной традиции. Письмо в отличие от устной формы общения обладает способностью сохранять информацию во времени.

Обособленность, специфика научной разновидности выражается также в том, что если художественный, публицистический, разговорный и литургический (в чувашском) стили представляют собой адаптированное к новым условиям, "европеизированное" продолжение донациональных культового, фольклорного, обыденного типов, то научный стиль, как и официально-деловой, такой первоосновы лишен: его лингвистическое содержание опосредовано нейтральным литературно-языковым образованием и только отчасти профессиональной речью.

Текстовые нормы научного стиля складывались под воздействием русских научно-популярных текстов вначале через посредство их перевода, затем - благодаря подражанию оригиналам на русском языке и лишь потом - ориентацией на лучшие собственно национальные образцы. И в противовес копированию "идеалов" лингвистическое содержание - результат самостоятельного эмпирического осознания и освоения переводчиками, научными работниками наиболее адекватных языковых соответствий корпусу экстралингвистических факторов, действующих в данной сфере.

"Чем шире и свободнее используется язык в своем социуме, тем более благоприятны условия для его развития и совершенствования, тем выше его престиж. Напротив, узость (или сужение) социальных функций языка (например, юридический или фактический запрет использования конкретного языка в государственных учреждениях, либо в средней или высшей школе) обедняет коммуникативные возможности языка, обрекает его на застой и оскудение, и в конечном счете осложняет жизнь общества" (1, с. 127). В нашем случае нет запретов, есть добровольный отказ, мотивированный стилистической сложностью передачи научной информации на родном языке (след-

ствие сужения использования языков в научной сфере), тем, что употребление родной речи сужает аудиторию и т. п. Однако ограничение функционирования чувашского и марийского языков в сфере науки лишает их возможности гармонического развития, что выражается в ослаблении реализации заложенных в языке потенций, и действительно осложняет жизнь общества. Вытеснение языков вначале из деловой, сейчас из научной, несложно предположить, в ближайшем будущем также и из других сфер - проявление разрушительных для обеих сторон - и национальной и русской - ассимиляционных процессов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. М.: АО «Аспект Пресс», 1994.
2. *Кожина М.Н.* О речевой системности научного стиля. Пермь, 1972

Е. Цыпанов
Сыктывкар

ГЛАГОЛЬНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В КОМИ ЯЗЫКЕ

В последнее десятилетие вместе с ощутимыми изменениями в общественной жизни и под их прямым воздействием наблюдается заметный всплеск внутрикультурного развития коми языка, прежде всего в области расширения и обогащения лексического состава. Возникновение новых слов и активизация лексем из пассивного состава, диалектов в определенной степени отражена в 1 выпуске оперативного лексикографического издания "Выль коми кывъёр" (Новая коми лексика)(1). Далее языковой материал привлекается из упомянутого источника, где зафиксированы употребляющиеся, но не отмеченные в нормативных словарях литературного коми языка лексемы.

Из почти что 800 словарных статей словаря глагольных новообразований чуть менее сотни, что уже говорит о значительной роли в лексическом расширении, в глаза бросаются прежде всего слова, обозначающие предметные реалии, т.е. существительные, например, *шӧрин* 'центр', *оланпас* 'закон', *вужвойтыр* 'коренной народ', *орд* 'род', *уджтас* 'программа', *юрсикт* 'сельский районный центр' и др. Тем не менее глаголы-новообразования также вносят заметный

вклад в развитие лексики, прежде всего, обогащая синонимику, авторскую речь, передавая новое понятийное значение собственно коми языковыми средствами. Например, значение глагола *приватизировать* ныне передается двумя коми глаголами *асэмбуравны* и *асавны*, от первого широко употребительно отглагольное существительное *асэмбуралöм* 'приватизация'. Материал показывает, что абсолютное большинство глаголов образовано недавно, лишь глаголы *мылыштны* 'миловать' и *ёрöны* 'судить' переняты из древнекоми языка. Отымённые глаголы образуются от разных основ, как от собственно коми (в большинстве случаев), так и от заимствованных, например, *банкротав-ны* 'объявить банкротом', *коммерсантавны* 'заниматься коммерцией', *рабавны* 'раболепствовать', *презентацияась-ны* 'заниматься устройствами презентаций', *ожманасьны* 'воевать'. Последний глагол известный писатель Г. Юшков образовал от удмуртских основ *ож*, *ожман* 'война, бой, удар'.

Предствавленный в словаре новообразований глагольный материал свидетельствует о том, что в процесс глаголообразования включаются все деривационные возможности, из которых наиболее частотными является использование следующих суффиксов: *-ав* (*ал*), примеры: *вожавны* 'противоречить', *гöрдавны* 'служить в Красной Армии', *кывбуравны* 'сочинять стихи'; *-ась*, примеры: *важвоасьны* 'отмечать старый Новый год', *лызьтомасьны* 'снять лыжи', *небыдасьны* 'угодничать'; *-м*, примеры: *дасьмыны* 'стать готовым', *кузьмыны* 'удлиняться', *мöстöммыны* 'стать без коровы', *ичöтмыны* 'уменьшаться'; *-öд*, примеры: *асланьöдны* 'покорить', *ортсыöдны* 'высунуть', *рочöдны* 'перевести на русский язык', *рöмöдны* 'покрасить', *ловмогмöдны* 'удовлетворять духовные потребности' и т.д.

Как показывают переводы на русский язык, в новых глаголах содержится зачастую очень ёмкое понятийно-денотативное значение, для выражения которого не доставало языковых единиц. Интересны в этом отношении оригинальные авторские словоупотребления, например, глагол *кöчасьны* писатель В. Напалков создал от основы *кöч* 'солнечный зайчик' в значении 'отражаться, отблёскиваться (о солнце), подобно солнечному зайчику'.

Дополнительный материал глагольных новообразований предполагается представить в подготавливаемом к печати 2 выпуске оперативного издания "Выль коми кыввор".

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Безносикова Л.М., Цыпанов Е.А.* Выль коми кыввор. Новая коми лексика. Сыктывкар, 1997

CONTENTS

MATERIALS OF INTERNATIONAL SYMPOSIUM "FINNO-UGRIC WORLD AND THE XXI CENTURY"

FINNO-UGRIC STUDY: SCIENTIFIC COURSE AND SEARCH

HISTORY

Alibekov S., Ermakova E., Shadrin A. New in restoration and preservation of archaeological articles (based on Finno-Ugric relics of the Middle Volga region) 5

Bakhtin A. Some problems of medieval history of Maris..... 7

Bolshov S. V. Dating of Abashevo's relics and their place in the cultural circle of Bronze Epoch of the Northern Middle Volga region..... 11

Bukina O. Burials with remainders of consuming and the sepulchre of Finnish people of the Volga region in the IV - XI centuries A. D..... 13

Vasilyeva O. I. Authority and the Udmurt intellectuals (1920-1930 ts)..... 16

Gareyev I. S. The number of Mari population in Orenburg province at the end of the XVIII th - the first half of the XIX th century..... 18

Zhuravleva G. The population of the Middle Kama region of the Pianobor Epoch in the iron century (on the material of the Udmurt sepulchre of the Kama region)... 20

Zelenеev Y. Settlement of Finno -Ugric people on the Volga-Kama region in the XIII - XV th century. (Basic results of the research)..... 23

Zemtsov I. Questions of studying of the Mari book-publishing history..... 25

Ivanov A. Employment and occupation of the population of the Mari Autonomic region (on the materials of the All - Union census of the population in 1926).. 29

Ivanov A. All - Mari pagan prayers in the 20 ts of the XIX th century..... 31

Isanbaev S., Ozhiganova E., Orlova O., Shabykov V. The state and perspectives of development of sociological research in the Republic of Mari El..... 34

Kadykova G. The Mari peasant family in the first half of the XIX th century (based on "reviz tales" of Kazan province)..... 37

Kazakov E. Ethnocultural interrelation of Volgic Bulgars and the population of the Mari Volga region in the X - XI th centuries..... 40

Kazantseva O. Cultural contacts of potters of the Kama region with masters of the Volga region in the iron century (on archaeological data)..... 41

Konshin A. Forming of national State system of Komi - Permyaks..... 43

Kutasova V. Library funds as a part of historic - cultural heritage of the Mari people..... 45

Leshchinskaya N. Western orientation in cultural ties of the population of the Vyatka basin in the 1 st century A. D..... 48

Makarov L. Forming of areas of Old Russian settlements on the territory of the Kama region..... 51

Mezin P. Finno-Ugric world on the P. I. Keppen's map in his scientific research: stages, problems and methods of acculturation..... 53

Nikitin V. Cultural genesis in the stone epoch in the forest area of the Middle Volga region..... 55

Obrezkova A. Investigation of life and activity of the representatives of the Finno-Ugric intelligentsia in Kazan..... 59

Oshaev A. Origin of the Mari national movement..... 62

Petrova E. Basic stages and peculiarities of housebuilding of the Mari population of the Volga region in the II- I centuries B. C..... 64

Rybalka V. The role of the rural intelligence in rising of cultural level of the Mari village (1946 - 1965)..... 66

Svechnikov S. Main features of social system of Maris in XV th - the first half of the XVI th centuries..... 69
Solovyeva E. To the question about relationship of cultures of Early Bronze epoch in the South forest area of the Volga- Urals..... 71
Sutyrina O. Discussion of the 20 tis on social - economic development of the Mari people..... 74
Tokareva I. Forest trade of Maris in the years of NEP..... 78
Tokareva L. Mari school in the 20 tis..... 80
Chernykh E. Worship complex of Argyzhsky site of the ancient settlement on the river Vyatka..... 84
Shapieva N. Eastern Maris: stages and peculiarities of ethnic history..... 86
Yakovleva V. Meshchera in the source of the middle of the XIX th century (to the question on settlement) 90

ETHNOGRAPHICS AND FOLKLORE STUDY

Artyushkina Z. Traditional costume and colour symbolism of the Mari embroidery 93
Boyarinova G. Nonverbal means of expressing in the drama of K. Korshunov "Kornyen" ("Traveler")..... 96
Buranova L. Institution of "my and another's" in spatial-temporal system of traditional outlook of Udmurts. 100
Devyatkina T. Traditional model of the World in the Mordvinian mythology..... 101
Zolotova T. Methodical and methodological aspects of the problem of interethnic ties and interactions (on the material of traditional cultures)..... 103
Ivanov I. Symbols in Mari ritual folk songs..... 107
Kudryavtsev V. Pagan symbolism in the Mari folk art: heritage and present..... 110
Kudryavtseva R. Mari story in the beginning of the XX th century (poetry genre)... 113
Kuznetsova T. Komi novel in the end of the XX th century in the search of belles - lettres conceptions..... 117
Minniyakhmetova T. The state of ancient religion of the Udmurt diaspora..... 119
Moldanov T. Mythic picture of the world, reproduced at the modern bear merry-making. 121
Moldanova T. About the origin of geometrical ornamentation of Khanties (semantic aspect)..... 124
Molnár G. The Hungarian mythic tree..... 126
Nikonova L. Traditional medicine of Finno-Ugric and Turkic peoples of the Volga and Ural region (brief historic-graphical analysis). 128
Orlov G. Mari pagan prayers in the light of theory of "cultural landscapes"..... 131
Sabitov S. About the working out and publication of the code "Mari folklore"..... 133
Sadikov R. Sacrifice building "gulbech taka" by the Udmurts on the territory of the Over Kama region..... 136
Sapegina J. Interethnic ties in Malmyzh region on the materials of legends..... 138
Struyonkova G. Components of material culture in the system of life-support of Mordvinian ethnos: tradition and present..... 141
Susoreva M. To the question of historic-cultural and literary intercommunication of Maris and Mordvins. 143
Urmatskikh M. Ritual of animals sacrifice by the Maris of Karakulinsky region..... 145
Fedoseeva N. Modern Mari prose about the 30 tis. 147
Chervonnaya S. Pagan symbolism and mythology in Mari art. 148
Shabdarova L. E. Symbolism of flowers in Mari folk songs and chastooshkas..... 151
Yadarova I. Folk - ethnographic base of the first Mari essays..... 154
Yakovleva G. Modern Mari drama..... 155

PHILOLOGY

Andrianova E. Structure of terminology of blood relationship in the Volgic languages 159
Apsatarova S. Origin of the phonemes A and Y in Mishkinsky dialect as a result of the contact with the Turkic languages 161
Bartseva L. About the semantics of the verb "yoshkargash" and the Mordvinian "yakstergadoms" 163
Galkin I. About the one of the principles of definitions of succession of penetration of foreign words and forms 166
Gordeev F. About late sarmatisms in Mountain and North - Western dialects of the Mari language 168
Zorina O. Culinary vocabulary in the Finnish language 170
Ivanov I. To the problem of preserving of the Mari language 172
Kuklin A. Modern toponomastics: achievements, searches and prospects 179
Lipatov A. Finno-Ugric *kurja and Russian "hut on hen's legs" (etymology and semantics of the protoroot * kur-) 181
Maksimov V. Pronominal government in the Mari language 184
Matrosova L. Composite forms of nominal compound predicate 185
Mukhamadeev R., Sabantseva Z., Sorokina N. Frequency dictionaries of the Mari languages 187
Ostapova Z. Including local lore and ethnographic material into the work of the national nursery school 189
Sergeev O. To the problem of compiling of the Mari historical dictionary 192
Tuzharov G. Determination of the case status of approximative and elative in the Mari language 193

PROBLEMS OF FUNCTIONING OF THE FINNO-UGRIC LANGUAGE: PRESENT STATE, TENDENCIES, PERSPECTIVES

Abukaeva L. Functioning of presubstantive - attributive complexes in the Mari language 198
Vasikova L. Actual problems of functioning of the Mari languages' orthographic problems 200
Gromova L. History, present state and perspectives of development of the Karelian language in Tver region 204
Zorina Z. The Russian speech of the Maris as a model of phonetical substratum 207
Ignaeva R. Exact plurality, defined by the use of the unit of measure 112
Konstantinova V. Problem of improvement of teaching Mari as unvernacular 216
Nasibullin R. Place of Russian borrowings of Pre-October period in the lexical system of the Modern Udmurt language 220
Nekrasova G. Functioning of forms of nouns' plurality in the Modern Komi language 222
Perova V. Synonymic pairs of antonyms in Mari 224
Rakin A. Anatomic vocabulary and normative dictionaries of the Permic languages (comparative analysis) 228
Strogalshchikova Z. Questions of linguistic policy in the Constitution of Karelian Republic 230
Fomin E. Stylistic aspect of functioning of the Chuvash and Mari languages in the scientific field 234
Tsypanov E. Verbal neologi-ms in Komi 236

«Финно-угроведение», 1999. № 2-3.

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации № 012258

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44.
Тел.: 55-37-34

Редактор *Т.А. Товашова*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*

Английский текст *Ж.М. Сабанцевой*
Компьютерный набор и верстка *Х.Н. Полушиной*

Сдано в набор 24.09.1999. Подписано в печать 21.01.2000.
Формат 60 x 84/16. Усл. печ. л. 13,95. Тираж 300 экз.
Бумага офсетная . Заказ № 2814

Редакционно-издательский отдел
Марийского государственного университета
424001, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1.